

ISSN 2686-7494

Два века

РУССКОЙ
ИЖИСКИ

ISSN 2686-7494

ISSN 2686-7494

Журнал включен
в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Два века **Two centuries**
русской классики **of the Russian classics**
[Dva veka russkoi klassiki]

Научный журнал   Academic Journal
Выходит с 2019 года   Is published since 2019

2023 Том 5 № 4   2023 Volume 5 No. 4

Учредитель и издатель: Founder and publisher:
Институт   A. M. Gorky
мировой литературы   Institute
им. А. М. Горького   of World Literature
Российской   of the Russian
академии наук   Academy of Science

Два века
РУССКОЙ
КЛАССИКИ

Редакционная коллегия журнала «Два века русской классики»

Главный редактор

Шербакова Марина Ивановна (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Виноградов Игорь Алексеевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия)

Заместитель главного редактора

Андреева Валерия Геннадьевна (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

Гулин Александр Вадимович (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия), Гуминский Виктор Мирославович (Институт
мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия),
Ивинский Александр Дмитриевич (Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва, Россия), Троицкий Всеволод Юрьевич
(независимый исследователь, г. Москва, Россия), Воропаев Владимир Алексеевич
(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия),
Генералова Наталья Петровна (Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук, г. Санкт-Петербург, Россия), Захаров Владимир Николаевич
(Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Российский фонд
фундаментальных исследований, г. Москва, Россия), Коровин Владимир Леонидович
(Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия),
Лебедев Юрий Владимирович (Костромской государственный университет, г. Кострома,
Россия), Михайлова Наталья Ивановна (Государственный музей А. С. Пушкина, г. Москва,
Россия), Мосалева Галина Владимировна (Удмуртский государственный университет,
г. Ижевск, Россия), Николаева Евгения Васильевна (Московский педагогический
государственный университет, г. Москва, Россия), Николаева Светлана Юрьевна (Тверской
государственный университет, г. Тверь, Россия), Федоров Алексей Владимирович
(издательство «Русское слово», г. Москва, Россия), Чернышева Елена Геннадьевна
(Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия)

Международный редакционный совет

Авидзба Василий Шамониевич (научно-исследовательский центр «Абхазская
энциклопедия», г. Сухум, Абхазия), Гини Джузеппе (Университет им. Карло Бо, г. Урбино,
Италия), Донсков Андрей Александрович (Славянская исследовательская группа при
университете Оттавы, г. Оттава, Канада), Кавачца Антонелла (Университет им. Карло Бо,
г. Урбино, Италия), Луцевич Людмила Федоровна (Варшавский университет,
г. Варшава, Польша), Олджай Тюркан (Стамбульский университет, г. Стамбул, Турция),
Саверченко Иван Васильевич («Институт литературоведения им. Янки Купалы»
Национальной академии наук Беларуси, г. Минск, Беларусь),
Рафаэль Гусман Тирадо (г. Гранада, Испания)

The editorial board of the journal “Two centuries of the Russian classics”

Editor-in-Chief

Marina I. Shcherbakova (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Igor' A. Vinogradov (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Valeria G. Andreeva (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia)

Editorial Board

- Alexander V. Gulin (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),
Victor M. Guminsky (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),
Alexander D. Ivinsky (A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia),
Vsevolod Yu. Troitsky (Independent Researcher, Moscow, Russia),
Vladimir A. Voropayev (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
Natalya P. Generalova (Institute of Russian Literature (The Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia),
Vladimir N. Zakharov (Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russian Foundation for Basic Research, Moscow, Russia),
Vladimir L. Korovin (Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia),
Yuriy V. Lebedev (Kostroma State University, Kostroma, Russia),
Natalya I. Mikhaylova (State Museum of A. S. Pushkin, Moscow, Russia),
Galina V. Mosaleva (Udmurt State University, Izhevsk, Russia),
Evgenia V. Nikolaeva (Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia),
Svetlana Yu. Nikolaeva (Tver State University, Tver, Russia),
Alexey V. Fedorov (Russian Word publishing house, Moscow, Russia),
Elena G. Chernysheva (Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia)

International Editorial Council

- Vasily Sh. Avidzba (Abkhazian Encyclopedia Research center, Sukhum, Abkhazia),
Giuseppe Genya (University of Carlo Bo, Urbino, Italy),
Andrey A. Donskov (Slavic Research Group at the University of Ottawa, Ottawa, Canada),
Antonella Cavazza (University of Carlo Bo, Urbino, Italy),
Lyudmila F Lutsevich (Warsaw University, Warsaw, Poland),
Oldzhay Tyurkan (Istanbul University, Istanbul, Turkey),
Ivan V. Saverchenko (Institute of Literary Criticism of Janka Kupala of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),
Raphael G. Tirado (Granada, Spain)

Содержание

Русская литература XVIII–XIX столетий

- 6**   **Гойкович Р.** Державное призвание русской литературы
- 16**   **Капустина С. В.** К вопросу о переводе единиц концептосферы
Н. В. Гоголя: «Богатырство» или «heroism»?
- 34**   **Кириченко О. В.** Москва и Петербург в романе Л. Н. Толстого
в свете учения о Третьем Риме
- 58**   **Быстрова О. В.** «Я считаю его очень талантливым...»: К истории взаимоотношений М. Горького и А. В. Яровицкого

Текстология. Источниковедение

- 76**   **Киселева И. А., Поташова К. А.** Неизвестная рукопись А. А. Вельяминова
- 100**   **Генералова Н. П.** Россия глазами гейневской «Мушки»
(И. С. Тургенев и Камилла Зельден)
- 122**   **Фетисенко О. Л.** Сергей Рачинский и его уроки словесности.
По страницам неизданной переписки с И. Л. Леонтьевым (Иваном Щегловым)

Научная жизнь

- 136**   **Павлова И. Б.** Итоги конференции «Русская литература и национальная
государственность»
- 146**   **Осипова Е. А.** Новая книга о роде и семье Аксаковых
- 154**   **Андреева В. Г.** Специальный филологический выпуск журнала
к юбилею А. Н. Островского

Contents

Russian Literature of the 18th–19th Centuries

- 6   **Goikovic Ranko.** The State Vocation of Russian Literature
- 16   **Svetlana V. Kapustina.** On the Translation of Nikolay Gogol’s Conceptosphere
Units: “Bogatyrstvo” or “Heroism”?
- 34   **Oleg V. Kirichenko.** Moscow and St. Petersburg in the Novel by L. N. Tolstoy in
the Light of the Doctrine of the Third Rome
- 58   **Olga V. Bystrova** “I Consider Him Very Talented...”: On the History of the
Relationship Between M. Gorky and A. V. Yarovitsky

Textual Criticism. Source Study

- 76   **Irina A. Kiseleva, Ksenia A. Potashova.** Unknown Manuscript by
A. A. Velyaminov
- 100   **Natalya P. Generalova.** Russia as Seen by Heine’s “La Mouche”
(I. S. Turgenev and Camille Selden)
- 122   **Olga L. Fetisenko.** Sergey Rachinsky and His Literature Lessons.
Based on Unpublished Correspondence with I. L. Leontiev (Ivan Shcheglov)

Scientific Life

- 136   **Irina B. Pavlova.** Results of the Conference “Russian Literature and National
Statehood”
- 146   **Elena A. Osipova.** A New Book about the Aksakov Clan and Family
- 154   **Valeria G. Andreeva.** Special Philological Issue of the Journal for
A. N. Ostrovskiy’s Anniversary

© 2023. Ранко Гойкович
Независимый исследователь
г. Белград, Сербия

Державное призвание русской литературы

Аннотация: В статье автор обращается к православным истокам русской литературы и ее связям с патриотическими традициями русской государственности. На примере классических произведений отечественных писателей исследуются ключевые вопросы русской цивилизации, противостояния православного славянского мира с Западом, религиозный смысл и призвание искусства. В работе отмечается важность осмысления классиками процесса христианизации русской жизни, понимание ими возможного кризиса веры и жизни в случае утраты подавляющим большинством граждан настоящих духовно-нравственных ориентиров. Отмечается связь русской классики со святоотеческим наследием, подчеркиваются отдельные евангельские мотивы в текстах известных писателей, рассматривается ориентированность классических произведений русской словесности не на уход от мира, но на деятельное служение человечеству. Автор статьи делится своими наблюдениями за текстами древнерусской литературы, которые в настоящий момент переводит на сербский язык.

Ключевые слова: русская государственность, Православие, патриотические традиции, русская литература, славяне, призвание, служение.

Информация об авторе: Ранко Гойкович, председатель «Русского Соборания в Сербии», независимый исследователь, г. Белград, Сербия.

E-mail: rosserb@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 21.10.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 14.11.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Гойкович Р. Державное призвание русской литературы // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 6–15. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-6-15>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russskoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 6–15. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 6–15. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Ranko Goiković
Independent Researcher
Belgrade, Serbia

The State Vocation of Russian Literature

Abstract: In the article, the author turns to the Orthodox origins of Russian literature and its connections with the patriotic traditions of Russian statehood. Using the example of classical works of Russian writers, the author explores the key issues of Russian civilization, the confrontation between the Orthodox Slavic world and the West, the religious meaning and vocation of art. The work notes the importance of the classics' understanding of the process of Christianization of Russian life, their understanding of a possible crisis of faith and life in the event of the loss of real spiritual and moral guidelines by the overwhelming majority of citizens. The article notes the connection between Russian classics and the patristic heritage, emphasizes individual evangelical motifs in the texts of famous writers, and emphasizes the focus of classical works of Russian literature not on escaping the world, but on active service to humanity. The author of the article shares his observations on the texts of ancient Russian literature, which he is currently translating into Serbian.

Keywords: Russian statehood, Orthodoxy, patriotic traditions, Russian literature, Slavs, vocation, service.

Information about the author: Ranko Gojković, Chairman of the Russian Assembly in Serbia, Independent Researcher, Belgrade, Serbia.

E-mail: rosserb@yandex.ru

Received: October 21, 2023

Approved after reviewing: November 14, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Gojkovic, R. "The State Vocation of Russian Literature." *Dva veka russskoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 6–15. (In Russ.)
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-6-15>

Помните, что Отечество земное с его Церковью есть преддверие
Отечества Небесного, потому любите его горячо и будьте
готовы душу свою за него положить...
Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант
Православной веры... Восстань же, русский человек!
Перестань безумствовать! Довольно!
Довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам, и России.
Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Хорошим введением к теме призвания русской литературы служит цитата Ивана Ильина, русского православного мыслителя XX в.: «Русская литература создавалась людьми, проникнутыми духом Православия... И если мы пройдем мыслью от Пушкина к Лермонтову, Гоголю, Тютчеву, Толстому, Достоевскому, Тургеневу, Лескову, Чехову, то мы увидим *гениальное цветение русского духа из корней Православия...*» [Ильин 2: 64]. Если принять во внимание, что культурное становление Руси как цивилизации и великий расцвет ее государственности с последующим возведением в статус империи начинается с крещения князя Владимира, то мы можем смело развить мысль Ильина применительно уже к русской государственности. В таком случае вместо писателей следует назвать великих русских князей и императоров, проникнутых Православием. Тогда цитата Ильина могла бы выглядеть примерно так: «Русская государственность создана людьми, проникнутыми духом Православия... И если мы переместимся в уме от равноапостольного, благочестивого великого князя Владимира к Ярославу Мудрому, Владимиру Мономаху, Андрею Боголюбскому, Александру Невскому, Даниилу Московскому, Дмитрию Донскому и святому царю-мученику Николаю II — мы увидим гениальный расцвет русской государственности из корней Православия».

Что касается самой литературы, то православный корень гораздо старше Пушкина и перечисленных великих русских писателей, ибо

Православие издревле было главной темой русской литературы. Даже в сохранившихся произведениях языческого периода, написанных до крещения Руси, христианская нравственность существовала в русских народных обрядах, обрядовых песнях и сказках. Христианство добавило героев и сюжеты, в которых мы видим борьбу с греховностью падшего человека.

Уже в самом зарождении христианской литературы в Киевской Руси стала намечаться особая миссия русского человека и русского государства в борьбе со злом. Указанная миссия русской государственности впервые была освещена в середине XIII в. в значительном труде древнерусской литературы «Слово о законе и благодати» первого русского митрополита на Киевской кафедре — митрополита Иллариона. К слову сказать, в настоящее время я имею особое удовольствие и честь работать над переводом этого шедевра русской литературы на сербский язык. В этом произведении раскрывается духовно-нравственная сущность русского Православия. Та смена эпохи от Закона (Ветхого Завета), установленного Богом в древнем Израиле, к Благодати (Новый Завет), принесшей духовную свободу, так хорошо была воспринята широкой душой русского человека.

В своем великолепном труде митрополит Илларион показывает, что с пришествием Христа в мир Свет и Истина восторжествовали над Законом. В этом шедевре древнерусской литературы в первый раз изложена и особая миссия русского человека в борьбе со злом, показаны те империи зла, которые нападали на Русь, но в итоге были побеждены в битве с русской империей добра [Слово о законе...]. Вообще говоря, мы можем разделить все цивилизации по тому, служат ли они добру или злу, Богу или сатане. Или, если углубляться в библейскую историю, мы можем разделить их на цивилизации Каина и цивилизации Авеля. Я бы не стал подробно останавливаться на этой теме, всем известны те «цивилизации зла», которые свергла за свою историю русская государственность — от Хазарского каганата до Золотой Орды, включая победы князя Александра Невского над тевтонами и русского воинства над римо-католиками в период Смутного времени, над Наполеоном, Османской империей и над Гитлером.

Очень важное литературное произведение, указывающее на значение благочестия и патриотизма, на котором воспитывались многие поколения русских правителей, — это «Поучение Владимира Мономаха».

Немало можно сказать и о значимости некоторых других жемчужин древнерусской литературы, таких как «Повесть временных лет» преподобного Нестора Летописца, «Слово о полку Игореве», «Слово» и «Моление» Даниила Заточника и других. На образах национальных героев, русских витязей и князей, борцов за единство Руси русская литература возвращала в своих сыновьях и дочерях любовь к Родине. Вот имена лишь некоторых из таких героев, описываемых в русской литературе, — Илья Муромец, Евпатий Коловрат, Александр Невский, Дмитрий Донской и многие другие.

В произведениях древнерусской литературы акцент сделан на понятии «русская земля», а не на русском народе, что подтверждает неразрывную связь русской литературы с русской государственностью. Русская литература является подтверждением того, что историю России нельзя интерпретировать вне контекста Православия. Даже литература советского периода так или иначе была проникнута идеями Православия, потому что многие писатели не могли не чувствовать глубокую преемственность с классической русской литературой, они приникали к ее духовным корням.

Конечно, русские коллеги знают историю русской литературы лучше меня, но мне хотелось бы лишь указать на тех представителей допушкинской эпохи, которые очень ответственно относились к патриотическим традициям не только русской литературы, но и русской государственности, — на М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова и Г. Р. Державина.

У А. С. Пушкина, своего рода творца «новой русской литературы», особенно у более зрелого Пушкина, присутствует христианская вера в победу добра над злом. Что сказать о стихотворении «Клеветникам России», написанном в 1831 г. на взятие Варшавы? [Пушкин: 348]. Это стихотворение очень точно объясняет вековое русское (и сербское) противостояние с Западом. Прошло почти двести лет, однако с той поры практически ничего не изменилось. В стихотворении настолько гениально передана суть названного противостояния, что время не властно над этим произведением.

Н. В. Гоголь наиболее убедительно показал, что без христианизации русской жизни нет духовного возрождения. Писатель первым указал на дехристианизацию части русского общества того времени, явно предчувствуя, что подобные тенденции могут принести ка-

катастрофические последствия как для народа, так и для государства, что последовало за революцией 1917 г. Потому практически все последнее десятилетие своей жизни Гоголь призывал русского читателя к подлинной церковности как к единственному условию духовного возрождения России. Он неустанно напоминал о бесценном сокровище, сокрытом в Церкви.

Богохульство привело не только к распаду Российской Империи, но и к исчезновению России как страны с таким названием и к ее растворению в Советском Союзе. Можно смело сказать, что религиозно-нравственный смысл русской литературы Золотого века начертан пером Гоголя, а остальное стало его продолжением. Никто так великолепно не представил манифест истинного искусства как служения добру (Богу), как это сделал Гоголь в своем «Портрете» [Гоголь]. Он показал, сколько беды может принести творение художника, если оно посвящено не Богу, а лукавому, когда живописец изобразил портрет духа тьмы. Когда автор картины понял, какую силу имеет его произведение, и какой он грех совершил, сразу же отправился в монастырь, чтобы замаливать свои грехи. Этот самый художник, который в молитвах провел не один год, потом смог нарисовать картину Рождества Христова так, что все ее герои казались живыми. Н. В. Гоголь в «Портрете» указал на два пути — от таланта к гибели, и от совершения греха к добру. Именно поэтому писатель в эпиграфе к своему произведению заключил такие поучительные слова: «Спасай чистоту души своей. Кто заключил в себе талант, тот чище всех должен быть душою». Гоголь особенно бережно относился к слову, определяя слово как особый дар людям от Бога и указывая, что писатели должны относиться к слову со священным трепетом. «Пусть гнилые слова не выходят из ваших уст», — писал Гоголь.

В романе «Бесы» Ф. М. Достоевский, вслед за Гоголем, указал на опасность хаоса, который может возникнуть в случае дальнейшего отступничества и дехристианизации русского общества [Достоевский 7]. Эти «бесы» вырвались наружу в 1917 г. и залили Россию реками крови. И Гоголь, и Достоевский в своих произведениях рисуют в воображении яркие образы героев, которые, живя без Бога и отступая от своей веры, становятся «мертвыми душами», управляемыми бесами. Достоевский предупреждал, что безраздельная вера в науку, ставящая Бога ниже себя, неизбежно приведет человечество к краю пропасти. Он подводил

своих читателей к сознанию того, что нет большей мудрости, чем та, которая содержится в учении Христа Спасителя, и что нет большего подвига, чем следование Его заветам.

В «Дневнике писателя» Достоевский утверждает, что именно русский народ понимает значение судьбы Православия, осознавая, что Россия должна защищать вселенское Православие: «Выгода России именно, коли надо, пойти даже и на явную невыгоду, на явную жертву, лишь бы не нарушить справедливости. Не может Россия изменить великой идее, завещанной ей рядом веков и которой следовала она до сих пор неуклонно. Эта идея есть, между прочим, и всеединение славян; но всеединение это — не захват и не насилие, а ради всеслужения человечеству» [Достоевский 13: 205]. Писатель доказывает на примере Восточного вопроса (если хотите, на примере сербского вопроса, потому что сербы из всех балканских народов более всего сражались за свободу и свою православную веру), что русский народ, за исключением некоторой части интеллигенции, действительно в своей глубине понимает что Россия — это Третий Рим. Доказательством тому стал поток русских добровольцев в Сербию. Русские люди вдохновлялись искренним желанием поддержать своих единоверных и единокровных славянских братьев и, в отличие от «европействующих», не опасались экономического вреда, который может нанести война. Возражая Т. Н. Грановскому, Достоевский заявлял, что если бы ради практической выгоды Россия бросила бы славян, то получила бы благосклонность Европы. Но, по убеждению писателя, смысл исторического бытия русского народа, обладающего истиной спасения, в том, чтобы служить человечеству. Согласно Достоевскому, русский мессианизм не предполагает этническое превосходство, как это принято у евреев (и да простят меня братья-греки, как это иногда встречается среди них). Мессианизм русского народа происходит от дарованной ему Богом полноты истины православной веры.

М. Ю. Лермонтов и Ф. И. Тютчев, не имея той силы православного мировоззрения, какая была у Гоголя и Достоевского, не отступали от «заветной» линии русской литературы, ярко представленной именами Пушкина, Гоголя и Достоевского. От этого направления русской литературы не отклонялись в своих сочинениях А. Н. Островский, И. А. Гончаров и Н. С. Лесков. При этом многие произведения Лескова показывают историю пути его героев к Богу.

Конечно, есть великие имена русской литературы конца XIX – начала XX вв., следующие этой заветной линии русской литературы, в основе которой — православное мировоззрение. Переворот и смута 1917 г. потрясли духовные устои русского народа, разорвали нравственную связь поколений, что не могло не отразиться в литературе. Однако и в этот период оставались великие писатели, которым, вопреки довлеющей коммунистической идеологии, удалось остаться на пути, указанном Пушкиным, Гоголем и Достоевским. В данном случае в первую очередь нужно сказать о М. А. Шолохове и М. А. Булгакове.

Конец XX – начало XXI вв. характеризуются ускорением процессов глобализации. Но русская литература не имеет с этим ничего общего, она совершенно иного духа. И даже в нынешнее апостасийное время русская литература представлена именами литераторов, произведения которых верны ее многовековым традициям.

Изучая и русскую историю, и русскую литературу, мы не можем не почувствовать следов заботливого попечения Божия о России. Религиозный смысл и русской литературы, и русской государственности далеко превосходит узко национальные границы. И первое, и второе теряют смысл своего существования, если не находятся в служении Богу и православному народу.

Многие великие русские деятели сознавали, что гуманистический эгоизм и человеческая самонадеянность как следствие первородного греха на самом деле является болезнью. Понять это они могли только при наличии должного критерия, который обрели в полноте Христовой Истины, а без нее Россия неизбежно идет к прогрессированию болезней и смерти. Русская литература доказала, что Православие и есть «Удерживающий», о котором говорит апостол Павел: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2:17). Великие русские писатели понимали, что центром этого сдерживающего начала (удерживающего воцарение сына погибели — антихриста) является именно Россия как православное государство. Часто они приходили к этому пониманию через трудные духовные подвиги и поистине очищающий огонь. Несмотря на огромные усилия, ни одна боготорческая теория не смогла опровергнуть фундаментальные положения русской православной концепции искусства, прежде всего,

литературы. Искусство активно работает на просторах этой борьбы добра и зла, веры и неверия. Искусство (в нашем случае литература) здесь либо служит добру, либо выступает на стороне отступничества, по слову Евангелия: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Мф. 12:30).

Список литературы

Источники

Ильин И. А. Наши задачи: историческая судьба и будущее России: статьи 1948–1954 гг.: в 2 т. М.: Рарог, 1992. 616 с.

Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 9 т. М.: Русская книга, 1994. Т. 3: Повести. 556 с.

Достоевский Ф. М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1988–1996.

Пушкин А. С. Полн. собр. соч. / под ред., со вступ. ст. и прим. В. Я. Брюсова. М.: Гос. изд-во, 1919. Т. 1. Ч. 1. 428 с.

Слово о законе и благодати митрополита Иллариона / подгот. текста и коммент. А. М. Молдована, пер. диакона Андрея Юрченко // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб.: Наука, 1997. Т. 1. С. 26–61.

© 2023. С. В. Капустина

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
г. Симферополь, Россия

К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: богатырство или heroism?

Аннотация: Перевод наследия Н. В. Гоголя на иностранные языки традиционно сопрягается с рядом трудностей, игнорирование которых ведет к искажению идиостиля классика. В статье определяется основная причина дистанцированности между произведениями Н. В. Гоголя и их иностранными переложениями. Она заключается в неразличении переводчиком тех индивидуально-авторских концептов писателя, которые выстроены на базе национально-патриотических констант. Аргументация выдвинутого тезиса осуществляется в статье поэтапно. Первый этап связан с выполненной на материале «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Мертвых душ» реконструкцией «ядра» гоголевского концепта «Богатырство». На втором этапе сопоставляется смысловой объем «ядра» концепта и способы его ретрансляции в иностранных переводах. Резюмируется, что сведение сути авторского концепта «Богатырство» к культурно нейтральному понятию «heroism» нерационально и поверхностно. В качестве решения проблемы непереводимости единиц концептосферы Н. В. Гоголя видится транслитерирование их номинаций.

Ключевые слова: Н. В. Гоголь, перевод, концепт-анализ, концептосфера, культурный концепт, индивидуально-авторский концепт, богатырство, богатырь, «Мертвые души».

Информация об авторе: Светлана Владимировна Капустина, кандидат филологических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, пр. Академика Вернадского, д. 4, 295007 г. Симферополь, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 12.09.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 29.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Капустина С. В. К вопросу о переводе единиц концептосферы Н. В. Гоголя: «Богатырство» или «heroism»? // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 16–33. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-16-33>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 16–33. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 16–33. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Svetlana V. Kapustina

V. I. Vernadsky Crimean Federal University
Simferopol, Russia

On the Translation of Nikolay Gogol's Conceptosphere Units: "Bogatyrstvo" or "Heroism"?

Abstract: The translation of Nikolay Gogol's legacy into foreign languages is traditionally associated with a number of difficulties, ignoring which leads to a distortion of the idiosyncrasy of the classic. The article defines the main reason for the distance between Nikolay Gogol's works and their foreign transcriptions. It lies in the translator's indistinguishability of those original writer's concepts, which are built on the basis of national-patriotic constants and supplemented with semantic stresses that are priority for Gogol the Christian. The argumentation of the proposed thesis is carried out in the article in stages. The first stage is connected with the reconstruction of the "core" of Gogol's concept "Bogatyrstvo" based on the material of "Selected Passages from Correspondence with Friends" and "Dead Souls." The second stage is the semantic volume of the "core" of Gogol's concept "Bogatyrstvo" and the ways of its exposition in foreign translations. It turns out that the reduction of the essence of the author's concept of "Bogatyrstvo" proposed by the majority of translators to the culturally neutral category of "heroism" is irrational and superficial. The author of the article proposes transliteration of Nikolay Gogol's conceptosphere units as a solution to the problem of its untranslatability.

Keywords: Gogol, translation, concept analysis, conceptosphere, cultural concept, individual author's concept, bogatyrstvo, bogatyr, "Dead Souls."

Information about the author: Svetlana V. Kapustina, PhD in Philology, Associate Professor, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Academician Vernadsky Ave., 295007 Simferopol, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0608-5258>

E-mail: Kapustina_S_V@mail.ru

Received: September 12, 2023

Approved after reviewing: October 10, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Kapustina, S. V. "On the Translation of Nikolay Gogol's Conceptosphere Units: 'Bogatyrstvo' or 'Heroism'?" *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 16–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-16-33>

На рубеже тысячелетий термин «концепт» стал кроссдисциплинарным, поскольку культурогенный потенциал обозначенного им феномена был востребован в разных сферах гуманитарных наук. В XXI в. значительно расширился библиографический корпус концепт-исследований, подтвердивших полисемантическую их базисную функцию. Оно трактовалось и обобщенно (как «микромодель культуры» [Зусман: 41], ее «сгусток <...> в сознании человека» [Степанов 2001: 43]), и адресно (как «индивидуально-авторская аксиологически маркированная мыслемодель» [Капустина 2021: 77]). Разновекторность изучения концепта не столько побуждала к альтернативному выбору подхода, сколько демонстрировала ракурсы развития культурной системы.

Ю. С. Степанов обозначил двуплановость этого процесса через определение концепта — «того, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, того, посредством чего человек — рядовой, обычный человек, не “творец культурных ценностей” — сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на нее» [Степанов 2001: 43]. В приведенной цитате справедливо передан функциональный диапазон концепта и как культурного кода, и как персонального драйвера к его обновлению, хотя не совсем убедительным представляется момент дифференциации «рядового человека» и «творца культурных ценностей» при условии, что первый все-таки «в некоторых случаях» влияет на культуру, а второй будто бы исключается из общего процесса как априори нацеленный на концепт-творчество. Полагаем, что влияние на развитие культуры оказывают, прежде всего, выдающиеся авторы, способные запечатлеть на культурноносных скрижалях литературы и искусства новые преломления корневых доминант и, соответственно, внести изменения в представления своих современников и последователей.

Чуткое восприятие и художественное воплощение писателями культурной аутентичности своего народа делает их произведения

максимально понятными для соотечественников и предельно «зашифрованными» для иностранцев. Разгадать «шифры», к примеру, литературных шедевров, оправдывающих метафорическое реноме «энциклопедия русской жизни» или созданных с намерением «объять всю Русь», — непростая задача для зарубежного переводчика. Однако еще более сложное профессиональное испытание для него — посредством текстового перевода стать проводником в русскую культуру. Для этого нужно суметь объяснить то самобытное и исключительное, чему изначально нет полного инокультурного эквивалента; перевести механически непере译имое, но содержательно фундаментальное — концепты. При этом принципиально важно учесть диалектику константного и оригинального в эйдологической канве художественного текста, то есть не утратить и не исказить те значимые нюансы, которыми автор обогатил первосмыслы родной культуры. Возможностью рассмотреть вопрос о непере译имости концептов в обозначенной диалектической оптике обусловлена актуальность настоящей работы.

Цель статьи — во-первых, выявить и описать оригинальные семантические преломления этнокультурного концепта «Богатырство», эксплицированного в наследии Н. В. Гоголя; во-вторых, сопоставить результаты проведенной концепт-реконструкции с содержанием иностранных версий исследуемых произведений.

Теоретико-методологический базис работы можно условно разделить на четыре направления. Первое из них посвящено проблеме идентификации концепта в межкультурной коммуникации. В трудах Ю. С. Степанова [Степанов 2001], [Степанов 2007]; З. Д. Поповой, И. А. Стернина [Попова, Стернин 2000], [Попова, Стернин 2001]; В. И. Карасика [Карасик, Стернин]; В. Г. Зусмана [Зусман] представлены теоретические основы моделирования и иллюстрационные характеристики тех концептов, которые, по мнению указанных авторов, составляют фундамент русской культуры. В рамках обозначенного подхода возможно сравнить национальные концептосферы, то есть установить «как разнородные коммуникативные сети (“свое” и “чужое”) накладываются друг на друга, образуя смежные зоны, ложные совпадения, значимые лакуны и зияния» и, соответственно, понять «почему особенно затруднено понимание иноязычных художественных текстов, обладающих высокой степенью образности» [Попова, Стернин 2002].

Магистральная тематика второго направления — литературоведческий анализ индивидуально-авторских концептов, которые, с одной стороны, проявляют динамику развития корневых единиц национальной концептосферы [Володина], а с другой, транслируют окказиональные оттенки значений, по которым возможно воссоздать штрихи духовного портрета концептуального персонажа. Обозначенный алгоритм концепт-анализа реализован в работах Г. А. Зябревой, С. В. Капустиной [Зябрева], [Капустина].

К третьему направлению относим труды, в которых предлагаются различные теоретико-методологические решения проблемы «перевода» концептов либо их адаптации к инокультурному фону [Воркачев], [Мальцева], [Шафигов].

Четвертое направление непосредственно коррелирует с аналитико-иллюстративным блоком данной статьи и включает работы, посвященные рассмотрению *богатырства* как воинского этоса и духовной практики в русской культуре и ее литературных отражениях [Капустина 2014], [Капустина 2022(а)], [Миронов].

Парадоксальным представляется тот факт, что феномен *богатырства* как глубинного воплощения русской национальной героики и, следовательно, непреложный и самобытный культурный концепт не включен ни в один из словарей-концептуариев.

Наше обращение в данной статье к поэме «Мертвые души» и «Выбранным местам из переписки с друзьями» объясняется тем, что в этих произведениях Гоголя наиболее полно реализован обогащенный христианскими смыслами концепт «Богатырство», который объемно воплощает образ современной автору России.

И. А. Виноградов справедливо назвал «Выбранные места...» «самой патриотической книгой нашей словесности», эйдологически связал ее с поэмой, нацеленной на то, чтобы «объять всю Русь»: «“Переписка с друзьями” выступает не только эпистолярным изложением идейного содержания глав второго тома поэмы, но и полноценным отражением всего замысла “Мертвых душ”, в его “неразорванном”, едином художественном целом, включая первый том» [Виноградов: 418]. Аргументом в пользу выдвинутого И. А. Виноградовым тезиса, думается, может стать реконструкция концепта «Богатырство», заданного Н. В. Гоголем в «Мертвых душах» и значительно уточненного в «Выбранных местах...». Принимая во внимание сформулированный нами алгоритм

концепт-анализа, подразумевающий первостепенное «обращение к черновым автографам произведений литератора, в которых схематически представлена “эссенция” особо значимых смыслов» [Капустина 2022(b): 125], а также к его публицистическим опытам, в которых сведена к минимуму художественная обработка, восстановление ядерных значений концепта «Богатырство» Гоголя следует начать с контекстов «Выбранных мест...».

Исключение основополагающих идей «Выбранных мест...» из контекста анализа сочинений Гоголя часто становится причиной искаженного восприятия отдельных слагаемых его мыслеобразной системы. Примером подобной «деконструкции» одного из ключевых гоголевских концептов — «Богатырство» — служит творческая полемика с Ф. В. Булгариным, развернувшаяся в то время, когда книга «Выбранные места...» существовала лишь в форме замысла. По прочтении «Мертвых душ» Ф. В. Булгарин в романе «Счастье лучше богатырства» опроверг утверждение автора о спасительном для России пути, избрав в качестве антипода и альтернативы богатырскому служению тихие семейные радости.

По мнению Ф. В. Булгарина, в «Мертвых душах» Гоголь взывал к *богатырству* только на поле брани; ожидал пробуждения воина-богатыря, высшей наградой для которого является бой с вражескими полчищами во имя народа и Отечества. Однако контексты «Выбранных мест...» помогают восстановить ядерное значение исследуемого концепта и подтверждают, что Гоголь в основе богатырской силы видел нерушимую духовную крепость, свойственную как ратоборцам в железных латах, так и людям «каждого звания и места», непрерывно ведущим битву с различными проявлениями бесовщины.

Создатель «Выбранных мест...» не раз подчеркивал: «...в России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем» [Гоголь 6: 80]; «...всякий должен служить Богу на своем месте» [Гоголь 6: 154]; каждый из нас, «как добрый воин», под предстательством Небесного Полководца «должен бросаться туда, где пожарче битва» [Гоголь 6: 155], где важно дать бой порокам, вероломно атакующим людские души. Писатель на протяжении всего творческого пути призывал соотечественников приобщиться духовному богатырству, то есть восстать против «темного и запутанного настоящего», вооружившись крестом и молитвой. Восприятие же Гоголем *богатырства* как силы не тела, а духа

оформилось благодаря его увлеченности творениями Святых Отцов и учителей Церкви.

Исследование указанного концепта предполагает рассмотрение тесно сопряженных с ним авторских понятий «сила» и «подвиг», пояснения к которым находим в пометах, сделанных Гоголем при чтении Библии, а также в его религиозно-нравственных сочинениях. Так, примечания писателя ко «Второму посланию к Коринфянам Святого апостола Павла» свидетельствуют о его убежденности в том, что воин Христов должен быть силен, прежде всего, духовно. На полях Гл. 4, ст. 6 Гоголь отметил: «Сокровище света носим в немощных телах» [Гоголь 9: 154], а напротив Гл. 12, ст. 9 написал: «сила в немощи» [Гоголь 9: 154]. В статье «Об унынии» классик обозначил единственный источник подлинной силы¹: «...у человека нет своей силы; это он должен знать и помнить всегда, — и кто надеется на свою силу, тот слабее всех в мире. Мы должны быть крепки Божьей силой, а не своею» [Гоголь 6: 311] — и прямо противопоставит физическую мощь духовной крепости: «...при первом приступе несчастья они (внешне сильные — С. К.) оказываются малодушными, низкими, бессильными, как ребёнки; тогда как слабейшие возрастают, как исполины, при всяком несчастье. “Сила наша в немощи совершается”, — сказал Бог устами апостола Павла...» [Гоголь 6: 311].

На то, что Гоголь цитирует Послания апостола Павла чаще других священных текстов, одним из первых обратил внимание немецкий славист Рольф Кайль² [Keil]. Попытка исследователя связать этот факт

---

¹ Принципиально значимым считаем то, что в материалах для «Объяснительного словаря» русского языка, составление которого, по свидетельству Н. С. Тихонравова, Гоголь начал «не ранее 1835 года и закончил не ранее 1848 года» [Гоголь 9: 836], представлена безусловная связь понятий «сила» и «богатырство»: смысловым эквивалентом слова «*сильник*», согласно мнению автора, выступает слово «*богатырь*» [Гоголь 9: 442]. Следовательно, восстанавливаемое посредством словообразовательного принципа значение понятия «*сильник*» — «тот, кто обладает силой» — Н. В. Гоголь применяет и к его синониму. Учитывая же авторское истолкование понятия «сила», данное сквозь призму христианской традиции, «богатырь» в гоголевском понимании есть, прежде всего, духовно непобедимый воин Христов, стоящий на страже Высшей Истины.

² В российском литературоведении также существуют работы, выявляющие и объясняющие гоголевские апелляции к Слово апостола Павла.

с протестантскими ценностями, якобы приоритетными для писателя, была опровергнута в разных гоголеведческих работах, однако само замечание Кайля об особенно чутком отношении классика к Слову Первоверховного апостола подтвердилось и текстуально, и концептологически¹.

Так, в Послании к Ефесенянам определяется самый опасный противник человечества, невидимую битву с которым способны вести лишь защищенные панцирем веры духовные *богатыри*: «Наша брань не против крови и плоти, но <...> против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Гл. 6, ст. 12), против «князя, господствующего в воздухе» (Гл. 2, ст. 2). Эта мысль находит неординарное отражение в «Мертвых душах», куда автор включает короткую, но концептуально фундаментальную Притчу о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче.

Известно, что писатель восхищался бессмертным творением Гомера и стремился создать русский вариант «Одиссеи» с характерными, эпическими по своей природе национальными героями, чье подвижничество воспринималось бы читателями не только как отзвук минувших столетий, но и как современные спасительные деяния, направленные против апостасии. В качестве же творческого наставника по *художественной эпизации* русского *богатырства* Гоголь избрал Г. Р. Державина, создавшего «образ <...> крепкого мужа, закаленного в деле жизни, готового на битву не с одним каким-нибудь временем, но со всеми веками» [Гоголь 6: 192].

Весьма значимым считаем упоминание Державиным в одах «К Эвтерпе» и «На счастье» образа *горе-богатыря*, к которому незадолго до поэта обращалась в своих литературных опытах и Екатерина II. В опере «Горе-богатырь» императрица, опираясь на сюжет «Дон Кихота», рассказывает о слабом и щедедушном воине, у которого не хватает сил даже на то, чтобы поднять и примерить богатырские доспехи. Все это и вдохновило Гоголя на оригинальное художественное осмысление понятия «горе-богатырство».

В частности, таковой является статья профессора С. А. Гончарова «Апостол Павел и Гоголь» [Гончаров 1991].

¹ Отмечаются, например, новозаветные истоки таких концептов Гоголя, как «внутренний человек» [Воропаев, 2009], [Гончаров, 1997]) и «сила слабости» [Тарасова].

В первом томе «Мертвых душ» для автора важно было творчески воплотить «страхи и ужасы» современности, которые способен искоренить лишь истинный богатырь. Именно поэтому в начале поэмы о похождениях Чичикова сам феномен русского *богатырства* представлен в обратной «проекции»: «вся Русь», некогда рождающая бесстрашных богатырей, теперь страдает от представителей *горе-* или *псевдобогатырства*, которые, в отличие от екатерининских персонажей, утратили не телесную мощь, а силу духовную.

В. А. Недзвецкий, анализируя «эпизацию героев “Мертвых душ” в свете мотива русского *физического богатырства*», предлагает следующее пояснение к гоголевскому концепту «горе-/псевдобогатырство»: «Современная Россия оказывалась нацией с воистину богатырским телом, пребывающим, однако, без души. По существу, это был образ народа *языческого*, как бы позабывшего и утратившего самое определяющее из своих “коренных” свойств — христианскую душу и христианское назначение» [Недзвецкий: 152].

На разрушительность и бессмысленность псевдобогатырских деяний и указывает Притча о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче, который «был то, что называют на Руси богатырь» [Гоголь 5: 152]. В то время, как созерцатель-папенька занимался «философскими вопросами» о рождении зверя из яйца, «двадцатилетняя плечистая натура» его сына-«богатыря» «так и порывалась развернуться» [Гоголь 5: 153], производя при этом лишь смятение и беспокойство.

В. А. Воропаев утверждает, что «образ Мокия Кифовича восходит к фольклорной традиции», что «в одном из черновых вариантов Притчи, где этот персонаж назван еще Иваном Мокиевичем, Гоголь прямо указывает на народнопоэтический первоисточник образа: “Обращик Мокиевича — Лазаревич...” (имеется в виду “Повесть о Еруслане Лазаревиче”). В основу образа Мокия Кифовича положены черты этого сказочного героя, ставшего символом русского национального богатыря. “И как будет Уруслан десяти лет, выдет на улицу: и ково возмет за руку, из тово руку вырвет, а ково возмет за ногу, тому ногу выломат”» [Воропаев 1998: 28].

Черты окарикатуренного в образе Мокия Кифовича современного Гоголю «богатырства», которое из-за своей духовной ущербности приобрело в исследовательских трудах приставку «псевдо-», явственно выделены и при описании других героев поэмы. Галерею «псевдобо-

гатырских» портретов открывает изображение Собакевича, унаследовавшего от своих пращуров необыкновенную физическую силу (даже сапог героя «был такого исполинского размера, которому вряд ли где можно найти отвечающую ногу, особливо в нынешнее время, когда и на Руси начинают выводиться богатыри» [Гоголь 5: 32]) и замечательно крепкое здоровье («пятый десяток лет живу, ни разу не был болен» [Гоголь 5: 33]). Однако свои «подвиги» этот исполин совершает исключительно за обеденным столом: «У меня когда свинина — всю свинью давай на стол, баранина — всего барана тащи. Гусь — всего гуся...» [Гоголь 5: 33]. Его «соратниками» по праздному расточению сил являются Ноздрев, Плюшкин, Манилов, Коробочка, Чичиков, которые с «богатырским» упорством тратят свои жизни на бессмысленные дела, не стоящие (по образцу Кифы Мокиевича) и выеденного яйца. Думается, не только к Чичикову, но и к каждому из названных героев применимы слова Муразова: «Ведь если бы с этакой волей и настойчивостью, да на доброе дело!..» [Гоголь 5: 368].

Ложное *богатырство* героев вызывает у автора подлинную горечь, выразившуюся в известном лирическом излиянии «Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека, тебя вижу... Что пророчит сей необъятный простор? Здесь ли, в тебе ли не родиться беспредельной мысли, когда ты сама без конца? Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?...» [Гоголь 5: 201]. Позднее Гоголь прокомментирует это высказывание в «Выбранных местах...», акцентируя внимание на богоизбранности русского народа, «только душе» которого «знакомо богатырство» [Гоголь 6: 80]. Писатель сформулирует здесь и «непременный закон» богатырского служения: «служить земле своей, помня ежеминутно, что взял место для счастья других, а не для своего» [Гоголь 6: 83]. Именно этому закону должен был подчиниться духовно прозревший Чичиков; именно в его сознании желание «служить земле своей» должно было возобладать над идеей-фикс о незаконном получении надела для будущего поместья. В сохранившихся фрагментах второго тома «Мертвых душ» предназначение Чичикова к истинно богатырской миссии выражено в словах Муразова «Эх, Павел Иванович, ведь <у> вас есть эта сила, которой нет у других, это железное терпение — и вам ли не одолеть? Да вы, мне кажется, были бы богатырь...» [Гоголь 5: 475].

В. В. Гиппиус, соотнося семантически концентрированные высказывания о *богатырстве* из «Выбранных мест...» с их художественной «транскрипцией» в «Мертвых душах», приходит к выводу: «Богатырь в этом новом понимании должен не затмить собою уродов, а сам возникнуть из мира уродов в бюрократическом департаменте или даже в домашнем быту. <...> Новый, уже не сказочный, а будничный богатырь должен быть идеализированным хозяином» [Гиппиус: 73].

Духовно-патриотические чаяния Гоголя, аккумулирующие суть его индивидуально-авторского концепта «Богатырство», как видим, задают пафос и «Мертвых душ», и «Выбранных мест из переписки с друзьями». Сохраняется ли эта эйдологически определяющая тональность перечисленных произведений Гоголя в иностранных переводах? Не исчезает ли заданный классиком концепт «Богатырство» в переводных версиях его кульминационных текстов?

Перед тем, как дать ответы на поставленные вопросы, необходимо обратить внимание на один характерный штрих гоголевского идиолекта, создающий определенные трудности для переводчиков, — обыгрывание сокрытых в фонетическом слове значений или параллельную актуализацию разных смыслов полисемантического понятия (подробнее об этом см.: [Капустина 2021]). Например, автор первого из весьма немногочисленных английских переводов «Выбранных мест...», Джесси Зельдин (Jessy Zeldin), пренебрег специфическим гоголевским приемом: название главы «Женщина в свете», в которой чередуются реализуемые лексемой «свет» значения «высшее общество» («бомонд», «аристократия») и «сияние душевной красоты», переведено им как «Woman in the world» [Zeldin: 14]. Такой вариант заглавия не только препятствует филигранной игре смыслов, которыми Гоголь насытил текстовую ткань своего послания, но и в корне искажает авторский замысел («женщина в свете» ≠ «женщина в мире» или «женщина на мировой арене»). Эта неточность возникла вследствие того, что переводчик не распознал ни узуальной семантики омонимов, ни сакральных значений концепта «свет», которые становятся ядерными в картине мира православного писателя.

Похожая ситуация преимущественно наблюдается и при переводе имени индивидуально-авторского концепта Гоголя «Богатырство». Как явствует из анализируемых нами ранее контекстов, для создателя «Мертвых душ» и «Выбранных мест...» в этом концепт-наречении

будто бы сакрализируется начальная, созвучная обозначению Творца, часть, которая и указывает на источник силы «будничных богатырей», готовых на любом поприсе нести служение свету и самоотрешено биться против внешних и внутренних проявлений тьмы. В английских же переложениях «Выбранных мест...» высший смысл имени гоголевского концепта «Богатырство» утрачивается, поскольку его не передает сакрально нейтральная номинация «heroism».

В некоторых случаях переводчики творчества Гоголя на английский язык, стараясь точнее охарактеризовать русского национального героя, в канонических текстах обозначенного емкой и выразительной лексемой «богатырь», не ограничиваются хрестоматийным «hero», а дополняют это именование своеобразной отсылкой к архаике. Так, Дэвид Джордж Хогард (David George Hogarth), переводя запечатленное в первом томе «Мертвых душ» лирическое воззвание автора к России, трактовал понятие «богатыри» как «heroes of old»: «Do they not one day, when again you shall have room for their exploits, there will spring to life the heroes of old?» [Hogarth: 154]. Однако и эта отчасти уточненная версия перевода оказалась излишне пространной: богатырей, безусловно, можно назвать «героями старины» («героями минувших дней»), но такая аттестация не отражает их исключительной (ориентирующей) роли в русской национальной героике; не проявляет интенций Гоголя о Божественном источнике богатырской силы.

Весьма презентативным представляется то, что Дэвид Джордж Хогард пренебрег аналогичной «отсылкой к архаике» при аттестации Мокия Кифовича. Персонаж вставной Притчи из «Мертвых душ», характеризуемый Гоголем как «то, что называют на Руси богатырь», в английском варианте вновь обозначается культурно отвлеченным понятием «hero»: «He was what we Russians call a “hero”» [Hogarth: 172]. В свете того, что переводчики «Мертвых душ» нередко игнорируют концептуально значимую Притчу о Кифе Мокиевиче и Мокии Кифовиче и неправомерно вычлениают ее из текста поэмы, неточность перевода Хогарда перестает казаться критичной. Однако в контексте приближенных к оригиналу иностранных переложений она все же остается значимой.

Стоит обратить внимание, что «переводческая дехронологизация» образа богатыря, связанная с его отрывом от героического прошлого России, проявилась не только в контекстах с “hero”, но и с другими ва-

риантами. Например, Ричард Пивер (Richard Pevear) и Лариса Волхонская (Larissa Volkhonsky) предложили поставить знак семантического равенства между русским «богатырь» и английским «mighty man». Вопрос из гоголевского воззвания к Руси, по мнению указанных переводчиков, должен звучать как “Is it not here that the mighty man is to be, where there is room for him to show himself and walk about?” [Pevear, Volkhonsky: 204], а характеристика Мокия Кифовича начинаться с “he was what is known in Russia as a mighty man” [Pevear, Volkhonsky: 223]. Безусловно, и Илью Муромца, и Добрыню Никитича, и Алешу Поповича можно назвать «могучими мужами» русской земли, однако этот предельно обобщенный «словесный портрет» лишен как контекстуально значимой «отсылки к архаике», так и тех смысловых нюансов, которыми Гоголь обозначил будничное богатырство (служение Богу на всяком поприще).

Корреляция феномена «богатырство» с корнями русской героики проявляется в английском переводе «Мертвых душ» Изабель Флоренс Хэпгуд (Isabel Florence Hapgood). В этой работе ключевое слово характеристики Мокия Кифовича транслитерировано: «He was what is called in Russia a bogatuir» [Hapgood: 259]. Более того, переводчица предусмотрела поясняющую ссылку к транслитерированному понятию: «A legendary epic hero» [Hapgood: 259]. Безусловно, интерпретация образа богатыря как «легендарного эпического героя» также лишена конкретики, но в этом кратком истолковании прослеживается смысловой контур культурного концепта «Богатырство». Непосредственно же гоголевские семантические ударения, дополнившие традиционное восприятие богатырей и богатырства, не были учтены ни в одном из переводов «Выбранных мест из переписки с друзьями» и «Мертвых душ». Причиной такой «непереводимости», скорее всего, стало недостаточное погружение переводчиков в контекст авторской концептосферы. При скрупулезном исследовании фундаментальных авторских мыслеобразов возможно было бы представить к ним адекватный гоголеведческий комментарий, который прояснил бы инокультурным читателям, во-первых, суть русских национально аутентичных явлений и образов; во-вторых, причины их семантического расширения в наследии выдающегося писателя-христианина.

Резюме о превалирующей непереводимости констант русской культуры в художественной транскрипции Гоголя созвучно вердикту

Достоевского: «Словом, все характерное, все наше национальное по преимуществу (а стало быть, все истинно художественное) <...> для Европы неузнаваемо» [Достоевский 21: 69]. Младший современник, вслед за старшим прозревший духовные основы истинного *богатырства*, предупреждал о том, что «Гоголя нельзя передать по-французски» [Достоевский 21: 69]. И это, на первый взгляд, категоричное мнение подтвердилось впечатлением от прочтения французского переложения «Мертвых душ» г-на Виардо, в котором, по словам Достоевского, «Гоголь исчез буквально. Весь юмор, всё комическое, все отдельные детали и главные моменты развязок, от которых и теперь, вспоминая их иногда нечаянно, наедине (и часто в самые нелитературные моменты жизни), заешься вдруг самым неудержимым смехом про себя, – всё это пропало, как не бывало вовсе» [Достоевский 21: 69].

Вопрос о переводе единиц концептосферы Гоголя остается актуальным в современных филологических исследованиях. Причина очевидна: многочисленность механических переводов, в которых «Гоголь исчезает буквально» для зарубежной аудитории. Залогом качественной инокультурной адаптации глубоко патриотических произведений классика, призванных «объять всю Русь», является постижение переводчиком базисных концептов Гоголя. Умение формально обозначить аутентичность этих мыслеобразных единиц посредством транслитерации и передать их суть с помощью адекватного историко-культурного и гоголеведческого комментария — второй непреложный закон переводимости таких шедевров русской классики, как «Мертвые души» и «Выбранные места из переписки с друзьями». Стремление найти иностранный эквивалент не ординарной лексеме, а имени фундаментального индивидуально-авторского концепта, как правило, обречено на неудачу. Иллюстрацией такого фатального упрощения и безосновательной десакрализации стал импровизированный знак равенства, который большинство английских переводчиков поставило между именем самобытной гоголевской концепт-единицы «Богатырство» и культурно нейтральным понятием «heroism».

Список литературы

Источники

Гиппиус В. В. Гоголь. СПб.: Logos, 1994. 344 с.

Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Исследования

Виноградов И. А. Самая патриотическая книга нашей словесности («Выбранные места из переписки с друзьями Николая Гоголя») // Литературный факт. 2017. № 5. С. 416–421. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426>

Володина Н. В. Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения. М.: Флинта, Наука, 2011. 256 с.

Воркачев С. Г. Культурные концепты и перевод: макаризмы в тексте Евангелия // Вестник Московского государственного областного университета. 2003. № 4. С. 88–93.

Воропаев В. А. Н. В. Гоголь: жизнь и творчество. В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: МГУ, 1998. 128 с.

Воропаев В. А. «Творить без любви нельзя». Гоголь за чтением Библии // Теория Традиции: христианство и русская словесность. Ижевск: Удмуртский ун-т, 2009. С. 120–134.

Гончаров С. А. Апостол Павел и Гоголь // IX Musica antiquae europae orientalis. Wydgoszcz: Państwowe Wydawn. Naukowe, 1991. Vol. 2. P. 181–193.

Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.

Зусман В. Г. Концепт в культурологическом аспекте // Межкультурная коммуникация. Н. Новгород: Деком, 2001. С. 3–14.

Зябрева Г. А., Капустина С. В. Концепт в литературоведческом дискурсе (на материале творчества Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского) // Концепт: грани понятия в современной науке. Ногинск: Аналитика Родис, 2015. С. 4–45.

Капустина С. В. Феномен богатства в трактовке Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 2014. Вып. 12. С. 264–270.

Капустина С. В. Концепт «беспорядок» в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2021. № 3 (15). С. 76–97. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-76-97>

Капустина С. В. Православный кардиоанализ русского народа как основа богатства (на материале «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского) // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2022а. № 46. С. 44–52. <https://doi.org/10.17223/22220836/46/4>

Капустина С. В. Город как экспликант базисных концептов романа Ф. М. Достоевского «Подросток» // Слово.ру: балтийский акцент. 2022б. Т. 13. № 4. С. 124–141. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-9>

Карасик В. И., Стернин И. А. Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.

Мальцева И. Г. Обучение художественному переводу: методика установления адекватности // Педагогическое образование в России. 2012. № 1. С. 3–6.

Миронов А. С. Эпос русских: актуализация. М.: Ин-т Наследия, 2020. 320 с. <https://doi.org/10.34685/NI.2019.73.29.010>

Недзвецкий В. А. «Мертвые души» Н. В. Гоголя как художественная проповедь // Русская литература XIX века и христианство. М.: МГУ, 1997. С. 149–158.

Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2000. 301 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001. 192 с.

Попова З. Д., Стернин И. А. Концепты и межкультурная коммуникация // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 117–121.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический проект, 2001. 989 с.

Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007. 248 с.

Тарасова Е. К. Идеал духовного здоровья в творчестве Н. В. Гоголя (по материалам немецкоязычных исследований) // Знание. Понимание. Умение. № 5. 2009. С. 13.

Шафиков С. Г. Русский концепт и проблема перевода с русского языка на иностранный // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2015. № 1 (77). С. 60–68.

Keil, R. Gogol und Paulus // Die Welt der Slawen. München: Verlag Otto Sagner, 1986. Jg. 31. P. 86–99.

Hargood, I. F. "Tchitchikoff's journeys, or Dead Souls" by Nikolay Gogol. New York: Thomas Y. Crowell & Co, 1886. 282 p.

Hogarth, D. J. "Dead Souls" by Nikolay Gogol. London; Toronto: J. M. Dent, 1842. 340 p.

Pevear, R., Volkhonsky, L. "Dead Souls." New York: Pantheon Books, 1996. 423 p.

Zeldin, J. "Selected Passages from Correspondence with Friends" by N. V. Gogol. Nashville: Vanderbilt University Press, 1969. 271 p.

References

Vinogradov, I. A. "Samaia patrioticheskaia kniga nashei slovesnosti ('Vybrannye mesta iz perezpiski s druž'iami Nikolaiia Gogolia') ["The Most Patriotic Book of Our Literature ('Selected Passages from Correspondence with Friends' by Nikolay Gogol')"]. *Literaturnyi fakt*, no. 5, 2017, pp. 416–421. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2017-5-416-426> (In Russ.)

Volodina, N. V. *Kontsepty, universalii, stereotipy v sfere literaturovedeniia* [Concepts, Universals, Stereotypes in the Field of Literary Criticism]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2011. 256 p. (In Russ.)

Vorkachev, S. G. “Kul’turnye kontsepty i perevod: makarizmy v tekste Evangelii” [“Cultural Concepts and Translation: Makarisms in the Text of the Gospel”]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*, no. 4, 2003, pp. 88–93. (In Russ.)

Voropaev, V. A. N. V. *Gogol’: zhizn i tvorchestvo* [Gogol: Life and Works]. Moscow, Moscow State University Publ., 1998. 128 p. (In Russ.)

Voropaev, V. A. “‘Tvorit’ bez ljubvi nel’zia.’ Gogol za chteniem Biblii” [“‘You Can’t Create without Love.’ Gogol Reading the Bible”]. *Teoriia Traditsii: khristianstvo i russkaia slovesnost’* [Theory of Tradition: Christianity and Russian Literature]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009, pp. 120–134. (In Russ.)

Goncharov, S. A. “Apostol Pavel i Gogol” [“The Apostle Paul and Gogol”]. *IX Musica antique europae orientalis* [IX Musica antique europae orientalis], vol. 2. Bydgoszcz, Państwowe Wydawn. Naukowe Publ., 1991, pp. 181–193. (In Russ.)

Goncharov, S. A. *Tvorchestvo Gogolia v religiozno-misticheskom kontekste* [Gogol’s Works in a Religious and Mystical Context]. St. Petersburg, The Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., 1997. 340 p. (In Russ.)

Zusman, V. G. “Kontsept v kulturologicheskom aspekte” [“The Concept in the Cultural Aspect”]. *Mezhkul’turnaia komunikatsiia* [Intercultural Communication]. Nizhny Novgorod, Dekom Publ., 2001, pp. 3–14. (In Russ.)

Ziabreva, G. A., and S. V. Kapustina. “Kontsept v literaturovedcheskom diskurse (na materiale tvorchestva N. V. Gogolia i F. M. Dostoevskogo)” [“Concept in Literary Discourse (Based on the Works of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky)”]. *Kontsept: grani ponyatiia v sovremennoi nauke* [Concept: Facets of the Concept in Modern Science]. Noginsk, Analitika Rodis Publ., 2015, pp. 4–45. (In Russ.)

Kapustina, S. V. “Fenomen bogatyrstva v traktovke N. V. Gogolia i F. M. Dostoevskogo” [“The Phenomenon Bogatyrstvo in N. V. Gogol’s and F. M. Dostoevsky’s Interpretation”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 12, 2014, pp. 264–270. (In Russ.)

Kapustina, S. V. “Kontsept ‘besporiadok’ v romane F. M. Dostoevskogo ‘Podrostok.’” [“The Concept of ‘Besporiadok’ (‘Disorder’) in Dostoyevsky’s Novel ‘The Adolescent.’”]. *Dostoevskii i mirovaia kul’tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (15), 2021, pp. 76–97. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-3-76-97> (In Russ.)

Kapustina, S. V. “Pravoslavnyi kardiognosis russkogo naroda kak osnova bogatyrstva (na materiale ‘Dnevnika pisatel’ia’ F. M. Dostoevskogo)” [“Orthodox Cardiognosis of the Russian People as the Basis of Heroism (Bogatyrstvo) (Based on the ‘Diary of a Writer’ by F. M. Dostoevsky)”]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul’turologiia i iskusstvovedenie*, no. 46, 2022a, pp. 44–52. <https://doi.org/10.17223/22220836/46/4> (In Russ.)

Kapustina, S. V. “Gorod kak eksplikant bazisnykh kontseptov romana F. M. Dostoevskogo ‘Podrostok.’” [“City as an Explicand of the Key Concepts in Dostoyevsky’s ‘The Adolescent.’”]. *Slovo.ru: baltiiskii aktsent*, vol. 13, no. 4, 2022b, pp. 124–141. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2022-4-9> (In Russ.)

Karasik, V. I., and I. A. Sternin. *Antologiya kontseptov* [*Anthology of Concepts*], vol. 1. Volgograd, Paradigma Publ., 2005. 352 p. (In Russ.)

Mal'tseva, I. G. "Obuchenie khudozhestvennomu perevodu: metodika ustanovleniia adekvatnosti" ["Teaching Literary Translation: A Methodology for Establishing Adequacy"]. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, no. 1, 2012, pp. 3–6. (In Russ.)

Mironov, A. S. *Epos russkikh: aktualizatsiia* [*The Epic of the Russians: Actualization*]. Moscow, Heritage Institute Publ., 2020. 320 p. (In Russ.)

Nedzvetvskii, V. A. "Mertvye dushi' N. V. Gogolia kak khudozhestvennaia propoved'" ["'Dead Souls' by N. V. Gogol as an Artistic Sermon"]. *Russkaia literatura XIX veka i khristianstvo* [*Russian Literature of the 19th Century and Christianity*]. Moscow, Moscow State University Publ., 1997, pp. 149–158. (In Russ.)

Popova, Z. D., and I. A. Sternin. *Poniatie "kontsept" v lingvisticheskikh issledovaniiaakh* [*The Term "Concept" in Linguistic Research*]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 2000. 301 p. (In Russ.)

Popova, Z. D., and I. A. Sternin. *Ocherki po kognitivnoi lingvistike* [*Essays on Cognitive Linguistics*]. Voronezh, Istoki Publ., 2001. 192 p. (In Russ.)

Popova, Z. D., and I. A. Sternin. "Kontsepty i mezhkul'turnaia kommunikatsiia" ["Concepts and Intercultural Communication"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, no. 1, 2002, pp. 117–121. (In Russ.)

Stepanov, Iu. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [*Constants: Dictionary of Russian Culture*]. Moscow, Academicheskii proekt Publ., 2001. 989 p. (In Russ.)

Stepanov, Iu. S. *Kontsepty. Tonkaia plenka tsivilizatsii* [*Concepts. A Thin Layer of Civilization*]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2007. 248 p. (In Russ.)

Tarasova, E. K. "Ideal dukhovnogo zdorov'ia v tvorchestve N. V. Gogolia (po materialam nemetskoiazychnykh issledovaniu)" ["The Ideal of Spiritual Health in the Works of N. V. Gogol (Based on the Materials of German-language Studies)"]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 5, 2009, p. 13. (In Russ.)

Shafikov, S. G. "Russkii kontsept i problema perevoda s russkogo iazyka na inostrannyi" ["Russian Concept and the Problem of Translation from Russian into a Foreign Language"]. *Vestnik Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*, no. 1 (77), 2015, pp. 60–68. (In Russ.)

Keil, Rolf-Ditrich. "Gogol und Paulus." *Die Welt der Slawen*, Jg. 31. München, Verlag Otto Sagner, 1986, pp. 86–99. (In German)

Hapgood, Isabel Florence. *Tchitchikoff's journeys, or Dead Souls" by Nikolay Gogol*. New York, Thomas Y. Crowell & Co, 1886. 282 p. (In English)

Hogarth, David James. *"Dead souls" by Nikolay Gogol*. London, Toronto, J. M. Dent, 1842. 340 p. (In English)

Pevar, Richard, and Larissa Volkhonsky. *"Dead Souls"*. New York, Pantheon Books, 1996. 423 p. (In English)

Zeldin, Jesse. *"Selected Passages from Correspondence with Friends" by N. V. Gogol*. Nashville, Vanderbilt University Press, 1969. 271 p. (In English)

© 2023. О. В. Кириченко

Институт этнологии и антропологии Российской академии наук
г. Москва, Россия

Москва и Петербург в романе Л. Н. Толстого в свете учения о Третьем Риме

*Статья публикуется в соответствии с планом
научно-исследовательских работ
Института этнологии и антропологии РАН*

Аннотация: в статье затрагивается вопрос о понимании и трактовке Л. Н. Толстым учения о Третьем Риме, реализуемом им в романе «Война и мир». Будучи знакомым с государственным учением и идеологией, Толстой представляет в романе свое видение концепции, рассматривая Москву в качестве символа Третьего Рима, а Петербург — Первого. Москва для Толстого носитель «мира» во многих смыслах и жизни, а Петербург — это город войны и смерти. Автор статьи доказывает, что Москва для Толстого — это не политический центр, а центр русского народа, его традиций и истории, ядром ее является не Кремль, а семья Ростовых — старинного русского аристократического рода. Москва Третий Рим — это этнический центр, организующий борьбу жизни против смерти и тех, кто является ее проводником.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман-эпопея, «Война и мир», Москва, Петербург, Третий Рим, русская аристократия, православие, русский народ.

Информация об авторе: Олег Викторович Кириченко, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии Российской академии наук, Ленинский пр-т, д. 32 а, 119017 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 11.10.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 25.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Кириченко О. В. Москва и Петербург в романе Л. Н. Толстого в свете учения о Третьем Риме // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 34–57. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-34-57>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 34–57. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 34–57. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Oleg V. Kirichenko

Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Moscow and St. Petersburg in the Novel by L. N. Tolstoy in the Light of the Doctrine of the Third Rome

Acknowledgments: The article is published in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.

Abstract: The article touches upon the question of L. N. Tolstoy's understanding and interpretation of the doctrine of the Third Rome, which he implements in the novel "War and Peace." Being familiar with state doctrine and ideology, Tolstoy presents his vision of the concept in the novel, considering Moscow as a symbol of the Third Rome, and St. Petersburg as the First one. Moscow for Tolstoy is the bearer of "peace" and life in many senses, while St. Petersburg is a city of war and death. The author of the article proves that Moscow for Tolstoy is not a political center, but the center of the Russian people, its traditions and history. Its core is not the Kremlin, but the Rostov family — an old Russian aristocratic family. "Moscow The Third Rome" is an ethnic center that organizes the struggle of life against death and those who are its conductor.

Keywords: L. N. Tolstoy, epic novel, "War and Peace," Moscow, St. Petersburg, Third Rome, Russian aristocracy, Orthodoxy, Russian people.

Information about the author: Oleg V. Kirichenko, DSc in History, Director of Research, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32 a Leninsky Pr., 119017 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0730-7075>

E-mail: kirichenko.oleg.1961@mail.ru

Received: October 11, 2023

Approved after reviewing: October 25, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Kirichenko, O. V. "Moscow and St. Petersburg in the Novel by L. N. Tolstoy in the Light of the Doctrine of the Third Rome." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 34–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-34-57>

В статье исследуется главный идейный посыл автора романа «Война и мир», касающийся сознательно поставленной писательской и философской задачи. Она, на наш взгляд, состоит в том, чтобы вывести государство, и в лице его Петербург, из числа победителей в Отечественной войне 1812 г., а сделать ответственной за победу Москву — «аристократически народный Третий Рим». Автор статьи опирается на исихастский взгляд, который демонстрирует Ф. М. Достоевский в своем позднем творчестве, наделяя всех своих героев идейным багажом, энергией смысла. Это отчасти заметил в великом писателе литературовед М. М. Бахтин, вслед за В. В. Ивановым [Бахтин: 11, 15] [Иванов: 28]. Бахтин выделил эту особенность Достоевского как его личную, уникальную, присущую лишь немногим в мире литераторам, в число которых, по мнению Бахтина, не входил Толстой. Однако, как нам видится, идейность может проявляться не только в форме личностного самосознания, но и в других формах. Так, Толстой демонстрирует ту же самую идейность, но как выражение общественного мнения большой группы людей из числа русской аристократии. Хотя, одновременно, он демонстрирует и свою личностную идейность (скажем, антигосударственность), которая умело скрывается им за общественной идейностью и практически не видна. Свою задачу автор данной статьи видит в выделении в романе-эпопее Толстого тех бытийных форм, которые в понимании Толстого дышат энергией «преображения», жизни или, наоборот, энергией разрушения.

Толстой очевидным образом опирается на третьеримскую идейность в «Войне и мире», что довольно легко показать. Есть несколько эпизодов, где буквально воспроизводятся положения, прямо указывающие, что писатель помнил о политическом формате этой темы, учитывал ее и опирался на ее ресурс. Наша исходная позиция состоит в выяснении *формы* использования третьеримской идеи,

которая отвечала интересам Толстого. Скорее всего, за написание соответствующего произведения Толстого заставил взяться общественный запрос: писатель выполнял в данном случае не только собственную волю, но и озвучивал мнение определенной части старинной русской аристократии на события 1812 г. Государство как идеологический монополист на тему этой войны к 1860-м гг. уже основательно высказалось и продолжало высказываться. На волне послевоенных народных симпатий появилось славянофильство и антипод его западничество; что позволило и в личной сфере реализовать «римскую тему», которая странным образом была интерпретирована как «Восточный вопрос», привязанный к полному политическому возвращению Константинополя в православную ойкумену. Не был озвучен лишь русский старо-аристократический взгляд на французское нашествие 1812 г., и здесь третьеримская идея и оказывалась той точкой преломления, которая позволяла высветить особенности понимания этой частью русского общества событий Отечественной войны 1812 г. Произведение Толстого интересно нам и как типологический пример, представляющий общественный взгляд на идею «Москва — Третий Рим».

«Война и мир», как замечали многие, не совсем обычное художественное произведение, чувствовалось, что оно подчинено серьезной идее. Толстой при переговорах с М. Н. Катковым о журнальном печатании первых глав произведения не хотел, чтобы звучали слова «роман» или «повесть»: связь с документом той эпохи была очень тесна, текст был насыщен философскими размышлениями. Позже, когда появились критические статьи о «Войне и мире», Толстой сетовал, что критики разделяют роман на художественную и философскую части, что для него было неприемлемо. Кроме того, в конце 1870-х гг. роман-эпопея для Толстого ушел в прошлое, перестал его интересовать. Это был для писателя продукт своего времени, концентрированная сложная концепция, озвученная и забытая, поскольку к этой теме Толстой больше уже не возвращался. По нашему мнению, в этой теме свет увидело много такого, с чем потом сам писатель был не согласен (поэтому текст романа правился для собрания сочинений). Все вышесказанное заставляет нас думать о том, что Толстой выполнял своего рода *общественный заказ* «Москвы» как старорусской цивилизации на написание произведения, проникнутого симпатией

к ее ценностям и объясняющего современное значение Москвы для России. Это был *не славянофильский* заказ, как мы покажем ниже, но по-своему «государственный», от лица прошлой, допетровской российской государственности, сделанный именно московским обществом. Вот почему в романе так много нехарактерного для Толстого воспевания государственной мощи России, хотя и прикрываемого словами о народе.

Нельзя не согласиться с А. В. Гулиным в том, что Толстой не однозначен в своем очевидном неприятии государственности и государства, и конкретно, Российского государства. А. В. Гулин считает, что у великого писателя, хотел он этого или нет, ярко выражена тема имперского величия современной ему России [Гулин]. Одной рукой Толстой старался уничтожить следы этого величия, другой приветствовал и превозносил его. А. В. Гулин объясняет этот парадокс особенностями писательского метода, опирающегося на психологизм и личностные характеристики человека, заставляющие Толстого создавать непротиворечивую психологическую картину, включающую и внешние атрибуты имперской жизни России. Но важно и то, что Толстой вынужден был идти за общественным мнением в иллюстрации источника силы старинной московской аристократии.

Третий Рим в понимании Толстого.

Казалось бы, если предвоенная и военная Москва показывается Толстым как «Рим», то здесь должны присутствовать все основные римские атрибуты: *вечность, стремление к расширению и властность*. Но этого нет. В центре предвоенной Москвы не камни «вечного Кремля», не политические знаки вечности. Также не показаны следы московской власти, а московский губернатор граф Ф. Растопчин, каким его рисует Толстой на протяжении всего повествования, оказан человеком недалеким, жестоким, хитрым и лицемерным. Нет ничего из политического ресурса, отвечающего высокому третьеримскому статусу. Тем не менее, Толстой несколько раз акцентирует внимание читателя на политической доктрине римскости Москвы.

Речь о Москве как Третьем Риме открыто появляется в третьем томе романа, в эпизоде перехода Наполеоном границы России. Французский император беседует с посланником Александра I — генералом Балашовым. Он просит русского вельможу рассказать о «священ-

ном городе». Для Наполеона это не просто фраза, как подчеркивает Толстой, но смысл происходящего.

В беседе Наполеона с Балашовым впервые мы имеем возможность увидеть Москву со стороны, а не изнутри, через дома Ростовых, Безуховых, Ахросимовых и т. д. Поскольку Наполеон хочет получить картинку священной Москвы, Балашов говорит о церквях, которых в столице около двухсот. Наполеон дивится такому обилию и пытается объяснить это отсталостью русских, но Балашов настаивает на набожности и на особых нравах. От этой темы Балашов и переходит к Третьему Риму, хотя и осторожно, одной фразой обозначая цель пути французского императора. На вопрос Наполеона какие города его ждут на московской дороге, Балашов отвечает: «Как всякая дорога по пословице ведет в Рим, так и все дороги ведут в Москву» [Толстой 11: 31]. И далее, словно продолжая мысль старца Филофея «а четвертому не бывать», Балашов косвенно напоминает императору о судьбе другого претендента на захват Третьего Рима, шведского короля, побежденного под Полтавой, мимо которой Наполеон пройдет по пути в Москву. В другом месте Толстой вспоминает о теме Небесного Иерусалима — во время одного из московских богослужений в первые дни нашествия Наполеона.

Но все эти указания на политический характер Третьего Рима нужны Толстому для того, чтобы читатель не сомневался в особенном статусе древней русской столицы. При этом Толстой не развивает третьеримскую тему в ее политическом ключе, как идеологию от лица государства, он переосмысливает ее как современную идею от лица русского московского аристократического общества и делает основой не принцип статусности города, его священства и духовной значимости для страны, а принцип этнического центра русского народа, места, где в семейном лоне главных героев Ростовых появляются и произрастают конкретные представители Третьего Рима.

Петербург и Москва: война и мир

Петербург и Москва рассматриваются нами не в контексте структуралистского видения мира в виде дихотомических оппозиций (как это было принято в школе Ю. М. Лотмана») [Топоров: 259–367], а следуя за самим Толстым, расширявая его понимание этих горо-

дов как судьбообразующих для России. Здесь символизм носит естественный характер, какой он имел место у А. Радищева в книге «Путешествие из Петербурга в Москву», или у А. Белого в его романах «Петербург» и «Москва», написанных, несомненно, под толстовским воздействием. Важным оказывается и аспект «эпичности» присущий толстовскому роману [Андреева: 196], потому что за ним тянется заданный столицей тон. Скажем, А. Белый, подхватывая толстовскую тему «Москвы» и «Петербурга», отказывается от того, чтобы вести диалог между ними, для него важна общероссийская нота звучания каждой столицы, ведь за каждым из городов стоит своя Россия. Торжественный эпичный тон Белый заимствует у Толстого, решая, однако, другие задачи. Хотя отношение к Петербургу у него то же, он бросает вызов Петербургу, приглашает его на поединок [Долгополов: 174]. Сложно тут не вспомнить Евгения из «Медного всадника» Пушкина.

Толстым книга была названа «Война и мир» не для того чтобы проиллюстрировать время мирное «до войны» и военный период, хотя и без этой очевидной ссылки на исторические события тоже не обойтись. Толстой не был бы Толстым, если бы остановился только на очевидном. Война и мир связаны с двумя центрами, с двумя Римами: Первым Римом — Санкт-Петербургом и Третьим Римом — Москвой. Все, что тяготеет к войне, в прямом и символическом смысле, относится к Петербургу, противоположное ему, тяготеющее к миру — это московское. У Петербурга есть духовный союзник, и это не Москва, это Западная Европа, большей частью Франция, Париж, а у Москвы таких союзников нет, только прошлое и его жители. О смысловой многозначности терминов «война» и «мир» говорили разные исследователи, этот аспект был полностью раскрыт [Билинкис: 225–226]; [Ермилов: 16–20], но мы по-новому смотрим на диалог между «войной» и «миром», предпринятый Толстым. Так же новым является изучение самой стихии перетекания смыслов; скажем, когда изначально мирная Москва становится военной, а военный Петербург приобретает черты мирного города.

В мирное время «языческий» Петербург воюет с «православной» Москвой невоенными средствами, но тоже своего рода оружием: он увлекает москвичей на свои роскошные балы, в свой мир чиновничьих условностей и иерархии; влечет туда, где есть ложные мисти-

ка и религиозность масонства, где размывается понимание русской традиции, русского дела. Москва постоянно посещается (в большей степени, чем Петербург) петербуржцами: то ради богатой невесты, то ради хлебосольных аристократических домов, то ради того, чтобы узнать новости, голос общественного мнения, почувствовать настроение москвичей. Александр I едет в Москву в начале войны с Наполеоном, чтобы поднять в народе дух патриотизма, потому что в Москве это возможно было сделать, москвичи откликались на монарший зов, в отличие от холодных петербуржцев.

В толстовской счастливой, *довоенной мирной* Москве, столице прежней империи, практически отсутствует религиозный идентификатор пространства. Есть чудесные описания бала в Петербурге, где всех покоряет москвичка Наташа Ростова, есть дивные описания охоты в имении Ростовых, вечер у дядюшки, святки с ряженными, гонки на саях в лесу по январскому морозцу, дворянские русские пляски и хороводы в имении Мелюковых на святки, но нет «тихих церковных праздников», ни Пасхи, ни Рождества, ни Троицы. Толстовская аристократическая русскость в мирное время обходится «без попов и церковных богослужений». Первые проблески религиозности появляются в связи с возвращением Пьера Безухова в предвоенную Москву. Он сбежал сюда из Петербурга, от масонов, от жены Элен, от мыслей об Андрее и Наташе, сбежал от себя самого, запутавшегося в Петербурге, городе войны: «В Москве, как только он въехал в свой огромный дом с засохшими и засыхающими княжнами, с громадной дворней, как только он увидел — проехав по городу — эту Иверскую часовню с бесчисленными огнями свеч перед золотыми ризами, эту Кремлевскую площадь с незаезженным снегом, этих извозчиков и лачужки Сивцева Вражка, увидел стариков московских, ничего не желающих и никуда не спеша доживающих свой век, увидел старушек, московских барынь, московские балы и московский Английский клуб, — он почувствовал себя дома, в тихом пристанище. Ему стало в Москве покойно, тепло, привычно и грязно, как в старом халате» [Толстой 10: 295]. Для Пьера, принятого Москвой как родного, произошло вновь соединение с миром людей, его понимающих и ценящих за великодушие, рассеянность, веселость, чудачество, щедрость, русскость старого покроя, за подлинное барство. Возвращение блудного сына из Петербурга в Москву состоялось. А ведь в свете более ран-

него путешествия Радищева тем же путем это уже выглядит русской традицией.

Более мощно и объемно церковная жизнь москвичей обозначена у Ростовых. Она тоже раскрывается на фоне возвращения Наташи Ростовой из «петербургского плена», после случая с Анатолом Курагиным и разрыва помолвки с князем Андреем. Оба эти героя — представители Петербурга, худший и лучший его образцы. И оба оказались в поле внимания «лучшей» москвички Наташи Ростовой. Эту пару героев будет правильным воспринимать в противостоянии бытия и небытия, мира и антимира [Миронова: 54–62]. Чтобы вернуться домой, в Москву, Наташе требуется глубокое церковное покаяние. Она говеет неделю, каждый день посещает храм с духовно «строгим настоятелем», утром возвращается со службы домой, когда простой народ только еще движется на работу, испытывает новое чувство возможности исправления себя от своих пороков и желание новой чистой жизни и счастья, чтобы в воскресенье причаститься. Вместе с уходящими нравственными тяготами героиня ощущает новое состояние «покоя и не тяготящейся жизни». Это обстоятельство через причастившуюся Наташу Ростову открывает читателю дорогу в церковный мир Москвы. Ростовы ходят еженощно к обедне «в домовую церковь Разумовских», искренне и сердечно молятся, и Наташа слышит слова ектеньи, произносимой дьяконом: «*Миром* Господу помолимся», «О свышнем *мире* и спасении душ наших». Толстой добавляет: «“О мире ангелов и душ всех бестелесных существ, которые живут над нами”, — молилась Наташа» [Толстой 11: 74]. Москвичка Ростова молится в церкви и с Церковью о мире на земле и о мире надмирном. Москва здесь впервые раскрывается Толстым как город мира земного и небесного. Отдельные исследователи допускают, что за «войной» и «миром» в романе стоят религиозные и нравственные смыслы [Амирханян: 146]. Значение небесного мира для Москвы особо подчеркивается Толстым в молитве москвичей за русское воинство, в дни начала войны. Москвичи, пришедшие, как и Наташа Ростова в храм, слышали слова молитвы о спасении России от нашествия «двунадесяти языков», в содержании которой был и «третьеримский смысл». Здесь Толстой воспроизводит все необходимые сакральные смыслы, присущие Москве как Третьему Риму, во-первых, они звучат храмовом пространстве, во-вторых, в период

войны, когда война посетила мирный град Москву, потому что для отражения сил неприятеля нужны не военные ресурсы, такие как у Наполеона, а мирные, народные и церковные, небесные. Все это Толстой воспроизводит, озвучивая подлинный характер происходящего. Сами москвичи ждут от столицы доли «искупительницы», готовой платить за грехи петербуржцев и за свои собственные.

Толстой показывает Москву-искупительницу глазами Наполеона как лежащую перед ним, невиданную еще им восточную красавицу. Император говорит, что «город, занятый неприятелем, подобен девушке, потерявшей невинность». Так думает и Толстой, вложив эти слова интерпретации народного понимания искупления в уста Наполеону, олицетворяющему не только Францию, Западную Европу, но и Санкт-Петербург. Платой за это насилие со стороны Наполеона предлагается награда: «...я дам им законы справедливости, я покажу им значение истинной цивилизации, я заставлю поколения бояр с любовью поминать имя своего завоевателя» [Толстой 11: 326]. То есть Наполеон руководствуется европейской мыслью о благе для России европейского завоевания. Если перевести эту речь в идейный контекст, то Наполеон говорит это Москве от лица Петербурга как уполномоченного привести Москву к покорности любой ценой. «Древняя столица царей», как называет ее Наполеон, одна в России не покорилась Западной Европе. Российский Петербург не смог справиться с этой задачей, с покорением древних скифов, но эту задачу решит император союзной Европы. И все дело лишь в насаждении европейских законов и обеспечении их выполнения.

Антиподом Москвы-мира является имперская столица Санкт-Петербург, город «войны» и всех сопутствующих войне смыслов. Как ни странно, но в Петербурге Толстым не прописан политический центр, связанный с пребыванием главы России — царствующего императора. Мы не видим в Петербурге императора в официальной обстановке. Сам город выглядит политически рыхлым, он весь состоит из «объединений»: салонных, масонских, «дружеских кружков» (типа клубов), праздничных собраний (балов и т. п.). Это тоже аристократический мир, но очень пестрый и нестойкий, собирающийся в группы и распадающийся. В содержание города «войны» входит, в первую очередь, нерусское дворянство, противоположное русскому аристократическому началу, без глубоких древних корней.

Это место формализма, законничества, карьерных устремлений, лицемерия, смерти, это город, ориентированный на Европу. В своем позиционировании себя в качестве Первого Рима он составляет часть европейского первоимского пространства. Если собрать всю петербургскую символику воедино, как ее понимал Толстой, то этот символический ряд будет следующим: Петербург — 1) это смерть; 2) это «заколдованный» город; 3) это место, откуда вырывается «страшная сила», которая объединяет людей для войн, разрушений и насилия; 4) это пустота, нирвана, небытие, с непонятным крайне могущественным, больше жизни, источником силы; 5) это служение идее Первого Рима, античного, языческого, подчиненного задачам: а) расширения, б) власти и в) вечности.; 6) это задачи: военная, политическая и культурная.

Начало войны с Наполеоном, по мысли Толстого, еще больше обозначают точки сближения Петербурга и французов. Российский император, хотя и представитель Петербурга, города войны, но он словно передал эту миссию Наполеону, а сам не хочет воевать, он не знает, что ему делать, он колеблется, не имеет плана действия, обращается к Наполеону по-прежнему «брат», просит по-хорошему уйти за Неман, устраивает бал в Вильно, когда Наполеон уже движется по территории России. Толстой специально подчеркивает зеркальность русской и французской военной элиты; у Наполеона есть свой Аракчеев — маршал Даву, императора Александра окружают одни западноевропейцы: немцы, шведы, французы, многие из них бежали из Европы от Наполеона. Наполеон грозит Александру (через Балашова), что он арестует в Пруссии княжескую аристократию, родственную российской правящей династии, и отправит их на проживание в Россию. Этот параллельный мир в России, московский и петербургский, о котором Наполеон знает, начинает себя постепенно проявлять в соответствии со своей подлинной патриотической ориентацией. Но объективно Толстой должен показать Александра I не только как он — Толстой — его видит (как параллельную Наполеону сторону, чуть ли не союзническую), но и каким его видит Москва, народ, московская аристократия. Манифест императора и самого Александра Москва встречает с восторгом, выражая свои патриотические чувства. От лица Ростовых государя горячо приветствовал перед входом в Кремль в толпе народа Петя Ростов, чуть не задавленный народной

лавой. Следуя этой народной логике, царь отправляется царствовать, а все военные полномочия передает «москвичу» Кутузову. Почему москвичу? Потому что он противостоит немецкой партии, партии Петербурга.

Главные герои Москвы и Петербурга

Художественный мир Толстого в романе жестко подчинен его третьеримской идее: Москва и ее люди — это мир и жизнь, а Петербург — это война и смерть. Символическими смыслами Москвы являются жизнь, жизненная энергия — это заветная тема для Толстого. Именно жизненная символика заставила Толстого взять за точку отсчета римскости Москвы семейную единицу (семья Ростовых стоит в центре всей московской саги). Семья — это рождение новых жизней, это лоно, в котором сберегается народная, жизненная сила. Не случайно после благополучного перенесения всех испытаний Наташа Ростова, как и ее муж Пьер Безухов, в семейной многодетной их жизни напоминают не человеческую, а какую-то природную ячейку. Многодетная Наташа сравнивается Толстым с плодовой самкой, заботящейся только о своем потомстве. Предыдущий претендент на руку и сердце Наташи, князь Андрей, пытался несколько раз вернуться к жизни: после ранения на поле Аустерлица, после смерти жены, после нарушенного слова Наташи, наконец, после смертельного ранения на Бородинском поле. Жизнь оставляет его, когда он, тяжело раненный остается с Ростовыми, когда приезжает княжна Марья. Но если он не умрет его сестра никогда не станет женой Николая Ростова и род Болконских, ушедший в «петербургское служение», так и останется там, в Петербурге, перетянув туда и «лучшую москвичку» Наташу Ростову и не дав княжне Марье вернуться в московское лоно. Князь Андрей мог освободиться от власти Петербурга лишь ценой ухода из жизни, в предсмертном умилении и просветлении, как и освобождении Наташи и сестры Марьи от их ложного пути.

Добро у Толстого понимается как сила и крепость жизни, в романе добро напрямую привязано к Москве, в москвичах главное — «крепость жизни». Отсюда эпитеты Толстого по отношению к Москве: «русское гнездо, разоренное французами», «Москва — городам мать», «земля обетованная», «священная древняя столица» «разо-

ренный, умирающий улей». Жизнь по Толстому связана с Богом. Зло, очевидно, связано с «таинственной силой», которая откуда-то появляется среди людей, охватывает их, заставляет воевать, рушить города, убивать людей, мучить пленных. Она начинает действовать по воле верховных главнокомандующих и потом охватывает все войско. Толстой через Пьера Безухова показывает, как действует эта сила среди французов, попавших в тяжелую ситуацию, а через Кутузова обращает внимание на противоположную ей силу добра и милосердия. Полководец обращается к своим воинам с пожеланием быть жалостливыми к французским пленным, тем самым способствуя погашению таинственной силы, которой привычно проявлять себя на войне. Станным образом зло в союзе с добром у Толстого начинает быть на стороне добра. Эта позиция Толстого нигде прямо и открыто не раскрывается, но в эти годы и в начале 1870-х гг. писатель был склонен думать о чем-то близком к индийской нирване. В письме к А. А. Фету от 30 января 1873 г. Толстой писал: «О Нирване смеяться нечего и тем более сердиться. Всем нам (мне, по крайней мере, я чувствую) она интереснее гораздо, чем жизнь, но я согласен, что, сколько бы я о ней не думал, я ничего не придумаю другого, как только то, что эта Нирвана — *ничто*. Я стою только за одно — за религиозное уважение — ужас к этой Нирване. Важнее этого все-таки ничего нет» [Толстой 62: 7]. Необычное зло, столь активно воздействующее на добро, похоже, и есть действие «Нирваны». Вот, допустим образ брошенной жителями Москвы накануне вторжения туда французов — она «пустая». И даже сравнение ее с мертвым ульем мало что дает для полной характеристики этой мистической пустоты. Она пугает французов своей таинственной силой. Даже московский пожар выглядит в контексте «пустоты» как большая иллюзия. Таким же иллюзорным Толстой представляет имение Болконских в Лысых Горах, которое открывается князю Андрею с неожиданной стороны как «заколдованный, заснувший замок». Это маленькая калька с такого же заколдованного Петербурга: здесь также все послушно «закону неизменности». Москва, лишенная жителей, погружена накануне французского захвата в пустоту, подчиненную тому же самому закону неизменности.

Брак Наташи Ростовой и Андрея Болконского не должен был состояться в силу идейных приоритетов Толстого. «Лучший петер-

буржец» князь Андрей Болконский и «лучшая москвичка» графиня Наташа Ростова разрывают отношения в период помолвки, не выдержав годового испытания. И дело, конечно, не в Анатоле Курагине и не в старом князе Болконском, но в чем-то более принципиальном. Брак со «страшным человеком» (как его называют женщины-Ростовы) должен был, очевидно, погубить московскую душу Ростовой, согласившейся в силу своего бесстрашия на этот формально выгодный брак. Юная графиня Наташа Ростова — это то лучшее, что сохранила Москва накануне французского нашествия. Москве приходится сражаться не только с Наполеоном как таковым, но с Наполеоном как представителем северной, русской столицы, а значит, и Анатодем Курагиным, и Элен Безуховой (Курагиной), наконец, с Андреем Болконским — лучшим из петербуржцев. То есть для Наташи князь Андрей — духовный враг, несмотря на их симпатии и брачные обязательства. Толстой так внутренне ставит вопрос, что нам становится ясно: брак или не брак этих двух людей покажет, победит ли Москва, выиграет ли Россия войну с Наполеоном. Эта несостоявшаяся свадьба позволила и самому князю Андрею умереть в покое и молитве, среди родных людей после смертельного ранения. Князь все равно был бы ранен в сражении, но умирал бы он по-другому, в гордости и страхе. Брак Москвы и Петербурга, по воле автора, не состоялся, хотя для этого торжества и таинства были выбраны лучшие представители своих городов, символы их. Избранность героев состояла в том, что каждый из них являл лучшие черты Москвы и Петербурга, но при этом оба готовы были сделать (и делали) искренний шаг к сближению друг с другом, олицетворяя духовное сближение городов.

Жесткая конструкция художественной части романа заставляла Толстого сознательно отсекал все, что могло помешать Наташе Ростовой реализовать свою миссию, заключающуюся в отстаивании самодостаточности Москвы. Круг героев вокруг нее был обусловлен принципом помощи ей или ее врагам, вольным или невольным. Она *многовекторный герой*, к Наташе сходятся нити и судьбы большинства героев романа. Таким же многовекторным героем представляется Пьер Безухов — представитель Москвы, глубоко втянутый в мир Петербурга, начиная от его обожания Наполеона, и заканчивая его масонской активностью. Опутанный со всех сторон петер-

бургской паутиной, он остается москвичом лишь потому, что любит Наташу Ростову, и готов ей оказывать помощь в самые тяжелые для нее дни, в конце концов, женится на ней. Пьер — необычный герой, необычный москвич, он, словно громоотвод, берет на себя в романе все основные «удары молний» по москвичам, и его брак на «лучшей москвичке» Наташе закономерен, по Толстому. Глазами Пьера мы видим Бородинскую баталию, затем Москву, занятую Наполеоном и, наконец, плен русских людей. Повседневность войны Толстой показывает большей частью глазами растерянного и ищущего истину москвича Пьера Безухова. Сближение Пьера и Наташи происходит постепенно, через разрубание тех гордиевых узлов, что были связаны, чтобы соединить Москву и Петербург в одно целое, ради чего и приходил в Россию Наполеон со своей военной европейской миссией. Они оба должны были, по замыслу Толстого, разрубать эти узлы, чтобы дать возможность истории пойти правильным, объективным путем.

Очень интересен образ *москвича*, главнокомандующего Кутузова, противостоящий образу петербуржца императора Александра I. Соответственно, корреляция образов Кутузова и Александра I не может не вестись без учета соотнесения с российским императором французского императора. Они выступают если не как откровенные союзники, то как близкие друг другу люди, называвшие еще недавно один другого братом. Толстой подчеркивает, что без согласия Александра Кутузов стал главнокомандующим (не будем обсуждать, соответствует ли это историческим фактам), без согласия императора сдал Москву, наконец, действовал при отступлении французов из Москвы не так, как хотел Александр I. Толстой осторожно, но твердо обвиняет петербургскую власть, что она сознательно дала уйти Наполеону и его маршалам из России. Кутузов у Толстого такой же «многовекторный герой», как Наташа Ростова и Пьер Безухов, к нему также стекаются симпатии и антипатии, от него зависит порядок действий русской армии. Он — «народный полководец», с приходом его на пост главнокомандующего война и деятельность русской армии сразу приобрели народный характер. Война стала вестись как бы от лица русского народа, а не просто России или императора Александра I. Толстой это подчеркивает не раз. «Цель народа была одна: очистить свою землю от нашествия... цель эта достигалась действиями народ-

ной войны» [Толстой 12: 169]. При изгнании Наполеона за пределы страны, сразу изменилась роль Кутузова, он перестал быть нужен: «Представителю русского народа, после того как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую степень своей славы, русскому человеку, как русскому, делать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер» [Толстой 12: 203].

Важно разобраться и в том, почему князь Андрей Болконский не стал у Толстого «многовекторным героем», хотя после любви к Наташе Ростовой в нем явно происходило движение в сторону обретения подлинного зрения, он стал видеть то, что раньше не замечал и стал чувствовать то, что мог чувствовать только человек московской цивилизации. Он видел имение своего отца Лысье Горы как заколдованный замок, застывший в своем законничестве, он по-другому начал смотреть на своих врагов, он ощутил судорогу, охватившую горло от сознания того, что Москва будет взята французами, хотя раньше ему было все равно. Болконскому становится понятна мотивация столь странной военной тактики Кутузова: «А главное, — думал князь Андрей, — почему веришь ему, это то, что он русский, несмотря на роман Жанлис и французские поговорки; это то, что голос его задрожал, когда он сказал: “До чего довели!” и что он захлипал, говоря о том, что он “заставит их есть лошадиное мясо”» [Толстой 11: 174]. Здесь Толстой дает князю Андрею «народное зрение»: На этом же чувстве, которое более или менее смутно испытывали все, и основано было единомыслие и общее одобрение, которое сопутствовало народному, противному придворным соображениям, избранию Кутузова главнокомандующим. Тем не менее, князь не доходит до искомой точки преобразования. Точнее сказать, его полное преобразование происходит в самый канун его смерти, это была цена за преобразование. Если бы он остался жить, он бы женился на Наташе Ростовой, но женился не как преобразенный князь Андрей, а как «страшный человек», и тем самым бы погубил и себя, и свою избранницу. Толстой не делает Болконского «многовекторным героем» из-за его петербургского происхождения; и, хотя тот был «лучшим из петербуржцев», готовым чувствовать и понимать лучшую из «москвичей», но все-таки он был «петербуржцем», что, по мысли Толстого, ставило непреодолимую преграду на пути к превращению его в москвича. К известной уже у

литературоведов теме о врагах в романе-эпопее Толстого [Козлова], можно добавить и недружественное противостояние «москвича» и «петербуржца».

Пара «граф Николай Ростов и княжна Марья Болконская», которых Толстой соединяет в браке должна нам объяснить и проиллюстрировать толстовскую идею о соединимости добра и зла ради создания красоты¹. Княжна Марья, конечно, не может быть прямо отнесена к петербургской области зла, но она представительница лучшей семьи Петербурга, семьи Болконских, с их заколдованным именем Лысые Горы. В своей семье она горячо верующий человек, она принимает странников, помогает им, живет в смиренном служении престарелому и желчному отцу, в строгом послушании ему. Но она, как указывает Толстой, как и все Болконские, «заколдована», она не может понять и принять Наташу при первом знакомстве, т. е. она не видит ее душу, она также слепа, как и ее брат. Находясь в «петербургской слепоте», она, в отличие от брата и отца, более тесно связана с воронежскими корнями своей покойной матери. Знал Толстой или не знал о благотворной роли Воронежа в жизни Петра I, в пору его занятия строительством флота, при жизни первого епископа Воронежского Митрофана? Тогда, царь, увлеченный культурными камнями Рима, античными статуями (что символически демонстрировали идею вечности Первого Рима), был остановлен святителем Митрофаном, не пожелавшим заходить в дом царя, наполненный античными скульптурами. И царь, хотя и испытал гнев, но принял «правду святителя», сделал, как тот хотел. Думается, что это важное событие на заре петровских преобразований запечатлело и особую роль Воронежа². У Толстого княжна Марья постепенно, но основательно и глубоко освобождается от статуарной «заколдованности», сначала при помощи Николая Ростова (и это уже после смерти отца и отъезда

---

¹ Толстой не раз высказывался на эту тему в переписке и дневниках, и, в конечном счете, он стал объяснять причину позитивности зла в его контакте с добром, происхождением зла из небытия, связав это с буддистским учением о Нирване. Так зло было выведено Толстым из-под власти нравственной и религиозной трактовки.

² Святитель Митрофан был прославлен в 1832 г. при императоре Николае I, сам государь посетил Воронеж через 40 дней после церковного прославления.

в армию брата), затем, по приезде в родной, материнский Воронеж, она получает еще большую духовную свободу; и, наконец, на одре смерти, прощаясь с духовно преобразившимся братом Андреем, она полностью освобождается от петербургской зависимости, в силу чего и состоялся ее брак с Николаем Ростовым. Такова логика толстовской идейности, связанной с символикой Москвы и Петербурга, от которой напрямую зависели судьбы главных героев. Добро и зло смогло соединиться, когда зло полностью было очищено в горниле испытаний от привязанности к своему источнику.

Понимание народности (этничности) Толстым

Толстой не раз делает упор на *народность* как решающую в войне силу, и можно подумать, что он выражает славянофильскую позицию. Но в данном случае автора романа интересует другой, не этнографический взгляд на русский народ; ему интересен народ, объединяющийся вокруг положительных «многовекторных героев» — представителей Москвы как Третьего Рима в толстовском его толковании. «Народ» — это сила, сознательно относящаяся к своему врагу Европе. Для Кутузова и народа, который объединялся вокруг его имени ради борьбы с нашествием Наполеона, это была борьба с Западной Европой, а для российского императора (в трактовке Толстого) это было освобождение Европы от тирана. В письме к Н. Н. Страхову от 22 марта 1872 г. Толстой пишет: «Народность славянофилов и народность настоящая две вещи столь же разные как эфир серный и эфир всемирный, источник тепла и света. Я ненавижу все эти *хоровые начала* и *строи жизни и общины* и *братьев славян*, каких-то выдуманных, а просто люблю определенное, ясное и красивое и умеренное и все это нахожу в народной поэзии и языке и жизни и обратное в нашем» [Толстой 61: 278]. Толстого интересует конкретный народный материал, эстетически выверенный, не декларирующий себя, скромный. Если для славянофилов «народ» — это текучая из века в век этническая субстанция, сохраняющая свое единство за счет общинных, коллективистских форм бытия, то толстовский народ — ситуативный элемент жизни, и, конечно, требующий постоянной самоорганизации через своих «многовекторных героев». Чем дальше от таких героев, тем хуже ситуация. В противоположность реальным действиям героев, император Александр I, приехавший в Москву, чтобы поднять

народную волну патриотизма, делает это больше через бумагу, через печатное слово, через манифест. Сам же он, лично, вокруг себя собирает лишь толпу, которая давит друг друга, бросается на куски бисквита, проявляет животные инстинкты. Не случайно в этой встрече участвует только самый юный из Ростовых, Петя, которого чуть не задавили насмерть. Миссию объединения народа совершает не Александр, а Кутузов; и делается это ради Москвы: «Всем народом навальтаться хотят, одно слово — Москва».

Толстой, конечно, и сам стоит от народа как бы в стороне, чтобы в любую минуту сказать: это не народ, а вот это народ. Так же точно Толстой относился и к государству, Церкви, ко всему, включая жизнь и смерть. Однажды в его имении бык убил пастуха, а ответ должен был держать владелец имения, Толстой. Ему было предъявлено обвинение, и должно было состояться разбирательство. Толстой, «с седой бородой, с 6-ю детьми, с сознанием полезной и трудовой жизни, с твердой уверенностью, что я не могу быть виновным...» [Толстой 61: 313], очень обиделся на государство, власть, страну и захотел уехать в Англию. Конечно, это был сиюминутный каприз, демонстрация своего возмущения, но характерна содержательная часть его предполагаемых действий в Англии: «Как не противна мне европейская жизнь», но надо ехать «пока свобода и достоинство каждого человека не будет у нас обеспечено». «Только там свобода личности обеспечена — обеспечена для всякой уродливости и для независимой и тихой жизни» [Толстой 61: 317]. Толстой уже составил план, где он будет обучать детей, попросил знакомых в Лондоне составить ему протекцию среди высшей аристократии, чтобы было «общество». Это очевидная демонстрация «точечного» отношения к государству, народу, русской аристократии, которых Толстой в одночасье готов был оставить, чтобы показать силу своей обиды.

Кроме того, что народ Толстого — это локальная во времени и пространстве группа, зависящая от воли особых людей из числа аристократии, заметно и другое: вокруг семьи Ростовых, вокруг семьи Болконских сосредоточен «народ», близкий к помещикам, т. е. дворовый народ, профессионалы своего рода. Нигде нет в романе народа как «массы», рядового крестьянства не в единичных представителях, а в массе; нет общинного народа, соборного народа, народа как пчелиного роя в улье. Такой стихийный народ Толстому не нужен, пото-

му что это и будет «славянский народ», народ в котором господствует хаос, отсутствует культура, в том числе религиозная. Вот почему, на наш взгляд, Толстой осторожно подходит к образу народа, симпатичного ему. Это народ из далекого скифского прошлого. Об этом коренном народе России помнят только в Европе. Наполеон, стоя на границе с Россией, думает на эту тему: «Увидав на той стороне казаков и расстилавшиеся степи, в середине которых была Москва, священный город, столица того, подобного Скифскому, государства, куда ходил Александр Македонский, — Наполеон, неожиданно для всех и противно как стратегическим, так и дипломатическим соображениям, приказал наступление, и на другой день войска его стали переходить Неман» [Толстой 11: 8]. Наполеон ясно понимает, что воевать ему придется не с европейским Петербургом, тот ему давно уже сдался, а со «скифской» Москвой, полной противоречий и неведомых ему законов. Он идет воевать со «священным городом», претендуя на то, чтобы отнять его священство и присоединить к своим важнейшим трофеям.

Толстой, конечно, шел в своей концепции вслед за поляками, которые также видели в польской элите не славян, а древних сарматов, воинственных кочевников, как это следует из концепции сторонников «шляхетского сарматизма». В польской историографии эта тема начала озвучиваться с конца XVI в., оформилась в XVII в. и господствовала в Польше до середины XVIII в., «была направлена на обоснование исключительных прав шляхты, причем не только этнически польской, но также литовской, русской и белорусской в пределах Речи Посполитой» [Мыльников: 239–240]. Толстой не развивает эту тему, читателю самому приходится додумывать, почему московская аристократия в лице семьи Ростовых столь твердо противостоит петербургской аристократии. А всё потому, что за ней традиция, очень древняя и глубокая, корневая для России. Корни московской аристократичности древнее варяжских княжеских корней, они в античной, свободной скифской аристократии, равной греческой. Этого Толстого не говорит, но на понимание этой исторической «тайны» настраивает читателя. И в этом контексте писатель, конечно, может считаться предтечей «евразийцев» и «скифов». Вот, например, описание Толстым психологии русских перед лицом военной опасности; она передает геродотову тактику скифов, воюющих таким образом

с персидским царем: «Народ с беспечностью ждал неприятеля, не бунтовал, не волновался, никого на раздирал на куски, а спокойно ждал своей судьбы, чувствуя в себе силы в самую трудную минуту найти то, что должно было сделать. И как только неприятель подходил, богатейшие элементы населения уходили, оставляя имущество; беднейшие оставались и зажигали, и истребляли то, что оставалось. Сознание того, что так и будет, и всегда так будет, лежало и лежит в душе русского человека. И сознание это и, более того предчувствие того, что Москва будет взята, лежало в русском московском обществе 12-го года» [Толстой 11: 279].

И тут, несомненно, чувствуется определенное влияние на Толстого А. И. Герцена, который высказывал мысли о прогрессивной роли татаро-монгольского ига в жизни России, а также не раз в своих работах (и мемуарах) сравнивал русских, посещающих Европу, со скифами, прибывающими в античные Афины [Герцен 5: 585]. Еще раз подчеркнем, что «Война и мир» не была для Толстого долговременной книгой, на эту тему он высказался один раз и больше уже не возвращался к ней, не видя, очевидно, возможности углубить ее понимание и реализацию. Вообще в толстовском мировоззрении было нечто созвучное евразийцам, хотя и не выделенное в концепцию. Например, в число общих рассуждений в романе «Война и мир» входит размышление Толстого о стихии, увлекающей исторических героев за собой. Этот пассаж очень напоминает теорию пассионарности тезки Толстого Л. Н. Гумилева (названного в честь Толстого): «Для изучения законов истории, мы должны изменить совершенно предмет наблюдения, оставить в покое царей, министров и генералов, а изучать однородные, бесконечно малые элементы, которые руководят масса-ми» [Толстой 11: 269]. В своей интерпретации третьеримской идеи как общественной, негосударственной идеи, Толстой впервые являет исторический нигилизм, предметом его внимания становится римская государственность в ее политическом выражении.

Итак, в основе толстовского подхода лежит понимание почти непреодолимой пропасти между Москвой как Третьим Римом и Петербургом — Первым Римом. Последний для писателя не имел никакой привязки к православной церковности, русской традиции, «делу мира». Хотя в реальной жизни, как мы знаем, все было не так: Петербург, как и Москва, сохранял религиозные ориентиры, опирался на

Церковь, пространство его освящалось православными святынями и молитвами. Но Толстой нарочито, чтобы связать государственное начало со всеми отрицательными характеристиками, делает Петербург полным антиподом Москвы. Толстой словно хочет показать, что Москва не нуждается в Первом Риме, что она уже состоялась как Третий Рим, а Петербург — это главная причина войны 1812 г. Общественный, аристократический взгляд на Отечественную войну, который Толстой демонстрирует в романе-эпопее «Война и мир», по-своему оценивает итоги победы России. Это победа не только над Наполеоном и объединенной Европой, но и победа над всей послепетровской Россией как европейской империей, победа Москвы над Петербургом.

Список литературы

Источники

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. М.: Худож. лит., 1928–1958.

Исследования

Амирханян А. М. Религиозный контекст добра и зла в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2009. № 4. С. 146–161.

Андреева В. Г. Образ земли как одна из эпических основ художественных миров романов Л. Н. Толстого // Два века русской классики. 2020. Т. 2. № 2. С. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227>

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Э, 2017. 637 с.

Билинкис Я. С. О Творчестве Толстого. М.: Сов. писатель, 1959. 414 с.

Гулин А. В. Лев Толстой как певец Российской Империи // Два века русской классики. 2022. Т. 4, № 2. С. 18–41. <https://doi.org/10.22455/2686-74942022-4-2-18-41>

Долгополов А. Н. Андрей Белый и его роман Петербург. М.: Сов. писатель, 1988. 416 с.

Ермилов В. В. Толстой художник и роман «Война и мир». М.: Гослитиздат, 1961. 359 с.

Иванов Вяч. И. Достоевский. Трагедия. Миф. Мистика. СПб.: Пушкинский дом, 2021. 476 с.

Козлова С. М. «Текст врага» в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 3 (40). С. 56–62.

Миронова Г. С. Болконские и Куракины: «мир» и «антимир» в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир» // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. 2014. № 3 (11). С. 54–62.

Мыльников А. С. Картина славянского мира. Взгляд из Восточной Европы. СПб.: Наука, 2016. 582 с.

Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического. М.: Прогресс – Культура, 1995. 621 с.

References

Amirkhanian, A. M. "Religioznyi kontekst dobra i zla v romane L. N. Tolstogo 'Voina i mir'" ["The Religious Context of Good and Evil in L. N. Tolstoy's Novel 'War and Peace'"]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya*, no. 4, 2009, pp. 146–161. (In Russ.)

Andreeva, V. G. "Obraz zemli kak odna iz epicheskikh osnov khudozhestvennykh mirov romanov L. N. Tolstogo" ["The Image of the Earth as One of the Epic Foundations of the Artistic Worlds of Leo Tolstoy's Novels"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 2, no. 2, 2020, pp. 192–227. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2020-2-2-192-227> (In Russ.)

Bakhtin, M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [*Problems of Dostoevsky's Poetics*]. Moscow, E Publ., 2017. 637 p. (In Russ.)

Bilinkis, Ia. S. *O Tvorchestve Tolstogo* [*About the Works of Tolstoy*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1959. 414 p. (In Russ.)

Gulin, A. V. "Lev Tolstoi kak pevets Rossiiskoi Imperii" ["Leo Tolstoy as a Singer of the Russian Empire"]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022, pp. 18–41. <https://doi.org/10.22455/2686-74942022-4-2-18-41> (In Russ.)

Dolgoplov, A. N. *Andrei Belyi i ego roman Peterburg* [*Andrei Bely and His Novel Petersburg*]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1988. 416 p. (In Russ.)

Ermilov, V. V. *Tolstoi khudozhnik i roman "Voina i mir"* [*Tolstoy the Artist and the Novel "War and Peace"*]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1961. 359 p. (In Russ.)

Ivanov, Viach. I. *Dostoevskii. Tragediia. Mif. Mistika* [*Dostoevsky. Tragedy. Myth. Mystic*]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2021. 476 p. (In Russ.)

Kozlova, S. M. "'Tekst vruga' v romane L. N. Tolstogo 'Voina i mir'." ["'Text of the Enemy' in L. N. Tolstoy's Novel 'War and Peace.'"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 3 (40), 2004, pp. 56–62. (In Russ.)

Mironova, G. S. "Bolkonskie i Kurakiny: 'mir' i 'antimir' v romane-epopee L. N. Tolstogo 'Voina i mir'." ["The Bolkonskys and the Kurakins: 'Peace' and 'Anti-peace' in L. N. Tolstoy's Epic Novel 'War and Peace.'"]. *Gumanitarnye vedomosti Tul'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. L. N. Tolstogo*, no. 3 (11), 2014, pp. 54–62. (In Russ.)

Myl'nikov, A. S. *Kartina slavianskogo mira. Vzgljad iz Vostochnoi Evropy* [*Picture of the Slavic World. A View from Eastern Europe*]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016. 582 p. (In Russ.)

Toporov, V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: Issledovaniia v oblasti mifopoeticheskogo* [*Myth. Ritual. Symbol. Image: Studies in the Field of Mythopoetic*]. Moscow, Progress – Kul'tura Publ., 1995. 621 p. (In Russ.)

© 2023. О. В. Быстрова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

«Я считаю его очень талантливым...»:

К истории взаимоотношений М. Горького и А. В. Яровицкого

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта
РНФ №23-28-01158 «Максим Горький и низовое литературное движение»
<https://rscf.ru/project/23-28-01158/>*

Аннотация: В статье предпринят анализ личных и творческих взаимоотношений М. Горького и А. В. Яровицкого. Познакомившись в 1899 г., они стали коллегами по работе в газете «Нижегородский листок» и друзьями. Предпринятое обстоятельное исследование документальных источников свидетельствует об отношениях учителя (писателя) и ученика (начинающего автора). Обращения к творческим связям литераторов, работавших в период с 1899 по 1903 гг. в Нижнем Новгороде, позволяет автору статьи проследить этапы их личного и творческого диалога. Автор статьи обращается к не прямой переписке: к письмам Горького о Яровицком и Яровицкого родным о Горьком. Выявленная разница в избранном ими творческом направлении свидетельствует о взаимном обогащении материалом для художественных произведений. Результаты статьи позволяют более детально изучить литературный процесс конца XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: М. Горький, Л. Н. Толстой, А. В. Яровицкий, А. Корнев, «живой учитель», «Нижегородский листок», «Жизнь», наставничество.

Информация об авторе: Ольга Васильевна Быстрова, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

E-mail: bystrova63@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 10.09.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 22.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Быстрова О. В. «Я считаю его очень талантливым...»: к истории взаимоотношений М. Горького и А. В. Яровицкого // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 58–75.
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-58-75>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 58–75. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 58–75. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Olga V. Bystrova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

“I Consider Him Very Talented...”: On the History of the Relationship Between M. Gorky and A. V. Yarovitsky

Acknowledgments: The research was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-01158 “Maxim Gorky and the Grassroots Literary Movement” (<https://rscf.ru/project/23-28-01158/>).

Abstract: The article analyzes the personal and literary relationships of M. Gorky and A. V. Yarovitsky. Having met in 1899, they became work colleagues at the Nizhegorodsky Listok newspaper and friends. The undertaken detailed study of documentary sources testifies to the relationship between the teacher (writer) and the student (aspiring author). An appeal to the creative connections of writers who worked in the period from 1899 to 1903 in Nizhny Novgorod, allows the author of the article to trace the stages of their personal and creative dialogue. The author of the article turns to indirect correspondence: letters from Gorky about Yarovitsky and Yarovitsky to his relatives about Gorky. The identified difference in the creative direction they chose indicates mutual enrichment of material for artistic works. The results of the article allow us to study in more detail the literary process of the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: M. Gorky, L. N. Tolstoy, A. V. Yarovitsky, A. Kornev, “living teacher,” “Nizhny Novgorod leaflet,” “Life,” mentoring.

Information about the author: Olga V. Bystrova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1542-2516>

E-mail: bystrova63@mail.ru

Received: September 10, 2023

Approved after reviewing: October 22, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Bystrova, O. V. “I Consider Him Very Talented...”: On the History of the Relationship Between M. Gorky and A. V. Yarovitsky.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 58–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-58-75>

В литературоведении взаимоотношениям М. Горького и А. В. Яровицкого до сих пор не было уделено пристального внимания. Хотя отдельные факты и события, касающиеся вовлечения Горького Яровицким в работу первого Нижегородского комитета РСДРП(б), описаны в нижегородских источниках прошлого века [Нечаев: 22–35], [Фарбер: 127–129], [Куприянова: 225–234]. Тема литературного наставничества молодого Горького в период его работы фельетонистом в газете «Нижегородский листок» затрагивалась исследователем Харчевым [Харчев: 17–27].

Переписка Горького с Яровицким не сохранилась, вполне вероятно, что ее не было, т. к. с 1899 г. они оба работали в газете и надобности в переписке, вероятно, и не было. В задачи данной статьи входит реконструкция отношений между писателями по не прямым источникам. Письма Горького о Яровицком, письма Яровицкого о Горьком дают возможность увидеть, как многогранны были их отношения, которые не исчерпывались лишь спорами и делами Нижегородской ячейки социал-демократов. Анализ документальных источников позволяет проследить за развитием творческого диалога Горького и Яровицкого.

12 сентября 1892 г. в газете «Кавказ» был опубликован рассказ «Маркар Чудра». Автором был указан доселе никому неизвестный «М. Горький». О молодом авторе заговорили. Но настоящая известность пришла после издания его двухтомника «Очерки и рассказы» в 1898 г. [Горький 1898]. Критик Н. К. Михайловский в рецензии писал, что два томика рассказов Горького представляют собой нечто, «что может доставить и художественное наслаждение и пищу для размышления, что можно не только с удовольствием читать, но и перечитывать и что помянется историей литературы, хотя бы г. Максим Горький уже ничего больше не написал» [Михайловский: 56]. Но в этот момент общественного признания Горький пишет В. Г. Короленко: «Обидела меня судьба моя

тем, что вовремя не дала мне возможности учиться...» [Горький 1: 293].

Именно в этот и последующие два года Горький с настойчивостью ищет авторитетного наставника, эпистолярного спутника. В круге его письменного общения выделяются маститые В. Г. Короленко, А. П. Чехов; с которыми он будет дружен долгие годы. В январе 1900 г. происходит его личное знакомство с Л. Н. Толстым¹. Тем не менее, в это же время он признается Ф. Д. Батюшкову: «Я — что бы там ни говорили — небольшой, хотя и искренний писатель, а потом — и это главное — я малограмотный человек, которому надо учиться, надо видеть *примерных* людей, *примерную* жизнь. Всю жизнь я шел по грязи, сквозь грязь — и вот пришел... Ну, и что же я скажу? Я могу только рассказать, а сказать — не умею². И научиться мне — не у кого. Живых учителей — нет» [Горький 2: 12].

Горький любил Толстого как гениального художника, но тем не менее не мог признать его учителем³. И причина была принципиальная —

---

¹ Всего личных встреч было три: 13 января 1900 г. в доме Толстых в Хамовниках, 11 мая 1900 г. в доме Толстых в Хамовниках, 8 октября 1900 г. в Ясной Поляне.

² По мнению нижегородских исследователей В. Т. Захаровой и М. Г. Уртминцевой, самохарактеристики Горького раннего периода творчества свидетельствовали, скорее, о скромности автора, т. к. отклики критики на ранние рассказы и двухтомник «убеждают в том, что сам факт такого обширного охвата литературной традиции... и только применительно к одному тематическому пласту ранней прозы Горького свидетельствовал о мощном даровании молодого автора» [Захарова, Уртминцева: 147]. Литературная критика, в свою очередь, «провиденциально обозначила еще в самом начале пути писателя главный вектор его внутреннего развития: глубинную сопряженность его творчества с национальной художественной традицией» [Захарова, Уртминцева: 147].

³ В цикле лекций по русской литературе для рабочих Горький писал о Толстом, указывая на двойственность восприятия его творчества: с одной стороны, «Толстой это целый мир. Человек глубоко правдивый...» [Горький 1939: 296]. С другой стороны, «вред идей Т<олстого> как философа — очевиден для нашей страны, которая нуждается как раз именно в том, что отрицает самый громкий ее голос, — нуждается в знаниях, в науке, в демократизации научных знаний. Еще более вреда приносит проповедь пассивного отношения к жизни, там, где все спасение — в активности, в работе» [Горький 1939: 286]. Проводя исторические параллели, можно упомянуть аналогичную «разницу оснований веры и убеждений», о которой пишет В. Г. Андреева, сопоставляя письма

разность подхода в постижении существа жизни. Горький об этом напишет К. П. Пятницкому в январе 1902 г.: «...Как мне противен этот поворот назад, к самоусовершенствованию! Я не оговорился — это назад! Теперь совершенный человек не нужен, нужен боец, рабочий, мститель» [Горький 3: 13].

Для Горького, который искал своего учителя — «примерного» человека — таковым стал «боец, рабочий, мыслитель». Эти первые «живые» учителя пришли к Горькому сами — это были члены первого Нижегородского комитета РСДРП.

31 июля 1898 г. Максим Горький приехал в Нижний Новгород. Режим особого надзора, установленный полицией еще в Тифлисе, продолжал действовать. 2 августа 1898 г. Горький написал заявление в Нижегородское губернское жандармское управление: «Из-под стражи в г. Тифлисе я освобожден 31 мая. 1 июня выехал в г. Самару, куда прибыл июня 11-го. Имея надобность переехать из Самары в Нижний Новгород на постоянное жительство 22 июня подал начальнику Самарской губернии прошение о разрешении переезда <...> Из Самары выехал 28 июля, прибыл в Нижний 31-го, в тот же день явился в полицию заявить о прибытии, а на другой день, 1 августа передал полиции проходное свидетельство, выданное мне полицией г. Самары, а взамен его получил свидетельство на проживание в г. Нижнем» [Революционный путь: 38].

О своем тяжелом материальном и бытовом положении Горький, еще недавно освобожденный из тюремного заключения, сообщал издателю С. П. Дороватовскому: «Я уже в Нижнем. Пока определенного места жительства не имею и проживаю в редакции “Нижегородского листка”, куда, в случае надобности, и пишете <...> Я сейчас должен писать что-нибудь новое, ибо денег — ни гроша» [Горький 1: 269]. Быстро заработать деньги можно было только в газете. И этой газетой стал «Нижегородский листок». В эту газету Горький был приглашен еще в мае 1896 г. в качестве очеркиста и обозревателя Всероссийской промышленной и художественной выставки в Нижнем Новгороде. С осени 1898 г. он был назначен ведущим рубрики «Маленький фельетон»¹,

---

Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина, обращенных к государю Александру III [Андреева: 77–78].

¹ С 17 октября по 29 ноября 1898 г. Горький вел рубрику «Маленький фельетон» под коллективным псевдонимом * * *. Вторым автором рубрики был Е. М. Ещин (подробнее об этом см.: [Петрова: 63–77]).

о чем он сообщал С. Я. Елпатьевскому: «...Сейчас я делаю долги и ежедневные фельетоны в “Листке»» [Горький 1: 279].

По воспоминаниям секретаря «Нижегородского листка» А. Д. Гриневицкой, до середины 1899 г. «у Алексея Максимовича не было особой близости с редакцией газеты» [Воспоминания: 71]. Отчасти это было связано с либеральными настроениями в газете и ее стремлением подражать «Русским ведомостям», с другой стороны, во взаимоотношениях Горького и главного редактора газеты были сложности. К концу 1898 г., по воспоминаниям А. Е. Богдановича, выяснилось, что у газеты серьезные проблемы и приходится покрывать немалый дефицит — около 400 рублей на пай: «Это показалось накладно, но с газетой расстаться не хотелось, и потому стали искать выхода в лучшей постановке дела, чтобы усилить тираж и тем привлечь объявления. Для этого нужен был другой руководитель, с пером и организаторским талантом. Обратились за советом ко мне (Протопопов и Горинов). Я указал на своего товарища по “Народной Воле” С. И. Гриневицкого, работавшего в провинциальной печати в Минске и Житомире <...> он приехал и вошел в состав сотрудников. К нему хотели сначала приглядеться. Он оказался подходящим <...> и это дело было предложено С. И. Гриневицкому, который дальше и вел газету до 1906 года» [Горький, Богданович: 469].

Гриневицкий предложил Горькому стать ведущим сотрудником газеты, что в значительной степени изменило политику издания. Итогом начавшихся перемен в редакционной политике стал тот факт, что в октябре 1901 г. Горький, став пайщиком «Нижегородского Листка», пригласил к сотрудничеству лучших русских писателей. Об этом он сообщал издателю «Знания» К. П. Пятницкому: «...С 1 октября я состою пайщиком газеты “Нижегор. Листок”. Мы купили четвером — всё хорошие люди — 60 паев в этой газете <...> Я купил 18 п., Гриневицкий 18 п., и еще двое — по 12. Но это значит, что газета наша. Рекомендую ее. Очень хорошая газета! В ней участвуют лучшие русские беллетристы: Вересаев, Чириков, Бунин, Андреев, Горький и мн. др. Факт!» [Горький 2: 185].

Осенью 1899 г. в Нижний Новгород был сослан под гласный надзор полиции бывший студент историко-филологического факультета Московского университета Алексей Васильевич Яровицкий.

Талантливый юноша, обучаясь в университете, увлекся социал-демократическими идеями; весной 1899 г. он возглавил Исполнительный

комитет московских студентов, задачей которого была подготовка и созыв Общероссийского съезда студентов. Свою работу съезд начал 20 апреля 1899 г., но на второй день его работы, т. е. 21 апреля 1899 г., всех делегатов арестовали. Поводом для обвинений против Яровицкого послужила составленная им программа съезда с политическими требованиями. После судебного разбирательства он был выслан в Нижний. Приехав в город, Яровицкий практически сразу стал одним из активнейших членов Нижегородской организации РСДРП(б), войдя в состав первого Нижегородского комитета РСДРП(б).

Оказавшись в Нижнем Новгороде, Яровицкий хотел влиться и в литературную среду демократически настроенных писателей. Для этого были все основания. Накануне своего отъезда Яровицкий отправил в редакцию журнала «Жизнь» пять очерков и статью, которую он назвал «Интеллигент-буржуа о М. Горьком». Познакомившись с Горьким, молодой человек узнал, что его очерки были отправлены для публикации в «Журнал для всех». 27 ноября 1899 г. Алексей в письме брату Сергею, студенту Петербургской Военно-медицинской академии, просил: «Сходи, пожалуйста, в редакцию Журнала для всех, постарайся увидеть Миролюбова (издателя и редактора) и скажи ему, что Горький просит переслать мою рукопись или ему или мне <...> Оказывается, что моя рукопись отослана в Журнал для всех с общего разрешения Горького, Поссе и Вересаева; но потом Горький жалел об этом решении, потому что написаны очерки несколько небрежно и не очень глубоко» [Письма: 301].

О своем знакомстве с Горьким начинающий автор подробно написал в письме от 3 декабря 1899 г. брату Сергею: «...Я отправился к нему с новой рукописью. Когда он узнал, что я — автор прочитанных им очерков, он обрадовался моему приходу, воодушевился, говорил мне об их достоинствах и недостатках и объяснил, почему счел их неподходящими для “Жизни”. Он все сдерживал свои похвалы, но потом прямо сказал мне при прощанье, что у меня талант, и что потому-то ко мне и надо относиться построже. Он просил прийти снова через день, когда он думал прочесть мои очерки» [Письма: 301].

Описывая свои впечатления от второго посещения Горького, Алексей подчеркнул, что именно Горький придумал ему псевдоним: «Я был у него; он принял меня по-прежнему очень дружественно <...> Теперь я часто буду бывать у него; он просил показывать ему написанное

мною. Очерки появятся в ближайших книжках “Жизни” за подписью “А. Корнев”. Горький думает просить, чтобы их напечатали в декабрьской книжке, так как, хотя ее уже и набирают, еще не готов рассказ самого Горького, однако его жена скептически отнеслась к этому» [Письма: 301]. Очерки Яровицкого в «Жизни» опубликованы не были. Но понравившиеся Горькому очерки «В вагоне», «В серый день», «На кладбище» и «Перерождение», доработанные и объединенные автором в цикл «Настроение», были опубликованы в «Нижегородском листке»¹. Именно по рекомендации Горького, Яровицкий начал публиковать свои очерки в «Нижегородском листке», а с 1901 г. стал штатным сотрудником газеты.

Взаимоотношения Горького и молодого автора не ограничивались только литературными интересами; зачастую и политика становилась предметом горячих обсуждений. Об этом свидетельствует письмо Яровицкого брату от 18 ноября 1900 г.: «У меня на днях был разговор с Горьким и еще одним субъектом, и мы единогласно решили: жизнь год от году становится лучше и с каждым месяцем жить интереснее. Был разговор и о современно пессимистическом направлении в литературе. Горький, между прочим, передал интересный отзыв Тимирязева: что они вопят о боге, об идеалах, и зачем вы пускаете на страницы “Жизни”, это ведь — буржуа, которые чувствуют, что надвигается что-то огромное и мощное — новая жизнь, и боятся её и потому-то вопят о боге; не давать им бога!» [Письма: 303].

Но не только споры политические объединяли слушателей в редакции «Нижегородского листка», но и литературные. Так, будущий литературовед А. А. Белозеров вспоминал о деятельности поэтического кружка 900-х гг. и жарких спорах начинающих поэтов, которые обращались за консультацией к писателю. В его воспоминаниях сохранился один эпизод, посвященный творчеству К. Бальмонта: «...Поэты ходили к М. Горькому за книгами и советами <...> М. Горький высказал еще более полно и четко свой взгляд на поэзию и поэтов. Он говорил:

---

¹ Корнев А. [Яровицкий А.] В вагоне: Очерк из цикла «Настроение» // Нижегородский листок. 1899. 23 дек.; Он же. В серый день: Очерк из цикла «Настроение» // Нижегородский листок. 1900. 19 марта; Он же. На кладбище: Очерк из цикла «Настроение» // Нижегородский листок. 1900. 3 апр.; Он же. Перерождение: Очерк из цикла «Настроение» // Нижегородский листок. 1900. 12 апр.

“Если они (поэты) поставят, прежде всего дело жизни, а с делом свяжут живыми нитями поэзию — толк выйдет. Отвлеченность дидактика — смерть для поэзии, ибо поэзия — образ, музыка, битва, все оттенки пульса жизни, но только не схоластика” <...> Когда А. М. Горький назвал Бальмонта “гениальным виртуозом формы, одним из талантливейших поэтов” и советовал “учиться у него выражать свои мысли”, Сем. Тихий возразил: “Бальмонт — поэт холодной надуманности. От его стихов веет не революционным жаром, а осенней влагой, несмотря на всю словесную красочность, яркость и звонкость стиха... Рабочих эти стихи не увлекут, не захватят... Истинный поэт должен петь не для кучки сытых и довольных, а для тысяч неправых и обездоленных...”» [Горький на родине: 294–295]. Эта ориентированность Горького на помощь в овладении культурой начинающим рабочим авторам в совокупности с его интересом к событиям политической жизни общества делали фигуру писателя привлекательной не только для легального просветительского движения, но и для руководства РСДРП¹.

19 февраля 1901 г. Горький приехал в Петербург для участия в собрании «Союза взаимопомощи русских писателей (Союза писателей)» по поводу 40-летней годовщины крестьянской реформы. Город был охвачен студенческими волнениями, т. к. 14 февраля студент П. В. Карпович смертельно ранил министра народного просвещения Н. П. Боголупова. Причиной такого шага послужил протест против так называемых «временных правил», позволяющих сдавать в солдаты студентов, которые были замешаны в беспорядках и нарушении университетского устава².

---

¹ Обращает на себя внимание тот факт, что уже в октябре 1902 г. В. И. Ленин и Н. К. Крупская просили установить прямую связь с Горьким московского представителя газеты «Искры» В. Ф. Гуревич-Коженикову (партийная кличка Наташа), которая удалось встретиться с Горьким. О результатах этой встречи можно судить по письму Крупской: «...Все, что Вы сообщаете о Горьком, очень приятно, тем более, что деньги страшно нужны <...> Попросите Горького писать для нас» [Ленин, Горький: 227].

² Другой причиной студенческих манифестаций стало обнародованное известие об отлучении Л. Н. Толстого от Русской православной церкви (см.: Определение Святейшего Синода от 20–22 февраля 1901 г., № 557, с посланием верным чадам Православной Грекороссийской Церкви о графе Льве Толстом // С.-Петербургские ведомости. 1901. № 54. 24 февр.); подробнее об этом см.: [Ореханов].

В день своего приезда в Петербург Горький попал на демонстрацию студентов, которую приурочили к 40-летию годовщины крестьянской реформы. Студенты также требовали отмены «временных правил» и амнистии для сданных в солдаты 183 товарищей. Горький писал Е. П. Пешковой: «Сейчас пришел с Невского. Была демонстрация студентов и публики, сначала народу собралось т<ысяч> 3, потом — целая лава. Движение на улице прекратилось, публика пошла до Каз<анского> собора, пели песни, говорили речи и т. д. Явилась полиция, и началось усмирение строптивых» [Горький 2: 112].

4 марта Горький вновь оказался на демонстрации студентов у Казанского собора. Главным и единственным требованием студентов была отмена навязанных министерством народного образования норм распорядка в высших учебных заведениях. Утром писатель сообщал жене: «Сейчас на Невском у Казан<ского> собора — демонстрирует публика. Вчера две фабрики забастовали, около 5000 человек. Настроение — боевое» [Горький 2: 117]. Вечером того же дня он дополнял свои впечатления: «Сейчас — 5 ч<асов> вечера, — пришел с демонстрации у Казанского собора. Началось с 12 ч. дня, продолжается до сего часа. Толпа — огромная, тысяч 12–15. Демонстрантов — 2–3 т., остальные — сочувствующая публика. Рассказывать — не могу, очень взволнован. Били нагайками в соборе и на паперти: говорят, двое убиты. Избитых — множество с той и с другой стороны» [Горький 2: 117].

В этот же день группа петербургских литераторов «Союза взаимопомощи русских писателей» подготовила протест, в котором ясно выражала свое отношение к произошедшему: «...сегодня, 4 марта, в Петербурге, около Казанского собора на глазах многотысячной толпы было произведено систематическое и, очевидно, заранее предпрешенное и обдуманное избиение беззащитных людей <...> Мы полны негодования перед подобными зверствами, имевшими недавно место, как нам известно, и в других городах. Мы полны ужаса перед будущим, которое ожидает страну, отданную в полное распоряжение кулака и нагайки. Наше негодование и наш ужас, мы уверены, разделяют наши собратья по перу, которых нет сейчас с нами, разделяет вся мыслящая часть общества, разделяют все, в ком не окончательно еще подавлены чувства человеческого достоинства и любовь к ближнему.

Мы, писатели, давно уже лишены возможности своевременным разъяснением нужд своей родины предотвращать подобные события.

Мы лишены возможности словом продуманного убеждения осветить выход из настоящего трудного положения; мы лишены возможности выполнить весь лежащий на нас долг перед родиной. Мы делаем попытку хотя бы огласить факты» [Горький 2: 118–119].

Протест подписали 43 литератора, в их числе Горький, Н. Анненский, М. Ватсон, П. Вейнберг, Г. Галина, В. Гессен, Д. А. Линева, Д. Мамин-Сибиряк, А. Пешехонов, Е. Чириков и др.

Этот гласный протест не был допущен в официальную прессу; первым изданием, посмеявшимся опубликовать его, стал «Листок рабочего дела»¹. Публикация протеста оказала влияние на последующие события: 12 марта 1901 г. по распоряжению министра внутренних дел Д. С. Сипягина «Союз взаимопомощи русских писателей» был закрыт.

Тем временем писатель до своего отъезда в Москву 8 марта 1901 г. приобрел mimeограф, по просьбе комитета РСДРП(б), которая была передана через Яровицкого.

О приобретении стало известно не только тем, кому он предназначался, но и Департаменту полиции. В телеграмме Нижегородскому жандармскому управлению директор Департамента С. Э. Зволянский сообщал: «Известный вам Алексей Пешков, он же Горький, и нижегородский житель, сотрудник журнала “Жизнь”, приятель Горького, некто Петров, приобрели здесь mimeограф для печатания воззваний к сормовским рабочим. Mimeограф отправлен 10 марта через транспортную контору в Нижний <...> Благоволите установить за получение mimeографа тщательное секретное наблюдение и, отнюдь его не арестовывая, выясните осторожно, куда будет отвезен» [Революционный путь: 51].

Приобретение mimeографа и появившиеся в Нижнем Новгороде агитационные воззвания стали причиной для многочисленных арестов. В ночь с 16-го на 17-е апреля 1901 г. были арестованы многие члены комитета РСДРП, в том числе и Яровицкий². По прямому распоряжению прокурора Нижегородского окружного суда С. Я. Утина были

---

¹ Протест петербургских литераторов 4 марта 1901 г. // Листок рабочего дела. 1901. № 7. Апрель.

² Во время ареста у Яровицкого были изъяты не только его письма, бумаги, но и оказавшийся у него рассказ Горького «Философы и мозоли», который до сего дня считается пропавшим. Об этом писатель сообщал ленинградскому литературоведу Н. В. Яковлеву 30 сентября 1934 г. [Архив А.М. Горького (Москва, ИМЛИ РАН), ПГ-рл-58-24-1].

арестованы писатели М. Горький (А. М. Пешков) и Скиталец (С. Г. Петров), о чем 18-го апреля 1901 г. в Петербург сообщал генерал В. Я. Шеманин [Революционный путь: 56].

Яровицкий из тюрьмы писал брату 8 мая 1901 г.: «...В городе страшно возмущены совершенно бессмысленными арестами и объясняют их так: было на носу первое число, талантливый прокурор сообразил, что если он произведет самые широкие аресты и обыски, то, быть может, на что-нибудь и наткнется <...> Уткин хотел создать очень крупное дело о рабочей организации, но никаких данных у него не было и нет...» [Письма: 304]. И далее Яровицкий с иронией описывал сложившуюся ситуацию: «Вместе со мной был арестован Горький <...> Спрос на сочинения и портреты Горького сразу поднялся. Здесь со всех фотографий взяли подписку в том, что они не будут продавать его карточек. Потеха!» [Письма: 304].

Ровно через месяц, 17 мая 1901 г. Горький был освобожден из тюрьмы, которую ему заменили на домашний арест, который закончился 3 июня¹. В конце мая 1901 г. был освобожден и Яровицкий, который приступил к работе корреспондента «Нижегородского листка». Встречи с писателем в редакции возобновились, о чем он сообщал своему брату: «...Горького, наконец, освободили даже их-под домашнего ареста, он был в очень скверном настроении, скучал и не мог ничего делать. Теперь пишет на всех порах» [Письма: 304].

После освобождения из тюрьмы Яровицкий на какое-то время оставил революционную борьбу, полностью погрузившись в журнальную и литературную работу. Горький внимательно следил за своим литературным крестником. Так, он писал В. А. Поссе в октябре 1901 г.: «Настроение — прекрасное и у меня и вообще. Много и толково работается. Много хорошей литературы <...> Помнишь, я тебе надоедал со стихотворениями в прозе некоего Корнева? Следи за этим псевдонимом, он будет хорошо писать» [Горький 2: 182, 183].

Многие очерки Яровицкого по своей форме аллегоричны. Начинаящий автор признавался в притягательности этого жанра своему отцу: «Фантастические рассказы часто очень удобны потому, что в них можно сказать гораздо больше, чем в рассказе реальном» [Харчев: 19].

---

¹ Подробнее об этом см.: Пятницкий К. П. Освобождение Горького из Нижегородской тюрьмы в 1901 г. [Горький на родине: 301–312].

И Горький использовал этот жанр в своем творчестве. Однако, по мнению литературоведа В. В. Харчева, «контрасты, которые так любил Горький, изображая борьбу противоположных жизненных начал (типа Сокол — Уж), у Яровицкого гораздо менее символичны и гораздо более приближены к реальности» [Харчев: 19].

В ноябре 1900 г. Горький опубликовал в «Нижегородском листке» очерк Яровицкого «Зимой», посвященный размышлениям о жизни рабочих: «Сама жизнь и повседневная борьба за существование незаметно для них самих наполнила их сердца горячей любовью к одному, ненавистью и злобой к другому, а наполнив их, дала им в слуги Разум»¹. Размышления автора подводят к мысли о том, что надо уметь слушать рабочих, т. к. «жизнь их устами лучше всего откроет свои тайны, сама научит, как надо жить»². Жизнь, по его мнению, это воплощение истины, которую можно приобрести с опытом боли: «...простые люди верят в себя, и нет той боли... смерти и отчаяния. Нет того горя, которое навсегда бы окутало их мужественные сердца черной пеленой тоски и печали, и сквозь эту пелену не ударил бы в их сердца золотой луч нового дня и не исторгнул бы из их груди радостный крик, крик смелого сердца — “жить хочу!”»³.

Спустя месяц Горький опубликовал в «Нижегородском листке» аллегорическое стихотворение в прозе «Перед лицом жизни», содержание которого позволяет сделать предположение, что темы свободы, жизни обсуждались и вылились в художественные тексты. Но учитель был жестче в своих оценках. Композиционный прием, использованный автором — противостояние героев: один просит свободы, другой требует справедливости. Они оба обращаются к Жизни. Просящему свободы она отвечает: «Свободен только тот, в чьем сердце сила есть от всех своих желаний отказаться за тем, чтобы в одно всего себя вложить. Ты понял?» [Горький 1970: 491]. И тогда герой отказывается от «борьбы с самим собой» и слышит слово правды: «Свободный, он не просит, он сам берет дары мои... А ты, ты только раб своих желаний, не более» [Горький 1979: 491].

---

¹ Яровицкий А. Зимой // Нижегородский листок. 1900. 19 ноября. С. 2.

² Там же.

³ Там же.

Требующий справедливости смог посмотреть в суровые глаза Жизни:

«— Я не прошу, а требую. — Чего? — Где справедливость? Дай ее сюда. Всё остальное после я возьму, пока нужна мне только справедливость <...> И Жизнь ему бесстрастно ответила: — Возьми» [Горький 1970: 491]¹.

О переключке тем в творчестве обоих писателей говорит следующий факт: 6 ноября 1901 г. на прощальном банкете Горький прочитал памфлет «О писателе, который зазнался (Фантазия)» [Горький 1970: 481–489]. Ученик, присутствовавший на банкете, подхватил тему и 21 декабря 1901 г. опубликовал в газете рассказ «Набат», герой которого нарушает кажущееся спокойствие города ударами колокола, бросая в лицо мещанской сытости: «Вы — великие лицемеры»². Звонарь был казнен, но ровно через год его колокол зазвучал «полный гнева <...> он бил непрестанно день и ночь, рождая ужас, пока все жители не оставили город»³.

Горькому рассказ понравился, о чем Яровицкий сообщал в письме брату 25 января 1902 г.: «Сегодня благодаря “Набату” у меня праздник. Горький от своего имени и от имени Чехова хвалит его в своем письме ко мне. На днях его прочтет Л. Толстой, и тогда Горький напишет мне о его отзыве. Чехову понравился также мой язык; он нашел, что у меня “свой язык”, хотя я временами и погрешаю против того “своего”, что есть в нем» [Письма: 306]. К сожалению, упомянутое письмо Горького к Яровицкому не сохранилось, и отзыв Толстого неизвестен.

Зато известно признание Горького: в письме Л. Н. Андрееву, датированном концом декабря 1901 г. (после публикации «Набата»): «Я считаю его очень талантливым...» [Горький 2: 231].

Насколько высоко ценил Алексей Максимович талант Яровицкого, можно судить по дарственной надписи на фотографии, подаренной своему ученику: «Без сомнения, с полной уверенностью пишу: будущему крупному писателю Алексею Васильевичу Яровицкому. М. Горький с уважением и любовью. Ноябрь 7-го 1901» [Блохина, Либединская: 129].

---

¹ Отметим, что аллегорическая форма позволила этому тексту, насыщенному революционным содержанием, дважды пройти через цензуру (подробнее см. [Горький 1970: 562].

² Яровицкий А. Набат // Нижегородский листок. 1901. 21 дек. С. 2.

³ Там же.

Планы у обоих были грандиозные: после премьеры «На дне» в Художественном театре Горький предлагал Яровицкому написать одноактную пьесу для постановки.

В мае 1903 г. Яровицкий сообщал отцу: «Я написал сравнительно большую вещь — “Сказки”. Горькому очень понравилась эта вещь; нашел ее “значительной и истинно революционной”. Будет она напечатана в сентябрьской или октябрьской книжке “Мира Божьего”. Он говорил даже о том, чтобы выпустить отдельной книгой “Знанию» [Письма: 308].

Но все замыслы и проекты не были реализованы: 22 ноября 1903 г. Яровицкий умер от брюшного тифа в возрасте 27 лет¹. В день похорон 24 ноября на могилу собрата по перу был возложен траурный венок с надписью: «Дорогому товарищу от Алексея Пешкова — М. Горького» [Летопись: 455].

В биографии Максима Горького А. В. Яровицкий занимает особое место. Нельзя сказать, что он был первым в череде учеников, ещё раньше к писателю обращались С. Садовский, И. Рукавишников. Первые «учительские» письма, написанные Горьким в конце 1890-х гг. наполнены литературным анализом и могут быть охарактеризованы как «эссе-рецензия». А вот с Яровицким, судя по его переписке с близкими (напомним, письма Горького не сохранились), отношения были глубже и вышли на иной уровень: от ученика к другу и собрату по перу. Многие оценки Яровицкого совпадают с мнением Горького, некоторые — не совпадают (например, отношение к рассказу Л. Андреева «Мысль»). Но разница в том, что Горький был художником, а Яровицкий — социологом и критиком. Это не мешало, а только обогащало их обоих, т. к. ценность наставничества и состоит в том, чтобы не только учитель учил ученика, но и ученик становился учителем.

---

¹ Горький хотел собрать стихи, рассказы, статьи А. В. Яровицкого и издать их отдельной книгой. В Архиве Горького хранится часть собранного им, однако замысел так и не был воплощен в жизнь. Образ друга и первого ученика Горький воплотил в эпопее «Жизнь Клим Самгина»: революционер Корнев, сотрудник провинциальной газеты и активный член местной социал-демократической организации, беззаветно предан революции; и точно так же, как и прототип, слишком рано уходит из жизни.

Список литературы

Источники

В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма. Воспоминания. Документы / ред. Б. А. Бялик, С. С. Зимина, Н. И. Крутикова, А. А. Соловьев. М.: Наука, 1969. 634 с.

Горький М. История русской литературы. М.: Гослитиздат, 1939. 340 с.

Горький М. Очерки и рассказы: в 2 т. СПб.: Изд-во Чарушникова и Дороватовского, 1898.

Горький М. Полн. собр. соч. Письма: в 24 т. М.: Наука, 1997–2022. Т. 1–22.

Горький М. Полн. собр. соч. Сочинения: в 25 т. М.: Наука, 1970. Т. 5: «Трое». Рассказы. Наброски. 1899–1901. 568 с.

Куприянова Н. Один из первых (А. В. Яровицкий) // Солдаты ленинской гвардии: очерки об участниках революционного движения в Нижегородской губернии. Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1982. Кн. 3. С. 225–234.

Летопись жизни и творчества А. М. Горького: в 4 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. 1. 1868–1907. 7034 с.

М. Горький в воспоминаниях современников: в 2 т. М.: Худож. лит., 1981. Т. 1. 445 с.

М. Горький и А. Богданович: Дружба, рожденная на берегах Волги. Переписка. Воспоминания. Архивные публикации. Исследования. К 150-летию А.М. Горького / отв. ред. Д.С. Московская. М.: Пресс-Меню, 2018. 648 с.

М. Горький на родине. Сборник воспоминаний о жизни М. Горького в Нижнем Новгороде. Горький: Обл. изд-во, 1937. 344 с.

Михайловский Н. К. О г. Максиме Горьком и его героях // Русское богатство. 1898. № 9. С. 55–75.

Нечаев И. Л. Тридцать лет: Очерки по истории Нижегородской организации ВКП(б). 1891–1901–1931 / под ред. А. Преображенского; Истпарт Нижегородского крайкома ВКП(б). Н. Новгород: ОГИЗ, 1931. 352 с.

Письма А. В. Яровицкого об А. М. Горьком (1899–1903 гг.) / публ. Л. М. Фарбера // Ученые записки Горьковского государственного педагогического института им. М. Горького. Горьковский сборник (К 100-летию со дня рождения М. Горького). Горький: [Б. и.], 1968. Вып. 110. Серия филологических наук. С. 300–309.

Революционный путь Горького: По материалам Департамента полиции / предисл. Ем. Ярославский. М.; Л.: ГИХЛ, 1933. 144 с.

Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде. 1899–1904. Очерк жизни и творчества. Горький: Горьковское кн. изд-во, 1957. 208 с.

Исследования

Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>

Блохина В., Либединская Л. М. Горький в родном городе. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1976. 192 с.

Захарова В. Т., Уртминцева М.Г. Нижегородский период в жизни и творчестве М. Горького: пути становления художественного сознания // Новый филологический вестник. 2018. № 2 (45). С. 138–153.

Ореханов Г. Лев Толстой. «Пророк без чести»: Хроника катастрофы. М.: Эксмо, 2016. 608 с.

Петрова М. Г. Неизвестный цикл фельетонов Горького: История находки и проблемы атрибуции // Горький и его эпоха. Исследования и материалы. М.: Наука, 1989. Вып. 1. С. 63–77.

Харчев В. В. Наставник нижегородцев: М. Горький и писатели родного края. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1983. 144 с.

References

Andreeva, V. G. “‘Liubeznyi drug... ne serdis’ za otkrovennost’!’: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina” [“‘Dear Friend... Do not Be Angry for Frankness!’: Correspondence of L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 1, 2023, pp. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83> (In Russ.)

Blokhina, V., and L. Libedinskaia. *M. Gor’kii v rodnom gorode* [*M. Gorky in His Hometown*]. Gorky, Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1976. 192 p. (In Russ.)

Zakharova, V. T., and M. G. Urtmintseva. “Nizhegorodskii period v zhizni i tvorchestve M. Gor’kogo: puti stanovleniia khudozhestvennogo soznaniia” [“Nizhny Novgorod Period in M. Gorky’s Life and Creativity: Ways of Formation of Artistic Consciousness”]. *Novyi filologicheskii vestnik*, no. 2 (45), 2018, pp. 138–153. (In Russ.)

Orekhanov, G. *Lev Tolstoi. “Prorok bez chesti”*: *Khronika katastrofy* [*Leo Tolstoy. “A Prophet Without Honor”: Chronicle of the Disaster*]. Moscow, Eksmo Publ., 2016. 608 p. (In Russ.)

Petrova, M. G. “Neizvestnyi tsikl fel’etonov Gor’kogo: Istoriia nakhodki i problemy atributsii” [“The Unknown Cycle of Gorky’s Feuilletons: The History of the Discovery and the Problems of Attribution”]. *Gor’kii i ego epokha. Issledovaniia i materialy* [*Gorky and His Era. Research and Materials*], vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1989, pp. 63–77. (In Russ.)

Kharchev, V. V. *Nastavnik nizhegorodtsev: M. Gor’kii i pisateli rodnogo kraia* [*Mentor of Nizhny Novgorod Residents: M. Gorky and the Writers of His Native Land*]. Gorky, Volgo-Viatskoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1983. 144 p. (In Russ.)

© 2023. И. А. Киселева, К. А. Поташова

Государственный университет просвещения
г. Москва, Россия

Неизвестная рукопись А. А. Вельяминова

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-28-00025 «Россия и Кавказ в художественной историософии
М. Ю. Лермонтова»*

Аннотация: В научный оборот вводится не становящаяся ранее предметом изучения рукопись А. А. Вельяминова. В статье дано описание рукописи, высказана гипотеза о завершённом характере труда. Ценность рукописи видится в реконструкции истории Кавказа от доисторических времен до 1830-х гг. Рукопись построена проблемно-хронологически, в работе анализируются ее ключевые мотивы. Акцентируется возможность влияния А. А. Вельяминова на М. Ю. Лермонтова, который проходил службу под его началом. Рукопись снабжена примечаниями, поясняющими отдельные лексемы, связанные с кавказскими реалиями.

Ключевые слова: Кавказ, А. А. Вельяминов, М. Ю. Лермонтов, государственность, кавказский вопрос, публицистика, мотивы, реконструкция.

Информация об авторах: Ирина Александровна Киселева, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Государственный университет просвещения, ул. Фридриха Энгельса, д. 21 а, 105005 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-0035>

E-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Ксения Алексеевна Поташова, кандидат филологических наук, доцент, Государственный университет просвещения, ул. Фридриха Энгельса, д. 21 а, 105005 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>

E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 28.09.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 24.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Киселева И. А., Поташова К. А. Неизвестная рукопись А. А. Вельяминова // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 76–99. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-76-99>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 76–99. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 76–99. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. Irina A. Kiseleva, Ksenia A. Potashova

State University of Education

Moscow, Russia

Unknown Manuscript by A. A. Velyaminov

Acknowledgments: This work was carried out with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 22-28-00025 “Russia and the Caucasus in the artistic historiography of M. Yu. Lermontov.”

Abstract: The article introduces into scientific circulation A. A. Velyaminov’s manuscript, which had not previously become the subject of scholars’ attention. The author of the article gives a description of the manuscript and puts forward a hypothesis about the completed nature of the work. The value of the manuscript lies in the reconstruction of the history of the Caucasus from prehistoric times to the 1830s. The manuscript is structured within problem and chronological methods. The article analyzes its key motifs and emphasizes the possibility of influence of A. A. Velyaminov on M. Yu. Lermontov, who served under his command. The manuscript is provided with notes explaining individual lexemes associated with Caucasian realities.

Keywords: Caucasus, A. A. Velyaminov, M. Yu. Lermontov, statehood, Caucasian issue, journalism, motifs, reconstruction.

Information about the authors: Irina A. Kiseleva, DSc in Philology, Professor, Head of the Department of Russian and Foreign Literature, State University of Education, 21 a Friedrich Engels St., 105005 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9629-0035>

E-mail: ia.kiseleva@mgou.ru

Ksenia A. Potashova, PhD in Philology, Associate Professor, State University of Education, 21 a Friedrich Engels St., 105005 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-0164-0371>

E-mail: kseniaslovo@yandex.ru

Received: September 28, 2023

Approved after reviewing: October 24, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Kiseleva, I. A., Potashova, K. A. “Unknown Manuscript by A. A. Velyaminov.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 76–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-76-99>

Особое значение для понимания формирования русским обществом взглядов на «кавказский вопрос» в 1830-е гг. и для самой реконструкций настроений того времени имеет хранящаяся в Российской государственной библиотеке рукопись генерала Алексея Александровича Вельяминова «История Кавказа. Очерк. Начало. 1830-е гг.». Создание рукописи совпадает со временем наибольшего интереса в литературе к кавказской теме, которая активно получает свои образные трансформации в творчестве А. И. Полежаева, А. А. Бестужева-Марлинского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова. Будучи ближайшим соратником легендарного генерала А. П. Ермолова, его «любимцем <...>, имевшим счастье пользоваться его доверием»¹, начальником его штаба на Кавказе, а затем командующим Кавказской Линией и Черноморией, А. А. Вельяминов имел особый авторитет в военной среде. Именно под началом генерала А. А. Вельяминова попадает в Закубанскую военную экспедицию Лермонтов, получивший в 1837 г. назначение на Кавказ: «Эскадрон нашего полка, к которому барон Розен велел меня причислить, будет находиться в Анапе, на берегу Черного моря при встрече государя, тут же, где отряд Вельяминова» [Лермонтов 1954–1957. 6: 439]. Известно также о дружбе опекуна Лермонтова А. А. Столыпина с генералом А. А. Вельяминовым, а также факты его общения с родственниками поэта — П. И. Петровым, возглавлявшим штаб по подготовке приезда Императора Николая I на Кавказ, и А. А. Хастатовым, служившем в отряде генерала [Михайлова 1941: 674]. Однако несмотря на многие биографические их пересечения, отдельных воспоминаний о генерале поэт не оставил, хотя и есть предположение об отражении личности генерала в образе опытного военного в стихотворении «Бородино» [Попов 1954], что

---

¹ Мамышев В. Н. Вельяминов А. А. Биография его. Материалы к биографическим работам. [Рукопись]. [Б. м.], 1870. ОР РНБ. Ф. 608. Ед. хр. 2912. Л. 1.

тем более обуславливает исследовательский интерес к публицистике А. А. Вельяминова.

Русский офицер и писатель Ф. Ф. Торнау, отличающийся «цепким глазом и аналитическим мышлением разведчика» [Авидзба 2020: 12] в «Воспоминаниях кавказского офицера» представил развернутый портрет генерала А. А. Вельяминова, ставшего для него и многих других воинов наставником. В своих воспоминаниях Ф. Ф. Торнау сумел психологически точно представить масштаб личности генерала, обращая внимание на всю присущую ему широту натуры. Ф. Ф. Торнау характеризует генерала как человека, отличающего «душевной внимательностью», «обширным умом», прямоотой («не кривил душой, никому не льстил, правду высказывал без обиняков» [Торнау 2008: 102]), и опытного полководца с «ничем не помраченной репутацией» [Торнау 2008: 103]. Показательны для представления образа генерала слова Ф. Ф. Торнау о его деятельности в среде горцев, которые «боялись его гнева как огня, но верили слову и безотчетно полагались на его справедливость» [Торнау 2008: 103]. Пишет Ф. Ф. Торнау и о грамотной командной тактике генерала, отвергавшего как «оборонительную систему», так и «усиленные наступательные операции и набеги», взамен которым он предлагал «медленно подвигаясь вперед, утверждаться не одною силою оружия, но основательными административными мерами» [Торнау 2008: 103]. Отмечая причины популярности А. А. Вельяминова, офицер акцентирует успешность ведения им военных действий («ходил с небольшим отрядом обращать в покорность горцев <...>, в чем и успел без большого труда и кровопролития» [Торнау 2008: 101]), бытовую сторону его поведения в походах («огонь, у которого он молча принялся греть руки, это была его постоянная привычка» [Торнау 2008: 113]), простоту солдатской жизни в истинно суворовской традиции и отеческую заботу о каждом своем солдате («со свойственным ему терпением не сошел с места, пока последний человек не перешел на другую сторону» [Торнау 2008: 114], «завел себе в удовольствие вкусно кормить офицеров» [Торнау 2008: 115]). С присущей для своих мемуаров художественностью и вниманием к деталям, Ф. Ф. Торнау сумел создать живой портрет генерала, повлиявшего на формирование русского кавказца — особого типа военного, «государственного человека», преданного «принципу долга и чести» [Торнау 2008: 116], «который служит при А. П. Ермолове, хорошо знает быт и нравы Кавказа»

[Киселева 2019: 269]. Не раз Ф. Ф. Торнау в образе генерала акцентирует его «умственные воззрения», оценить которые возможно не только по приведенным офицером выдержкам из переписки генерала с военным министром А. И. Чернышевым, хранящейся в Ставропольском штабном архиве, но и по его публицистическому наследию. Если военные сочинения А. А. Вельяминова были опубликованы в 1883 г. в «Кавказском сборнике» с примечаниями неизвестного автора [Н. Ш.], то его очерк «История Кавказа» не публиковался. Вместе с тем, для понимания «нетипичной» Кавказской войны, не знающей как таковой линии фронта, генеральных сражений и первоначально имеющей «идейную подоплеку» [Дегоев: 75], это сочинение важно как публицистический источник, обозревающий на значительном фактографическом материале многовековую историю столкновений на восточных рубежах христианского мира с магометанским учением. Очерк А. А. Вельяминова представляет целостное осмысление кавказского вопроса от доисторических времен, «лавирование между Сефевидами, Османами, Гиреями» [Трепалов: 254] до вступления в российское подданство. Принимая во внимание то уважение, каким пользовался генерал у русских кавказцев, это сочинение демонстрирует круг идей, бытовавших среди участников военных кампаний 1830-х гг.

Обозначенное в Фонде 178 «Музейное собрание» под названием «История Кавказа. Очерк. Начало. 1830-е гг.»¹ сочинение Вельяминова поступило в отдел рукописей Российской государственной библиотеки в 1938 г. Из карандашной пометы, сделанной на листе 1 в правом верхнем углу, следует, что документ был обнаружен в бумагах из Костромской усадьбы Вельяминова. Согласно описи фонда, очерк был обнаружен и передан военным юристом, журналистом, генерал-майором В. А. Апушкиным, уроженцем Костромской губернии. Приложенный к рукописи лист использования указывает, что ранее очерк Вельяминова не привлекал внимания исследователей, что, по-видимому, объясняется самим характером данного сочинения: исторический обзор Кавказской войны, составленный генералом, оказался вторичным. Очерк, ставящий в центр проблему взаимодействия христианского и мусульманского мира, акцентирующий идею защиты «пограничных областей в интересах православной государственности» [Киселева 2022: 98], по-

---

¹ Вельяминов А. А. История Кавказа [Рукопись]: очерк, начало: [Б. м.], 1830-е. 10 [1 ч.] л. НИОР РГБ. Ф. 178.1. К. 11148. Ед. хр. 10.

зволяет раскрыть особенности восприятия русско-кавказского диалога в 1830 г., выявить идейные доминанты приходящихся на это время размышлений над причинами обострения отношений между Россией и Кавказом.

Рукопись Вельяминова помещена в картонную папку, надписи на которой отражают основную информацию о ее поступлении и хранении. Рукопись можно определить как авторскую сводку, перебеленный черновик, который содержит небольшую правку. Написанный орешковыми чернилами, очерк представлен на 10 листах, собранных путем сложения пополам 5 широкоформатных листов и сшитых по центру нитью, нить протянута между листами 5-оборот и 6. Лист рукописи — 21,5 см. в ширину и 35 см. в высоту. На каждом листе карандашом прочерчены поля, которые соблюдаются автором при написании очерка, отметки на полях отсутствуют, по всему тексту соблюдаются абзацные отступы, также карандашом сделана нумерация. Рукопись заканчивается на листе 9, листы 9-оборот, 10, 10-оборот остались пустыми и не содержат никаких графических знаков. Размер строчных букв — 5 мм., почерк скорый, разборчивый и тождественный почерку на иных атрибутированных документах, написанных рукой Вельяминова. Сложность в расшифровке представляют записи на листе 5-оборот в связи с содержащейся большой кляксой, просвечивающейся и на предыдущем листе. Небольшие правки носят стилистический характер — вставки, зачеркивания, исправления, графические знаки изменений мест отдельных слов. Для вставок используется привычное графическое обозначение в форме карандашной галки, также для пояснений и уточнений Вельяминов использует систему круглых и квадратных скобок, цифровые обозначения (цифры 1 и 2) для обозначения перемены местами слов, сноски в рукописи не используются. Иных графических знаков, связанных с художественным оформлением, рукопись не содержит.

Согласно описи фонда и информации на сопроводительной справке, рукопись датируется 1830-ми гг., однако, внимание к фактам, которыми заканчивается очерк, позволяет уточнить время работы Вельяминова над очерком. Последний датированный факт отражен автором на листе 8 и связан с деятельностью генерала А. П. Ермолова на Кавказе: «12 Июня 1830 года окончательно усмирило Дагестан»¹, упомя-

---

¹ Там же. Л. 8.

нутые далее события относятся к нескольким годам ранее — это Русско-персидская (1826–1828) и Русско-турецкая (1828–1829) войны, взятие Ахалцихской и Эриванской крепостей (1828). Подобное нарушение хронологии объясняется обобщающим характером заключения, является своего рода ретроспективой, подтверждением тому, как отличились русские войска «в делах против горцев» и какая «великая деятельность» прилась на конец 1820-х гг¹. Внимание Вельяминова обращено и к генералу И. Ф. Паскевичу: «По окончании Турецкой войны, Главнокомандовавший Кавказским наступлением Генерал-Адъютант граф Паскевич Эриванский, с удвоенною деятельностью приступил к водворению тишины и порядка между Кавказскими жителями»². Примечательно, что 25 сентября 1829 г. И. Ф. Паскевичу было присвоено Императором высшее воинское звание фельдмаршала, тогда как Вельяминов называет его генералом-адъютантом [Щербатов: 232]. Вельяминов, разбиравшийся в воинских чинах и лично знавший Паскевича, ценившего своего подчиненного «за обширные военные и знания местных условий края» [Н. Ш.: 3], не мог ошибиться в звании: он называет И. Ф. Паскевича тем воинским чином, в котором генерал только приступил к делу усмирения горцев и управлению Кавказом. Пребывание И. Ф. Паскевича на Кавказе было недолгим, с 1831 г. главнокомандующим Кавказским корпусом был назначен Г. В. Розен, который в «Истории Кавказа» Вельяминова не упомянут. Не упомянута также и следующая фаза Кавказской войны, наметившаяся в 1831 г. борьбой с Кази-муллой в Дагестане. Принимая во внимание все эти детали, следует датировать очерк Вельяминова серединой-концом 1830 г.

Заголовок очерка — «История Кавказа» — дан самим автором, о чем свидетельствует соответствующая запись в верхней части первого листа, заголовок графически выделен буквами большего размера и каллиграфического начертания, от основного текста эта фраза отделена пробелом. Логическое завершение размышлений об истории Кавказа, содержащееся на листе 9, позволяет внести уточнение в атрибуцию рукописи, касающееся жанровой принадлежности текста и характера повествования: «История Кавказа. Очерк. Начало». Если с обозначенной жанровой принадлежностью можно согласиться: представленные размышления сохраняют необходимые для очерка публицистичность,

---

¹ Там же. Л. 8 – 8 об.

² Там же. Л. 8 об.

отрывочность, сжатость и локальность, то вынесенный в атрибутированное название характер повествования — «начало» — вызывает сомнение.

Повествование Вельяминова имеет законченный характер, что очевидно как при анализе его формы, четкой композиции, структурной законченности, так и при логико-смысловом рассмотрении содержания. О законченности очерка говорит также использование автором напутствия в качестве окончания размышлений: «Такие самые дела и продолжают делать его приемники»¹. Кроме того, заявленная Вельяминовым в названии установка на представление «истории Кавказа» в полной мере реализована: автором собраны в живое изображение факты прошлого, выявлены их смыслы и причинно-следственные связи, историческое повествование доведено до логического настоящего, той точки, в которой находился сам автор, что представляется вполне доказательным.

Вельяминов А. А. «История Кавказа»²

О происхождении туземных первобытных жителей Кавказа не существует никаких достоверных исторических известий. По всей вероятности, первоначальные поселения там относятся ко временам неисторическим; но само географическое положение страны той, составляющей как бы переход из Азии в Европу, наводит на ту мысль, что все народы, из которых состоит столь разнородное в этнографическом и лингвистическом отношении население есть не что иное, как остатки, сохранившиеся от проходивших там многочисленных разнородных племенных народов.

Первые исторические народы, которые проникли на Кавказ и познакомились с жителями его, были персы и греки. Персы в блистательное царствование баснословного Кира³, распространили власть свою

---

¹ Там же. Л. 10.

² Очерк А. А. Вельяминова представлен в современной орфографии, с сохранением авторской пунктуации.

³ Кир II Великий (600–530 гг. до н. э.) — основатель Персидской Империи, охватившей все предшествующие государства Древнего Востока.

к северу между отрогами¹ Кавказа и Каспийским морем. Греческие племена, следуя по пути, указанному аргонавтами, населяли восточные берега Черного моря и вступили в тесные торговые отношения с кавказскими народами. Сюда стекались товары из самых отдаленных стран [дары Индии через Каспийское море] и приходили каспийские народы: заки (адиге), аксяне, жители нынешней Абхазии, сваны (сванеты)², колхи, севшие по бассейну Фазиса (нынешняго Риона)³, иверы (населявшие долину Куры, Арагвы, и другие).

Современному распространению греко-персидского влияния на Кавказе, с противоположной стороны, приблизились к нему массагеты⁴, саки⁵ и другие, вероятно, татарские и финские племена. Победы Александра Македонского принесли решительный перевес на Кавказе греков. Действия его в той стороне так затемнены баснословиями, что нельзя отметить с достоверностью, как далеко именно простер он успехи своего оружия; но самое существование глубоко врезавшихся в памяти потомства народных сказаний о подвигах его, показывает, что они были громки и поразительны. Государства, образовавшиеся из развалин Александровой Монархии, приняли мало-помалу азиатскую физиономию, с тем вместе уничтожались и следы греческого влияния в покоренных странах и на Кавказе. Место греков должны были занять, как указывает история, римляне.

В самую счастливую эпоху их оружия, когда победы над Митридатом⁶ наводили трепет на всю историческую Азию, Римские знамена развевались и при Кавказских землях. Помпей⁷, покоривший царство Понтийское, предпринял поход через Колхиду, которой жители нахо-

---

¹ Отроги — короткий и узкий горный хребет, отходящий от центральной горной цепи.

² Сванеты — этническая подгруппа грузин, населяющая северо-западную часть Грузии.

³ Риони — река в Грузии, главная на ее западной территории, одна из самых полноводных в Закавказье

⁴ Масагеты — античное именование древнего кочевого ираноязычного народа, населяющего Скифию.

⁵ Саки — древние ираноязычные племена Средней Азии.

⁶ Митридат VI Евпатор (1326–3 гг. до н. э.) — правитель Понта, известный как «Царь Азии».

⁷ Гней Помпей Великий (106–48 гг. до н.э.) — государственный деятель Римской Республики, генерал.

дились в союзе с Митридатом. Он перешел реку Каррос (Куру), чтоб проникнуть до берегов Каспийского моря, разбил иверов и албанцев¹, но, по неприступности мест, должен был отказаться от дальнейшего движения. В царствование Тиверия² покорены были цари Колхиды и Иверии; с этих пор римляне вступили в столкновение с персиянами и началась борьба, успешная что для одной, что для другой стороны.

Наступила эпоха вторжения варваров: к северной стороне хребта прикочевали алане; готы распространялись мало-помалу от моря Балтийского к Азовскому, поглотили алан и начали господствовать на берегах понта Эвксинского³. Гонимые гуннами массагеты, хазары и остатки аланов проникли на Кавказ и заняли земли по нижнему Тереку и в северном Дагестане, откуда проводили нападения на Армению. Алане или ассы⁴ разделились на две части; одна из них бросилась в Западную Европу, а другая заняла центр Кавказа, около вершин Эльбруса и теснины Дарьяльской. В исходе IV столетия от Р.Х. на северном склоне хребта являются гунны.

Во времена распространения христианской веры по Азии, Кавказ не остался чуждым этому религиозному перевороту, а равно и ересям, которые были так многочисленны и так сильны при начале христианства. Кавказские народы не восприняли его в чистоте, истинное учение утвердилось только в Колхиде, Абхазии и ближних странах. Сильными противниками новой веры явились последователи древнего зороастрийского учения – саметиды. Они воздвигнули гонения на кавказских христиан, особенно распространили влияние свое на народы, жившие около Черного моря, предполагая действовать оттуда против Византийской Империи.

В седьмом веке наступило для всей исторической Азии время страшных переворотов от введения мусульманской религии. Арави-

---

¹ Албанцы (албаны) — обобщенное именование племен, населявших древнее царство Кавказской Албании (территория вокруг куры до каспийского моря) и говоривших на языках лезгинской ветви нахско-дагестанской семьи языков.

² Тиберий Юлий Цезарь Август (42 г. до н. э. – 37 г. н. э.) — правитель Римской Империи.

³ Черное море.

⁴ Ассы — предки алан, населявшие степи от Прикаспия до Сырдарьи, к тому этнониму восходит древнерусское именование осетин «ясы».

тяне, овладев Арменией, приблизились к Кавказу, которого главные теснины были заняты последними. Однако калифы, руководимые осмотрительною хитростью, позволяли исповедовать христианскую веру и старались приклонить их к принятию исламизма только выгодами, которые предоставлялись новообразованным мусульманам. Попытка их не совсем удачная в Армении и в землях прибрежных Черному морю, в Абхазии и Колхиде, в Иверии. Между тем Кавказские земли не оставались спокойными владениями для аравитян¹; в 8 веке хазары опустошили Армению и Азербайджан; но аравитяне изгнали из Дагестана хазар, которых дружина вскоре была разрушена дружинами славянскими. Места хазар занимает народ, прикочевавший к северо-востоку Кавказа, узы или гузы². В 11 столетии племя картвелов, которое мы знаем под именем грузинского, сходит с гор Кавказских и, покорив ассов и адигов, вводит между ними христианскую религию. Царь их Давид IV³ взял Тифлис и далеко распространил свои завоевания.

Сильный удар могуществу картвелов нанесен был вторжением монголо-татар. После разорения Персии они пришли через Кавказ под предводительством Джебе и Субутая⁴, полководцев Чингиз-хана. Происходившие с тех пор приливы и отливы татарских орд изменили вид кавказских стран и произвели перемены в их народонаполнении: наполнили его многочисленными татарами. Преобладание татар на Кавказе утверждено было еще более походами Тимур-Менга⁵.

Кавказ был центром боев между этим завоевателем и Тохтамыш-ханом Золотой Орды; битва, в которой был разбит Тохтамыш Тимуром,

---

¹ Аравитяне — жители Аравии, известные как «сыны востока».

² Имеются ввиду тюрки-огузы — тюркский народ, состоящий из 24 племен, населявших до XI в. Среднюю Азию.

³ Давид IV Строитель, или Давид Великий (1073–1125) — грузинский правитель, сумевший взять под контроль Грузии значительную часть Кавказа, известен как распространитель христианской веры, канонизирован Грузинской Православной Церковью.

⁴ Джебе (Джэбэ-нойон, Чжебе) — военный полководец Чингисхана. Субутай — генерал и военный стратег при Чингисхане, известный как один из величайших военачальников в мировой истории.

⁵ Тимур Менг (Менгу-Тимур, Мангутемир) — хан Золотой Орды, сделавший ее независимой от Монгольской империи.

происходила при реке Терек¹. В это же время разорены монголо-татарами черкесские владения по северной стороне Кавказа. Посреди сих кровопролитных переворотов и беспорядков уничтожались все первые начала православия на Кавказе, была уничтожена христианская религия; не поддержанная Византийской Империей, которая тогда же была покорена турками.

Вообще в 15 веке наступает совершенно новая эпоха для жителей этой страны. Она становится яблоком раздора между двумя новообразованными могущественными державами, Персией и Турцией. Персию представляла династия Сефевидов², распространяющая свои завоевания по Каспийскому морю и проникшая в отдаленный Дагестан; турки, напирая с Черного моря, овладели восточными частями его; земли, прилежавшие к средней части Кавказского Хребта, не имея постоянных властелинов, переходили попеременно из-под зависимости Персии под владычество Турции и обратно. В таком положении находилась Кавказия³, когда Московское княжество, свергнув с России иго татарское, и возвеличив имя Русское в умах соседних народов, вызвано было и обстоятельствами, и желанием закавказских христиан принять участие в судьбе этой страны.

В 16 столетии от Р.Х. начались по Каспийскому морю торговые сношения России с прилегающими к нему владениями, и колонии русских промышленников процветали в ханстве Ширванском⁴ на острове Сальяне⁵. Господствуя на всем течении Волги, Россия овладела устьями Терека и Койсу. При Иоанне Грозном покорен власти Русского Правительства Шамхал Тарковский. При сыне его Федоре Иоанновиче, воево-

---

¹ Речь идет о битве на р. Терек, которая состоялась 15 апреля 1395 г. между войсками Тамерлана и хана Тохтамыша, самое крупное воинское сражение XIV в., в результате которого Золотая Орда утратила свое могущество.

² Сефевиды — иранская династия.

³ Кавказия — не закрепленный в словарях топоним, образованный по аналогии с наименованиями государств (Россия, Грузия, Армения и др.) и обозначающий территорию Кавказа.

⁴ Ширванское ханство — феодальное государство в Закавказье, современный Азербайджан.

⁵ Сальян — остров на реке Кура, через который доставлялись товары из Персии.

ды Засекин и Хворостин¹, одержали новые победы над Дагестанскими народами; в 1604 году русские войска совершили поход в Кумыкскую землю, претерпели там неудачи единственно от измены некоторых горских народов, подстрекаемых турками. В ту же самую эпоху Кубанские племена: адиге и пятигорские черкесы прибегают к покровительству России.

Внимание Российского Правительства отвлечено было на несколько времени от Кавказа политическими потрясениями, которые последовали по случаю прекращения династии Рюриковичей и продлились до восшествия на престол дома Романовых. Несмотря на то, многие жители Кавказской страны продолжали смотреть на Россию как на самую надежную для себя покровительницу. Еще в 1548 году Александр II², царь Кахетинский присягнул на вечное подданство России. Черкесы и пятигорские кабардинцы жили на Тереке в добром согласии с поселившимися там Казаками, но кубанские племена начали отходить от подданства России. Между тем турки возвели владычество свое на берегах Черного моря, построением Анапы и других крепостей возымели сильное влияние на Кубани, проповедовали там магометанскую религию и стали покровительствовать торговле невольниками, которые отказывались вступить в связи с горскими народами, сбывавшими ей пленных неприятелей.

Влияние Персии недолго было сильно при Сефевидах. Преемники Аббаса Великого³ не успели поддержать славы и могущества, которые Государь этот доставил Персии; подчиненные ей туземные владетели сделались почти совершенно независимыми.

Между тем горцы начали усиливать набеги свои на соседние земли: особенно отличались грабительствами лезгины, которые захватывали иногда людей в плен под стенами Тифлиса. Султан Аварский, Усмей Кара-Кайдацкий⁴, Кадий Тиболкаранский⁵ и Султан Кази-

---

¹ Засекин Григорий Осипович (Зубок) — первый воевода городов-крепостей на Волге.

² Александр II (1527–1605) — царь Кахетии, был ориентирован на союз с Российским царством.

³ Аббас I Великий (1671–1629) — шах из династии Сефивидов, превративший Сефидскую Империю в могущественную державу.

⁴ Усмей — военачальник, повелитель. Каракайдаг — феодальное государство в Дагестане, существовавшее с V в. по XIX в.

⁵ Кадий — судья-чиновник, вершитель правосудия.

Кумыкский¹ так производили набеги в Грузии, в ханствах Дагестанских и владениях Шамхала. Торговля невольниками числилась на целом Кавказе. Сперва продаваемы были одни только иноверцы, а потом ввелся у горских племен обычай захватывать пленников друг у друга. Иногда даже отцы продавали в неволю своих детей, отчасти движимые корыстолюбием, отчасти ободренные на это дело слухами о блестящей участи, которую некоторые из проданных в неволю горцев имели в чужих странах, как например, в Египте, где знаменитое войско мамлюков² составлено было из невольников, покупаемых на Кавказе.

Это непомерное распространение торговли невольниками решило участь христианских народов. Кроме притеснений со стороны турок и персов, которым продолжали они непрестанно подвергаться, закавказские христиане подвергались еще и давлению горцев. Это заставило их с большею самостоятельностью обратиться к Российскому двору со своими просьбами о помощи. Еще с первой половины 17 столетия владетели Мингрелии, Грузии и Имеретии, один за другим, предлагали России свою подданство. Но только при Петре Великом начало Российское правительство принимать решительные меры к утверждению своего влияния на Кавказе, где в это время с упадком династии Сефидов, готовились важные перемены.

Переворот, произошедший в Персии в начале осмнадцатого столетия афганцами, имел влияние на Кавказские земли. Османская Порта не пропустила случая воспользоваться бедственным состоянием соседней державы и поспешила взять Грузию и Ширванские ханства. Российское правительство не смогло оставаться зрителем бездейственным. Сверх этого Петр Великий, глубоко понимавший и назначение России, и средства, которыми она обладает, начал уже обращать свое внимание на Каспийское море, от которого ждал столь много торговых выгод для своего государства.

---

¹ Казикумухское ханство — феодальное государство, возникшее на территории Дагестана после распада Шамхальства на рубеже XVI–XVII вв.

² Мамлюки — египетское войско, состоящее из юношей-рабов тюркского происхождения.

Вняв просьбам Арчила, царя Кахетии¹, и Картлийского царя Вахтанга², Петр Великий собрал в поход тридцатитысячную армию. Действия его увенчались благоприятным успехом. Западный и Южный берега Каспийского моря до Астрабада³ были заняты Российскими войсками. Власть России в этих землях утверждена была силою договоров с Персией и Турцией 1723 и 1724 <годов> — по которым Джават⁴ при устье Аракса признан точкою соприкосновения трех государств: России, Персии и Турции. Петр Великий понимал трудности удержания этой страны в совершенном подданстве России, по причине затруднительного сообщения. Он ограничился размещением гарнизонов в главных крепостях и оставил во всей силе туземное правление ханов. Все внимание его в последнее время обращено было на Грузию, которую он хотел освободить от турецкого ига, тяготевшего над нею; но смерть прекратила дни его, прежде чем он успел привести в исполнение это предприятие.

При первых преемниках Петра Великого, российское влияние на Кавказе не приобрело ни новой силы, ни нового расширения. Беспреданная трата людей, которую влекло за собою занятие завоеванных земель, заставило Российское правительство думать об оставлении их, тем более что иначе настаивавшее господство необходимо ввело бы Россию в тяжелую войну с тогдашним завоевателем персидским Тахмасп-Кули-ханом⁵. Российское правительство решило вступить с Персией в заключение мирного договора. В 1735 году, при Императрице Анне Иоанновне, заключен был договор в Гяндже⁶, по которому оставлены были российскими войсками все пункты, занятые при Петре Великом, и рубеж российских владений перенесен за Терек.

---

¹ Арчил II (1647–1713) — царь Кахетии и Имеретии, основатель Грузинской колонии в Москве.

² Вахтанг VI (1675–1737) — царь Картли (царство, располагавшееся по берегу Куры, современная территория Грузии), просвещенный правитель, писатель.

³ Астрабад (Горган) — город в Северной Персии (Иране), между Бухарой и Бахчисараем, одноименное название имеет залив.

⁴ Джават — село при впадении реки Аракса в Куру.

⁵ Тахмасп II (1704–1740) — один из последних шахов Ирана из династии Сефевидов. При Петре I был заключен союз с Российской Империей.

⁶ Гянджинский мирный договор в 1735 г., заключенный между Российской Империей и династией Сефевидов, подразумевающий создание оборонительного союза против османской Империей.

В это время влияние Турции на горские народы постепенно возвышалось, как чрез торговлю невольниками, так и через единство религии. Интриги и обольщения Порты овладели умами горцев, и магометанская религия продолжила быстро распространяться. Скоро явился между горцами даже новый лжепророк; простой пастух, по имени Шейх-Мансур¹, который обходя долины Кавказа, проповедовал Коран и возбуждал горцев против иноверцев.

С того времени кавказские горцы стали питать фантастическую ненависть к русским. Чеченцы, находившиеся прежде в дружественных отношениях с казаками, начали производить беспрерывные набеги на их земли; примеру чеченцев последовали и другие горские народы, даже кабардинцы, бывшие до сих пор верными России, предались разбойническому промыслу. Лезгины, узнавшие свою силу, сражались под знаменами царя Грузинского Ираклия² против ханов Эриванского и Нахичеванского³, сделались отважнее прежнего в своих набегах.

Императрица Екатерина II не оставила без внимания такого рода преступление. Грузинский царь Ираклий обратился к ней с прошением о помощи. Она включила Кавказ в театр войны, которую вела тогда с Турцией. В 1771 году российские войска появляются на Кавказе. Покоряют Кабарду, проходят чрез Дарьяльское ущелье в Грузию, а оттуда в Имеретию и Мигрелию, отвоевывают их земли и идут на Тринезию. Дальнейшие действия этой экспедиция были остановлены миром в Кучук-Кайнаджире, по которому Порта отступила от кабардинцев, предоставив их Российской Империи, границей коей признана р. Кубань. Вдоль по течению этой реки расположены были военные поселения, которые протянуты через большую и малую Кабарду, а потом вниз по течению Терека до самого Каспийского моря против земли кистов⁴ и чеченцев.

Повод же новым наступательным движениям на Кавказе подали грабежи Грумея-Каракайтахского⁵, которого жертвою был и акаде-

---

¹ Шейх Мансур (1760–1794) — исламский деятель, религиозный проповедник, предводитель движения горцев.

² Ираклий II — царь Кахетии (1744–1762), Картли-Кахетинского царства (1762–1798), инициатор составления «Трактата царей и князей Иверийских».

³ Нахичеванское ханство — часть Восточной Армении.

⁴ Кисты — наименование группы чеченцев, проживающих в Панкисском ущелье, на северо-востоке Грузии.

⁵ Амир-Хамза — уцмий Кайтага Кара кайтахский уцмий Амир-Гамза

мик Гмелин¹. В 1775 году генерал Медем² проник в Дагестан и нанес несколько поражений шайкам лезгин. В 1785 году грузинский царь Ираклий торжественным актом признал над собой власть верховную Российских Императоров. В 1784 году Шамхал Тарковский поступил в подданство России, получил чин Тайного советника и генерал-лейтенанта Российской службы, с обязательством содержать для России войска в своих владениях. В 1793 году принят по собственной просьбе в Российское покровительство хан Дербентский, и Гусейн-Кули хан Бакинский, и остров Сары на юго-западном берегу Каспийского моря был занят российскими судами.

Между тем возгорелась новая война с Турцией. Горцы, подстрекаемые сей последнею, начали производить сильные нападения на Российскую Линию; 40-т. корпус турецкий под начальством Батый-Паши высадился в Анапе и пошли на Кубань, вспомоществующий адигами; но генерал Булгаков³ нанес ему решительное поражение. На следующий год Гудович⁴ взял приступом крепость Анапу. Вслед за тем заключен был мир в Яссах. Порта признала независимость царей Грузии, Имеретии и Мингрелии и воспретила Ахалугейскому Паше торговлю невольниками.

Несмотря на то, пограничная линия (военная позиция) России при подданстве Кавказа продолжала заключать в себе многие недостатки: войска, находившиеся на пространстве между Терекком и Кубанью, не имели никакой опоры. Укрепления, расположенные в 1783 году генералом Потемкиным на Военно-Грузинской дороге, нужно было оставить по причине волнения, которое произвело между горцами их построение. К сим невыгодным для России обстоятельствам присоединились также победы Аги-Мухамед хана, повелителя Персии, взятие им Тифлиса в 1795 году. Императрица Екатерина II выдвинула против Персии

---

¹ Самуил Георг Готлиб Гмелин — немецкий и российский путешественник и натуралист на русской службе. Академик Императорской Академии наук (1767).

² Медем Иван Федорович (Иоганн Фридрих фон Медем) — генерал-поручик Российской Армии, в 1769–1780 гг. возглавлял Азово-Моздокскую (Кавказскую) Линию.

³ Булгаков Сергей Алексеевич, участник Кавказской войны, генерал от инфантерии.

⁴ Гудович Иван Васильевич, участник Русско-турецкой и Кавказской войн.

армию под начальством графа Зубова, который совершил от Кизляра поход на юг в 1796 <году>. Весь край этот до Баку был занят русскими войсками, ханы Дагестана, Дербента, Кубы, Баку, Шеки, Ширвана, Карабаха с радостью приняли победителя. Но кончина Императрицы Екатерины II остановила дальнейшие военные действия, и войска Российские были отозваны за Терек.

Положение закавказских христиан в это время было самое критическое. Царь Георгий, наследовавший от отца своего Ираклия Грузию, оттесненный персиянами и горскими народами, умолял Российское правительство о помощи. Русские полки, проникнув в Дарьяльское ущелье, явились в Тифлисе и разбили, по соединении с грузинами, лезгинов при Карагаче в 12 верстах от Сигнаха. Благодарный Георгий VII, чувствуя приближение смерти, духовною¹ 28 Декабря 1800 года завещал и трон, и царство свое Императору Павлу I в пожизненное владение, а Император Александр торжественным манифестом 12 сентября 1801 года, изъявил свое согласие принять завещанный родителю трон.

Новое приобретение поставило Российское Правительство в необходимость содержания постоянно за Кавказом отряд войск, которого положение там было довольно сложно. Он должен быть в постоянной войне с окружавшими его неприятелями. Воинственные племена горцев и областные владетели, колебавшиеся между Россиею, Персиею и Турциею, были или явными врагами или друзьями со весьма сомнительною верностью. Притом сила самого отряда состояла не более как из 8 полков пехоты, одного полка кавалерии и 24-х орудий.

Первые учреждения Грузии, сделавшейся русскою провинцией, дал генерал Кнорринг², которого приспешником был князь Цицианов³. Чувствуя необходимость приобретения свободных сообщений с Россиею, он решился открыть доступ к морям Черному и Каспийскому; потребовал от прежнего данника Царя Ираклия, хана Ганджийского, известного количеством дани, и, получив отказ, присоединил Ганджу под именем Елисаветполя к Грузинской области (1803). Вслед за тем

---

¹ Духовная грамота — юридический документ, аналог завещания.

² Кнорринг Карл Федорович, военный и политический деятель, управляющий Грузией и Астраханской губернией с 1799 по 1803 гг.

³ Цицианов Павел Дмитриевич — генерал от инфантерии Российской Армии, представитель княжеского рода Цицишвили, видный деятель Кавказской экспедиции.

владельцы Дербента, Баку, Карабаха, земли Каракайдаков и Аварии объявили себя данниками России. Это обстоятельство повело к войне с Персией. Князь Цицианов разбил Персидские войска, но не мог взять Эриван и отступил в Грузию. Многие ханы начали снова бунтоваться; в то же самое время Порты оказала неприязненные намерения. Цицианов принял сторону Калит-Бея, владетеля Абхазии, восставшего против турок, и стал оказывать покровительство Мингрелии и Имеретии, которые сами просили о принятии их в подданство России. Против взбунтовавшихся ханов приняты им самые решительные меры; но во время усмирения их князь Цицианов был изменнически застрелен под стенами Баку. Смерть его скоро была отомщена. Отряд войск под начальством генерала Булгакова двинулся от реки Сулака по берегу Каспийского моря на юг: Дербент и Баку были окончательно покорены.

Вскоре потом Порты открыла военные действия. Юзеф-Паша двинулся к Арпачаю¹, чтобы соединиться с Персией и проникнуть в Грузию. Но граф Гудович, командовавший тогда в Закавказии, разбил турок, и терсы постепенно отступили. Победа эта и вместе с тем взятие Анапы русским флотом, успешные действия против кубанских народов, покорение чеченцев посредством взятия укрепления Хан-Кале утвердили позицию русского отряда на Кавказе. В 1807 году заключено было перемирие в Узун-Килиссе². В 1809 г<оду> снова открылись военные действия против Порты, которая восстановила против нас Имеретию и Абхазию. Имеретия была усмирена и вверена особенному новоучрежденному Правлению, а в Абхазии по водворении там порядка; по просьбе самого владетеля ее Сафир-Бека введены русские войска, которые заняли Сухум-Коле. Начальствовавший тогда русскими войсками за Кавказом, генерал Тормасов³ взял Поти⁴ и предупредил своими распоряжениями соединение Турецких сил с Персидскими. После мира в Турции в Бухаресте русские войска обращены были ис-

---

¹ Арпачай — город и район в турецкой провинции Карс. Получил название от реки Арпачай.

² Узун-Килисское перемирие зимой 1806–1807 гг. временно приостановило Русско-персидскую войну.

³ Тормасов Александр Петрович — участник Русско-турецкой, Русско-персидской, Русско-польской войн, герой Отечественной войны 1812 г., Главнокомандующий Грузии и Кавказской Линией с 1809 г.

⁴ Поти-Коле — турецкая крепость в устье реки Риони княжества Мегрелия.

ключительно против Персии. Благодаря блистательным победам Котляревского¹, скоро последовал и мир с Персией, заключенный генералом Ртищевым² и Аббал-Мурзою в Гюлистане 12-го октября 1813 года.

Мирные договоры в Бухаресте и Гюлистане определили отношения России к Турции и Персии. Земли между Кавказом, Ахалцыхскими горами и Алагезом³ утверждены за Россией, а горские племена представлены собственной участи.

Важные перемены на Кавказе произошли по назначении туда главнокомандующим генерала Ермолова. Он перешел левый фланг нашей Линии против горских народов, простиравшийся по Кубани и Тереку на Сунжу и усилил их крепостями: Назрань, Преградный Стан и Грозная; последняя господствовала над теснинами Хан-Кале. Около Эндери в долине Тарковской, построена крепость Внезапная, которая рядом укреплений была соединена с крепостью Грозной. По всей этой линии проделаны дороги, которые облегчили движения Русских отрядов. Следствием этих распоряжений было решительное покорение надтеречных чеченцев, а чеченцы горские были стеснены занятием дефиле Хан-Кале; наконец, крепость Внезапная, защищавшая владения Шалихала и военно-береговую дорогу, уничтожила в Ундери ярмарку невольников и отняла у чеченцев и лезгинов это место соединения, откуда спускались они на свои предприятия. Однако, несмотря на это, лезгины продолжали свои восстания против Русских и Шалихала. В 1818 году генерал Ермолов разбил хана Аварского и взял его столицу Параул. В 1820 году⁴ он нанес решительный удар союзу Акушинскому⁵ и принудил его к покорности. Действия против них Усмана Каракайдакского и Сурхия, хана Кази-Кумыкского, также не имели успеха, и покорение сего последнего при Хазреке, 12 Июня 1830 года окончательно усмирили Дагестан. В это же время Военно-грузинская дорога, перенесенная на левый берег Терека, была прикрыта новыми укрепле-

---

¹ Котляревский Петр Степанович — генерал от инфантерии, герой Русско-персидской и Русско-турецких войн.

² Ртищев Николай Федорович — генерал от инфантерии, участник Русско-шведской, Русско-персидской, Русско-турецкой войн.

³ Алагез — потухший Вулкан Армянского нагорья.

⁴ По другим источникам, взятие А. С. Ермоловым Акуши состоялось 2–29 декабря 1819 г.

⁵ Акушинский союз — центр антирусской политики в Дагестане в начале XIX в.

ниями, которые соединены были с Кубанскими. Этою мерою Кабарда и сделалась неопасной, и земли горцев разрезаны на две половины, которые не могли иметь между собою других сообщений, как только чрез непроходимые почти вершины.

Племена кубанские, озлобленные этими переменами и воспламеняемые своими муллами, стали усиливать нападения, принудили часть кабардинцев покинуть свою землю и переселиться за верхнюю Кубань к двум Зеленгучам¹. Адигов подстрекал к тому же паша Анапский, который даже сел между ними. Тогда русские войска приняли образ действий, употребительный у самих горцев: начали делать нечаянные, быстрые нападения на их аулы, предавать их пламени и силою перемещать племена сомнительной верности за Кубань. В делах против Горцев отличились в это время генералы Вельяминов, Лиханевич, Эмануель, Казарев, и казачий генерал Власов. В Абхазии – Аслан бек, добивавшийся звания владетеля, продолжал производить смуты, но наконец генерал князь Горчаков разбил его на голову и принудил бежать к черкесам, где он и погиб. В то же самое время происходило стихийное волнение между чеченцами, которых подстрекал против русских новый лжепророк Кази-Мулла. Скоро всеобщее восстание оказалось на долинах Аргуна и Сунжи. Генерал Ермолов принужден был сосредоточить на этом пункте свои силы и успел усмирить сей мятеж. Великая деятельность нужна была в этом деле, потому что Персия не основывавшаяся ни на каком справедливом предлоге к тому, открывала свои военные действия. Вслед за тем главные силы Русских отвлечены были на время от Кавказа двумя неизбежными войнами против Персии и Турции, которые имели, между прочим, благоприятные следствия и для дел Кавказских. Когда слух о взятии Русскими крепостей Эривани, Киреади², Ахалциха разнесся по Кавказу, лезгины спешили покориться, хан Аварский и вольные общества Акушинцев³ снова присягнули

---

¹ Зеленчуки — имеются в виду два притока реки Кубань — Большой Зеленчук и Малый Зеленчук.

² Клдекари — переводится с грузинского как «каменные ворота» — труднодоступная крепость в Грузии, построена в IX в., расположена на двух скалах с седловиной по линии главного хребта.

³ Вольное общество Акушинцев — одно из политических образований Дагестана с центром в селе Акуша, основной состав — дагестанцы армянского происхождения, которые с VI в. были христианами григорианского толка, но уже в XIV в. исповедовали ислам суннитского толка.

России. Карачаевцы при подножье Эльбруса после удара, нанесенного им генералом Емануелем били заложников. Кабардинцы и Осетины приняли Русских приставов. Натухайцы¹, племя Адигское, усмирены Генералом Бестужевым. По окончании Турецкой войны, Главнокомандовавший Кавказским наступлением Генерал-Адъютант граф Паскевич Эриванский, с удвоенною деятельностью приступил к водворению тишины и порядка между Кавказскими жителями, покорившимися России и усмирению непокоренных. Такие самые дела и продолжают делать его преемники.

---

¹ Субэтнос адыгов (черкесов) в настоящее время составляют диаспору в Турции, а также в ауле Натухай Тахтамукайского района Республики Адыгея. Исповедуют ислам суннитского толка.

Список литературы

Источники

Лермонтов М. Ю. Сочинения: в 6 т. М.; Л.: АН СССР, 1954–1957.

Н. Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны. Материалы о положении и действиях русских войск на Кавказе и мерах по их активизации // Кавказский сборник. Т. VII. Тифлис: [Б. и.], 1883. С. 1–157.

Торнау Ф. Ф. Воспоминания русского офицера. М.: АИРО-XX, 2008. 456 с.

Щербатов А. П. Генерал-фельдмаршал князь Паскевич. Его жизнь и деятельность: в 9 т. СПб.: Тип. Р. Голике, 1891. Т. 3. 524 с.

Исследования

Авидзба Р. Л. Барон Федор Торнау — разведчик, дипломат, писатель // Русская литература и национальная государственность XVIII–XIX вв. М.: ИМЛИ РАН, 2015. С. 11–13.

Дегоев В. В. К вопросу о предыстории Кавказской войны XIX века // Россия XXI. 2015. № 1. С. 70–89.

Киселева И. А., Поташова К. А., Сеченых Е. А. Творческая история стихотворения М. Ю. Лермонтова «Спор» (1841) в культурно-историческом контексте // Научный диалог. 2019. № 10. С. 264–279. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-10-264-279>

Киселева И. А., Поташова К. А. Истоки и образное воплощение имперского сознания М. Ю. Лермонтова // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20, № 3. С. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242

Михайлова А. Лермонтов и его родня по документам архива А. И. Философова // Литературное наследство. М.: АН СССР, 1948. Т. 45–46: М. Ю. Лермонтов / ред. П. И. Лебедев-Полянский, И. С. Зильберштейн, С. А. Макашин. Кн. 2. С. 661–690.

Попов А. В. Лермонтов на Кавказе. Ставрополь: Ставропольское книж. изд-во, 1954. 223 с.

Трепавлов В. В. Северо-Восточный Кавказ как объект российской геополитики (XVII–XVIII вв.) // Ориенталистика. 2023. Т. 6, № 2. С. 251–259. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-251-259>

References

Avidzba, R. L. “Baron Fedor Tornau — razvedchik, diplomat, pisatel” [“Baron Fyodor Tornau: Intelligence Officer, Diplomat, Writer”]. *Russkaia literatura i natsionalnaia gosudarstvennost' XVIII–XIX vv.* [*Russian Literature and National Statehood of the 18th–19th Centuries*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020, pp. 11–13. (In Russ.)

Degoiev, V. V. “K voprosu o predystorii Kavkazskoi voiny XIX veka” [“On the Question of the Prehistory of the Caucasian War of the 19th Century”]. *Rossia XXI*, no. 1, 2015, pp. 70–89. (In Russ.)

Kiseleva, I. A., K. A. Potashova, and E. A. Sechenykh. “Tvorcheskaja istoriia stikhotvoreniia M. Iu. Lermontova ‘Spor’ (1841) v kul’turno-istoricheskom kontekste” [“Creative History of M. Yu. Lermontov’s Poem ‘Dispute’ (1841) in Cultural and Historical Context”]. *Nauchnyi dialog*, no. 10, 2019, pp. 264–279. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-10-264-279> (In Russ.)

Kiseleva, I. A., and K. A. Potashova. “Istoki i obraznoe voploshchenie imperskogo soznaniia M. Iu. Lermontova” [“Origins and Figurative Embodiment of the Imperial Consciousness of M. Yu. Lermontov”]. *Problemy istoricheskoi poetiki*, vol. 20, no. 3, 2022, pp. 87–100. DOI: 10.15393/j9.art.2022.11242 (In Russ.)

Mikhailova, A. “Lermontov i ego rodnia po dokumentam arkhiva A. I. Filosofova” [“Lermontov and His Relatives According to Documents from A. I. Filosofov’s Archive”]. *Literaturnoe nasledstvo [Literary Heritage]*, vol. 45–46: M. Iu. Lermontov [M. Yu. Lermontov], book 2, ed. by P. I. Lebedev-Polianskii, I. S. Zil’bershtein, S. A. Makashin. Moscow, Academy of Sciences of the Soviet Union Publ., 1948, pp. 661–690. (In Russ.)

Popov, A. V. *Lermontov na Kavkaze [Lermontov in the Caucasus]*. Stavropol, Stavropol’skoe knizhnoe izdatel’stvo Publ., 1954. 223 p. (In Russ.)

Trepavlov, V. V. “Severo-Vostochnyi Kavkaz kak ob’ekt rossiiskoi geopolitiki (XVII–XVIII vv.)” [“North-Eastern Caucasus as an Object of Russian Geopolitics (The 17th–18th Centuries)”]. *Orientalistika*, vol. 6, no. 2, 2023, pp. 251–259. <https://doi.org/10.31696/2618-7043-2023-6-2-251-259> (In Russ.)

© 2023. Н. П. Генералова

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

Россия глазами гейневской «Мушки» (И. С. Тургенев и Камилла Зельден)

Аннотация: В статье впервые анализируется серия критических статей французской писательницы Камиллы Зельден (Элизы Криниц), посвященных творчеству И. С. Тургенева. Опубликованные в газете «Le XIXe siècle» в 1879 г., эти статьи были прочитаны и оценены писателем в письме к Зельден, которое впервые вводит в научный оборот. «Мушка» известна в литературных кругах как последняя любовь Генриха Гейне, которой он посвятил шесть стихотворений и адресовал более двух десятков писем. Именно от Гейне Элиза получила прозвище «Мушка». Впоследствии она оказалась проницательным критиком, высоко оценившим творчество русского писателя. Несмотря на многочисленные огрехи, а иногда и не слишком внимательное прочтение тургеневского текста, Зельден показала широкое знакомство с произведениями писателя, хотя нередко ее оценки выглядят скорее экзотическими, чем глубокими. В целом взгляд Зельден на Россию вызвал у Тургенева неприятие.

Ключевые слова: И. С. Тургенев, Россия, Генрих Гейне, французская литература, Ипполит Тэн, Г. Флобер, натурализм, Э. Золя, «Дым», «Рудин».

Информация об авторе: Генералова Наталья Петровна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Дата поступления статьи в редакцию: 31.08.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 02.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Генералова Н. П. Россия глазами гейневской «Мушки» (И. С. Тургенев и Камилла Зельден) // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 100–121. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-100-121>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 100–121. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 100–121. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2023. **Natalya P. Generalova**

Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Russia as Seen by Heine’s “La Mouche” (I. S. Turgenev and Camille Selden)

Abstract: The article offers for the first time an analysis of a series of critiques written by the French author Camille Selden (pseudonym of Elise Krinitz) and devoted to I. S. Turgenev’s works. Published in 1879 by the Paris newspaper “Le XIXe siècle,” these articles were read and appreciated by the writer in a letter addressed to Selden that is being now introduced into scientific circulation. “La Mouche” is known in literary circles as Heinrich Heine’s last love: he dedicated six poems to her and addressed her at least two dozens of letters. It was from Heine that Eliza received the nickname “La Mouche.” Later, she turned out to be an insightful critic who highly appreciated the work of the Russian writer. Despite numerous flaws, and sometimes not a very careful reading of Turgenev’s texts, Selden showed wide familiarity with the writer’s works, although often her assessments look more exotic than deep. In general, Selden’s view of Russia caused Turgenev’s rejection.

Keywords: I. S. Turgenev, Russia, Heinrich Heine, French literature, Hippolyte Taine, G. Flaubert, naturalism, E. Zola, “Smoke,” “Roudine.”

Information about the author: Natalya P. Generalova, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, 4 Makarova Emb., 199034 St. Petersburg, Russia.

E-mail: generalovanatalia@gmail.com

Received: August 31, 2023

Approved after reviewing: October 02, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Generalova, N. P. “Russia as Seen by Heine’s ‘La Mouche’ (I. S. Turgenev and Camille Selden).” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 100–121. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-100-121>

Некоторое время назад, в связи с подготовкой очередного тома писем Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева, в редколлегию поступило неизвестное послание писателя на французском языке, обращенное к даме. Оно было приобретено Ассоциацией друзей Тургенева, Полины Виардо и Марии Малибран на одном из парижских аукционов и ныне хранится в архиве этого общества. Адресовано письмо было некоей Камилле Зельден. До сих пор это имя не встречалось среди знакомых русского писателя во Франции.

Из письма можно было понять, что Камилла Зельден написала несколько статей о Тургеневе, напечатанных в газете «Le XIXe siècle», и готова выслать их ему. Ответ писателя выглядит довольно сдержанным, однако бросается в глаза, что, даже упрекая свою корреспондентку в слишком суровом отношении к России, он не скрывает, что высоко ценит ее ум, называя его «незаурядным» («distingué»).

«Мадам, — писал Тургенев из Буживаля 15 октября н. ст. 1879 г., — Мой друг, г-н Этцель, сообщил мне ваш адрес — и я пользуюсь этим, чтобы просить вас принять мою благодарность. Я подписан на газету “XIXe siècle” — и прочел статьи, в которых вы говорите о моих сочинениях. — Возможно, вы в них слишком благосклонны к автору и слишком суровы к его стране. Но мне отрадно видеть, что человека столь незаурядного ума, как ваш, привлекла русская литература — и он способствует знакомству с ней французской публики. Примите, сударыня, уверение в моем уважении и преданности»¹.

Даже если оставить в стороне этикетные нормы, которыми Тургенев владел в совершенстве, особенно когда речь шла о женщинах, нас не покидает ощущение, что он обращается будто бы к знакомому

---

¹ Здесь и далее перевод с французского языка выполнен автором статьи.

человеку. Это и в самом деле было так. Хотя утверждать, что писатель был лично знаком с Камиллой, мы не можем, трудно представить, что он ничего не слышал о молодой особе, ставшей последней любовью Генриха Гейне, умершего после тяжелой болезни в Париже в феврале 1856 г.

Одним словом, Камилла Зельден (1825–1896) была фигурой довольно известной в литературных кругах с конца 1850-х гг., хотя к середине 1870-х имя ее начало постепенно исчезать, а затем и вовсе исчезло на много лет, пока в 1884 г. не были напечатаны ее воспоминания о последних днях Генриха Гейне, вышедшие на французском и немецком языках [Selden 1884a, Selden 1884b]. Познакомившись с неизлечимо больным поэтом совершенно случайно в Париже за полгода до его смерти, молодая женщина, называвшая себя тогда Элизой фон Криниц (Krinitz), стала последней любовью умирающего Гейне и вошла в историю под данным им прозвищем «Мушки» («la Mouche»). У постели смертельно больного, лишенного возможности двигаться полуслепому Гейне девушка исполняла обязанности лектрисы и секретаря, записывая под диктовку его стихотворения и письма. Ей же Гейне поручил вести корректуры своих произведений, в том числе и после его смерти. «Мушкой» он называл Элизу потому, что она запечатывала свои письма печаткой с изображением мухи. Этим прозвищем оказалась освящена вся ее последующая жизнь. Элизе были посвящены последние стихотворения умирающего поэта. Одно из них, которое так и называлось «Мушке», начиналось такими строками:

Тебя мой дух заморозил,
И, чем горел я, чем я жил,
Тем жить и тем гореть должна ты,
Его дыханием объята.

Заканчивалось стихотворение тем же заклинанием:

Везде, куда ни полетишь,
Ты дух мой в сердце повлачишь,
И жить должна ты, чем я жил, —
Тебя мой дух заморозил (*Перевод Лады Руст*) [Гейне 1957: 299].

Сохранились не только шесть стихотворений Гейне, посвященных «Мушке», но и более двух десятков писем к ней. Из них ясно, что вспыхнувшее чувство было сильным и взаимным. Уже после первой почти случайной встречи поэт пишет, что «страстно жаждет еще раз испытать удовольствие» видеть ее, а через несколько дней прямо признается в любви [Гейне 1959: 401–402]. Из письма от 1 января н. ст. 1856 г. мы узнаем, что Камилла, вернее Элиза, была противницей внешних приличий: Гейне извиняется за то, что передает ей коробку шоколадных конфет к Новому году, ссылаясь на «внешнее окружение», которое могло бы увидеть в несоблюдении правил приличия признак неуважения. «Ты моя любимая Мушка, и я не так чувствую боли, когда думаю о твоём изяществе, о грациозности твоего ума» [Гейне 1959: 410]. Последнее письмо содержало просьбу не приходиться в четверг, потому что Гейне мучился мигренью, а прийти завтра, в пятницу. Но эта встреча уже не состоялась. В последний путь Камилла Зельден провожала поэта вместе с Теофилом Готье и Александром Дюма-сыном.

Надо сразу признаться, что мы не располагаем подробными сведениями об этой женщине, к тому же она и сама приложила немало сил, чтобы ее личная жизнь не стала достоянием общественности. Мы даже не знаем, кто были ее родители и каковы были ее имя и фамилия при появлении на свет, потому что фамилия фон Криниц принадлежала ее приемной матери, немке родом из Саксонии, переехавшей в Париж. Владея от рождения немецким языком (этим, кажется, она и привлекла поначалу Гейне, который, услышав ее голос, захотел поговорить с нею на родном языке), Элиза в совершенстве овладела французским и занималась переводами с одного языка на другой. Трудно утверждать с полной уверенностью, где правда, а где выдумка, но считается, что она была замужем за богатым французом, промотавшим свое и ее состояние и упекшим ее в Лондоне в клинику для душевнобольных, откуда ей удалось бежать. Несомненно одно: Элиза фон Криниц, она же Камилла Зельден (это был ее псевдоним), она же «Мушка» была женщиной незаурядной во многих отношениях, а ее жизнь вполне достойна быть описанной в авантюрном романе¹.

---

¹ К сожалению, нам не удалось ознакомиться с книгой, целиком посвященной ей [Wright]. В рецензии на нее говорится о том, что книга мало что проясняет в биографии К. Зельден, оставляя больше вопросов, чем ответов [Bianquis: 317–318].

Не будучи красавицей, она была грациозна и подвижна, прекрасно играла на фортепьяно и сама писала музыку, обладала несомненным литературным дарованием, живым и веселым характером, блестяще владела искусством беседы и при этом серьезно интересовалась многими предметами, в том числе философией. Даже основываясь на ее собственных воспоминаниях о знакомстве с Гейне, можно заметить, что будущая Камилла Зельден обладала независимым характером и могла легко перешагнуть через светские условности, если того требовало ее сердце.

Вот какое воспоминание о ней оставил Жюль Легра (Legras; 1866–1938), автор книги «Henri Heine, poète», вышедшей в Париже в 1897 г., через год после смерти К. Зельден, советами и архивом которой он пользовался. В примечании к книге читаем:

«Я испытываю острую боль при мысли, что эта умная и сердечная женщина, так живо интересовавшаяся этой книгой, умерла в то самое время, когда я дописывал последние страницы. Камилла Зельден была близко знакома с несколькими знаменитостями, в том числе с Тэнном, который некогда посвятил ей лестный этюд. В ее жизни были разочарования, но она сохранила от них лишь насмешливый скептицизм, лишенный горечи. Сыграв в 60-е и 70-е гг. поистине важную роль в литературе, она уединилась в Руане и жила там скромно, довольствуясь немногим, не расточая свои воспоминания, но принимая с утонченной грацией у себя друзей, с которыми связывала взаимная симпатия. Я узнал ее довольно поздно, но по блеску ее насмешливых глаз, по ее столь оживленному и сдержанно-напористому разговору понял, каким образом она прельстила Генриха Гейне. Я сохраню память о ней как о старушке, очень простой, очень снисходительной, и буду с удовольствием перечитывать ее письма, запечатанные мушкой» [цит. по: Gagnebin: 545].

Трудно сказать, кто посоветовал Камилле Зельден обратиться к творчеству Тургенева. Это мог быть упомянутый в письме Тургенева издатель и большой его поклонник, выпустивший в свет почти все его сочинения в переводе на французский язык Жюль Этцель, но мог быть и кто-то другой из общих знакомых, например, упомянутый выше Ипполит Тэн, который сравнивал творчество Тургенева с античными шедеврами и в то же время в течение довольно долгого времени был близ-

ким другом Камиллы Зельден. Вполне вероятно, что статьи о Тургеневе были заказаны Камилле самим редактором газеты «Le XIXe siècle» Эдмоном Абу, ценившим Тургенева как писателя и как критика. Именно в этом, 1879 г. и в самом начале 1880 г. в газете были опубликованы два открытых письма русского писателя: одно по поводу выхода в свет первого перевода на французский язык романа Льва Толстого «Война и мир» и другое — по поводу выставки в Париже картин В. В. Верещагина. Но очень может быть, что любознательная «Мушка» и сама решила попробовать силы в качестве литературного критика в духе Ипполита Тэна или даже самого Генриха Гейне. К этому времени она уже была автором нескольких книг — романа «Даниэль Влади. История одного музыканта» (1862), удостоившегося лестного отзыва Ипполита Тэна, «Музыка в Германии. Мендельсон» (1867), «Современный дух Германии» (1869) и других сочинений.

Что касается лестных отзывов Ип. Тэна о романе «Даниэль Влади» и других сочинениях Зельден¹, то за ними кроется целая история таинственных отношений будущего знаменитого критика и теоретика искусства и молодой писательницы². Вряд ли, однако, Тургенев, состоявший с Тэном в дружеских отношениях, мог что-то узнать у него о «Мушке». К тому времени связь между эксцентричной женщиной и будущим добропорядочным отцом семейства и членом Французской Академии Тэном прервалась, и он никогда не упоминал о своем увлечении. Камилла тоже хранила молчание, тем не менее имя Тэна неоднократно появляется в ее критических статьях. Более того, она открыто заявляет себя сторонницей его метода.

Роман о музыканте, «напоминающем Шопена», был замечен и в русской критике: развернутая рецензия на него содержалась в обзоре «Но-

---

¹ Развернутый отзыв о романе Тэн поместил в «Revue des Deux Mondes» в 1862 г. по выходе его в свет, позднее он включил его вместе с рецензией на книгу Зельден, посвященную трем выдающимся женщинам (Эжени де Герен, Шарлотте Бронте и Рахили Фарнхаген фон Энзе: «L'esprit des femmes de notre temps, études sur Eugénie de Guérin, Charlotte Brontë et Rahel de Varnhagen», 1864), в сборник своих критических и исторических эссе [Taine: 87–125].

² Интересующихся этой историей отсылаем к замечательной статье Марианны Ганьбен «Романтическая муза», опубликованной в журнале «Mercure de France» [Gagnebin: 513–553].

ности иностранной литературы» журнала «Отечественные записки», где имя автора романа трактовалось как мужское — Камилл Сельдан. Подробно пересказав фабулу романа, анонимный автор обзора писал: «Вот содержание этого прекрасного романа; он написан с тонким умом и глубоким чувством; автор понимает жизнь всесторонне и способен воспроизводить ее очень художественно» [Новости: 274–275]. Есть в романе отрицательный русский персонаж, составляющий противоположность главному герою, некто Разумов, тоже музыкант, но человек поверхностный и безнравственный, хотя автор обзора в «Отечественных записках» находит его русское происхождение случайным. Однако в дальнейшем Камилла Зельден вновь обратилась к теме России, и это обращение уже не выглядело случайным.

В 1879 г. на страницах газеты «Le XIXe siècle» вышла серия статей Камиллы Зельден под общим заглавием «Франко-русская литература», в которых в основном рассматривалось творчество Тургенева. Не совсем понятно, что имела в виду Зельден под франко-русской литературой, очевидно, произведения о России. В первой статье — «Политический роман» — была дана суровая оценка только что появившегося романа французского писателя Эрнеста Лавиня «Le roman d'une nihiliste» («Роман нигилистки»), вышедшего в Париже и посвященного русской теме [Lavigne].

Произведение Лавиня Зельден сравнивает с романом Тургенева «Новь», целиком и полностью отдавая предпочтение русскому писателю. Воспринимая скорее отрицательно попытки смешивать литературу с политикой, критик все же относит оба романа к «серьезной, достойной литературе, столь же поучительной, сколь и занимательной, литературе наблюдателей, которые спокойно созерцают и взвешенно воспроизводят то, что видят и знают» [Selden 1879b: 3]. При этом Зельден подчеркивает несопоставимость художественных достоинств обоих романов. Сам же нигилизм Зельден характеризует следующим образом, выдающим отчасти ее политические предпочтения:

«Это движение, как и другие в том же роде, основывается на воплощении идей социалистов, то есть на требовании того, что революционеры называют, как я полагаю, *Правами Человека*, требовании, понятом, однако, более широко, более гуманистически, более общо, требовании, выходящем несомненно за пределы законности, но не за пределы справедливо-

сти, в применении как к богатому, так и к бедному, как к дворянину, так и к рабу <...>. Прекрасные теории, которые являются тем, чем являются большинство теорий, то есть почти неприменимыми в жизни <...> [Selden 1879b: 3].

Она осуждает террористическую деятельность нигилистов, упоминая о недавнем покушении на Александра II, едва не стоившем жизни «прогрессивному государю, который, поддавшись собственному желанию и, возможно, капризу, забыл, что, совершая опыты по освобождению людей, не ведающих первейших обязанностей свободного человека, монарх подвергает себя неприятностям». Заметим, что освобожденных крепостных Зельден называет «людьми, не ведающими первейших обязанностей свободного человека». Вряд ли такое определение могло понравиться автору «Записок охотника», не говоря уже о том, что к покушению на царя крепостные крестьяне никакого отношения не имели.

К. Зельден признается, что знает Россию по собственному опыту (вероятно, довольно ограниченному) и по произведениям Тургенева. Однако если русский писатель прямо назван «мастером», владеющим великим искусством «сообщать жизнь вымышленным персонажам», то Э. Лавиню ставится в упрек слабость стиля, неумение владеть интригой и «неправдоподобность рассказа». Последнее, по мнению Зельден, состоит «в ничтожности персонажей, которые действуют как неживые и пользуются высокопарными словами, которые не стал бы употреблять ни один здравомыслящий человек». В то же время критик по существу не обнаруживает в романе Тургенева героев, достойных внимания. Характерно, что при перечислении главных действующих лиц отсутствует такой важнейший персонаж, как Соломин. Вывод относительно зародившегося социального движения и его представителей крайне пессимистичен:

«Амбиции, избыток гордыни, желание мести, необходимость выделиться, все то, что у порядочных людей выражается в благородных поступках, чаще всего ребяческих, а у глупцов, фанатиков или мошенников в насилии или преступлениях, — таковы чувства, которые наполняют, по обыкновению, последователей тайных обществ, следовательно, и нигилистов. <...> в общем, много жуликов и мало честных людей, множество скептиков и

мало верующих, вот в целом то, что было всегда и что, возможно, будет существовать при всех режимах и во все времена» [Selden 1879b: 3].

Однако прежде чем перейти к следующей статье К. Зельден о Тургеневе, необходимо сказать, что статьям о русском писателе предшествовала серия других, опубликованных в той же газете «Le XIXe siècle» весной 1879 г. Они имели общий заголовок «Литературное движение с 1850-го по 1870 год» и претендовали на серьезную оценку процессов, происходивших в литературном движении Франции двух последних десятилетий. Ставя перед собой столь сложную задачу, Камилла Зельден заявляла право на роль ведущего критика, объявляя в первой же статье эпоху между падением Июльской монархии и падением Империи одной из блистательнейших и интереснейших в истории французской литературы [Selden 1879f: 2]. Эти статьи, без сомнения, были прочитаны Тургеневым и оценены по достоинству.

«Наиболее выдающейся чертой этого великого литературного движения, — пишет Зельден, — является одновременное появление плеяды людей, преследующих одну и ту же цель, хотя и разными путями. <...> Философия, критика, роман, театр, вплоть до поэзии, — все связано друг с другом и взаимозависимо. Никаких отдельных порывов, ничего колеблющегося и расплывчатого. <...> Шествие движется на твердой почве к четкой цели; они знают, чего хотят и куда идут: словом, возникает школа» [Selden 1879f: 2].

Объявляя о появлении «школы», Зельден называет и ее постулаты, и главных ее представителей. Она, правда, не дает новой школе имени, но из прозвучавших определений очевидно, что речь идет о школе реалистической, или, как тогда говорили, школе позитивизма.

Опыт, по мнению критика, научил молодое поколение «распознавать пустоту громких слов и бесполезность пустых фраз». Они «видели г. де Ламартина, тщасьегося заменить идеи фразами, и г. де Шатобриана, колеблющего старческой рукой знамя, ставшее безразличным для толпы». Молодое поколение, декларирует Зельден, «имеет вкусы и склонности молодого поколения»:

«Более свежая кровь делает людей более пылкими и более активными. Их больше не устраивают ни бесцветные рассказы, ни бравурные или чахоточные герои. Равным образом отвлеченные персонажи, которые не имеют ничего общего с жизнью кроме очарования, приданного им высоким талантом. А потому мы видим меньше поэтов, чем прозаиков, меньше моралистов, чем художников. Прозаики, ставшие художниками, люди, которые, воспроизводя природу, стремятся, подобно Тэну или Полю де Сен-Виктору, выставить ее красоты; живописцы нравов, которые умеют, как Абу и Эмиль Ожье, приложить искусство к изображению правды и создавать типы, в которых мы видим возрожденным облик эпохи» [Selden 1879f: 2].

Объявляя характерными признаками новой школы «дух анализа, исследования, настоятельную потребность в глубокой проработке там, где ранее довольствовались легким касанием», К. Зельден отводит особое место новой критике, напоминая местами декларации молодого Белинского.

«Красивые, закругленные и пустые фразы отжили свое: прежняя система, состоявшая в высказывании хотя бы какого-то мнения, заменяется новой, которая подчиняет критику строгим законам, подобно математике»; «критик объявляет себя лицом незаинтересованным, писатель оценивается согласно силе фактов, его поправляют, если он ошибается, иной раз он переделывает свой труд, а критика, поднявшись на эту высоту, превращается в произведение искусства, произведение действительно интересное и полезное <...>» [Selden 1879f: 2]. «И как жаловаться на то, что художники, взявшиеся изобразить физиономию времени, в котором живут, рисуют это время таким, каким его видят, то есть, как и во все времена, в смешении красоты и уродства, но в итоге необыкновенным и столь же интересным из-за оригинальности лиц, которых оно выдвигает, как и вследствие обновления, которое оно вносит в историю мысли?» [Selden 1879f: 2].

Следующая статья, посвященная французской литературе 1850-х–1860-х гг., прямо показывает К. Зельден ученицей Тэна: больше всего в современной литературе ее привлекают знание предмета изображения, точность в прорисовке деталей и характеров, социальное содержание произведений, умение романиста поместить читателя в изображаемую среду. В начале статьи Зельден заявляет, что «великое

движение, начатое Ренаном и Тэном», откроет перед читателем совершенно новые горизонты, объединив в своем аналитическом методе философию, историю и художество. Открывает парад выдающихся имен Гюстав Флобер с романом «Госпожа Бовари», который, по мнению критика, оказал огромное влияние на современную литературу [Selden 1879a: 3]. За Флобером следуют братья Гонкуры и целый ряд современных романистов. Любопытно, что в этот ряд, причем в числе первых, вписан Тургенев. Соглашаясь с тем, что современное общество «и как следствие литература содержат достаточно порочных элементов», критик призывает увидеть не только отталкивающие физиономии, но и «восхитительную коллекцию прекрасных, юных, изящных, поэтических и благородных лиц», среди которых называется и «пленительный эскиз молодой русской девушки» из «прекрасного» романа «Дым» [Selden 1879a: 3]. Автора «Дыма» Зельден называет здесь «изящным летописцем этой милой подлинной России, которая с некоторых пор доставляла нам и до сих пор доставляет столько пошлых подделок» [Selden 1879a: 3]. Однако перечисление многих имен новой школы, в том числе драматургов, заставляет автора статьи с сожалением отказаться от подробного разговора об их произведениях и перейти к попыткам группы литераторов шумно претендовать на новаторство. Речь, разумеется, идет о так называемых натуралистах во главе с Эмилем Золя. Этому движению К. Зельден посвятит следующие две статьи и лишь потом обратится к анализу творчества русского писателя.

Думается, многое в статьях Камиллы Зельден, безжалостно расправившейся с новоявленными доктринерами, было близко Тургеневу, несмотря на то, что он тесно общался с «группой пяти», куда, помимо него и Флобера, Э. де Гонкура и А. Доде, входил и Эмиль Золя. Дружеские обеды названных литераторов не мешали существованию внутри кружка серьезных разногласий. Так, признанный всеми глава нового направления Гюстав Флобер, которого и Тургенев считал единственным великим писателем, который мог бы оспорить пальму первенства у Льва Толстого, весьма скептически относился к попыткам Золя объявить «натурализм» исключительно верным путем, предпочтительным для литературы. Это не мешало руанскому отшельнику считать роман «Нана» выдающимся произведением, хотя и перенасыщенным грубой и непристойной лексикой. Неприятие творческих принципов Золя не мешало Тургеневу ценить его как литературного критика и очеркиста

и рекомендовать в качестве постоянного автора в журнал «Вестник Европы».

Что касается Камиллы Зельден, то она не слишком стеснялась в выражениях, определяя принципы выдвинувшейся новой школы, которую четко отделила от школы, условно говоря, Флобера. И здесь следует отдать должное проницательности критика, почувствовавшего опасность для литературы нахождения в тисках заявленных правил. Отказываясь видеть в шумных представителях «новой» школы «спасителей литературы и политики» (так звучал подзаголовок одной из ее статей), Зельден пишет:

«Натурализм или анархия, порядок или хаос, совсем как если бы вы могли сказать, потаж или суп, жареное или вареное, закуска или салат. Естественно, задача критика усложняется перед теми, кто игнорирует уровень писателя, которым довольствовались раньше, кто открыто принимает на себя роль знатока и дает рецепты для укрепления стабильности правительств» [Selden 1879e: 3].

Зло высмеивая призывы Золя обращаться к «человеческим документам», К. Зельден восклицает:

«Неизбежным следствием этих принципов является то, что пресловутые человеческие документы почти на исходе. Судя по тому, как идут дела, в ближайшее время экспериментировать придется над животными, и я, со своей стороны, предлагаю роман, действие которого будет происходить на живодерне или в хлеву» [Selden 1879e: 3].

Укоряя Золя и его учеников в насаждении «культы безобразного», критик в то же время остроумно указывает на то, что и в «Ругон-Маккарах» при желании можно обнаружить немало идиллических сцен на выворот, отчего они не перестают быть идиллиями. Упрекает Зельден представителей «новой» школы в погоне за скандалом и как следствие растущими баснословными тиражами их книг. При этом в самих принципах натурализма она не находит ничего нового, а лишь забытое старое. Анализ романа Золя «Проступок аббата Муре» с его «ребяческим» сюжетом и сомнительной философией побуждает Зельден обратиться к насмешке, переходящей в сарказм. «Западню» она называет книгой,

написанной серной кислотой, и т. п. Досталось и ученикам Золя, особенно Гюисмансу с его романом «из простонародных нравов» «Сестры Вотар».

Вернемся, однако, к статьям о Тургеневе, к которым Зельден обратилась после полного разгрома «натурализма». Следующая ее статья, с которой писатель успел ознакомиться до того, как получил ее письмо, называлась «Сочинения Тургенева. Русский за границей» и была целиком посвящена роману «Дым». Разбору романа предшествует следующее заявление:

«Из всех французских и иностранных писателей, обративших свой талант к теме России, Тургенев неоспоримо принадлежит к тем, кому удалось описать ее лучше всего. Под его водительством можно познакомиться с обитателями этой необъятной империи. Несмотря на то, что они русские и описаны русским, их видишь, живешь среди них и с ними. Это наивысшая похвала, которую можно сделать таланту автора и объяснить интерес к его творчеству» [Selden 1879c: 3].

Более всего Зельден привлекли сцены, представляющие русское общество за границей, это дало возможность поговорить о реальных русских, с некоторыми из них она, судя по всему, была знакома:

«...единственный русский, лицо которого нам до сей поры было знакомо, это лицо богатого персонажа, о ком я только что говорила, русского с репутацией полужануза, который смеется нашим остротам, воспроизводит их иногда как собственные, использует наши выражения, одевается у наших портных, посещает наших актрис, почитывает “Revue des deux mondes”, читает “Парижскую жизнь”, оплачивает любое продажное перо, пьет наши вина, увозит наших поваров, наших комедианток и, в конце концов, может высыпать полмиллиона на мостовые наших городов, ничуть не обеднев и даже не стеснив себя» [Selden 1879c: 3].

Естественно, подобные персонажи вызывают у Зельден презрение и отвращение, она приводит цитаты из «Дыма», подтверждающие данную ею характеристику русского баденского общества, однако почти не уделяет внимания другим героям романа, которые сливаются в единую массу:

«...им не хватает человеческого достоинства; они непримиримы, они умеют склоняться только перед силой, вернее, видимостью силы. Идея добра, чувство справедливости никогда не проникали ни в их разум, ни в их сердце. Они мечтают только о том, чтобы развлекаться, вернее, сократить скуку, и слово, которым можно обрисовать все их убеждения и обобщить их мораль, исходит из уст человека, не выносящего слова *прогресс* <...>» [Selden 1879с: 3].

Третья статья, которую Тургенев прочитал до того, как написал приведенное выше письмо, называлась «Сочинения Тургенева. Русские у себя дома». Статья была посвящена роману «Рудин». Здесь особенно ярко проявились довольно поверхностные представления Зельден о России и предубеждения, задевшие чувства Тургенева. Пандалевский представлен в статье секретарем-черкесом, а Пигасов — казаком, исполняющим роль шута. Дмитрий Рудин, с точки зрения автора статьи, «сочетает в себе почти все качества, свойственные у нас адвокатам без клиентуры, и считает себя великим человеком оттого, что неплохо излагает правильные мысли». Зельден прямо утверждает, что Рудин не добился бы успеха в Париже. Другое дело — Россия: «Но совсем иная ситуация в стране, где для того, чтобы осмелиться думать и говорить, нужно чувствовать в себе мужество встретиться с перспективой оказаться в Сибири <...>» [Selden 1879с: 3].

Далее критик берется даже спорить с Тургеневым, откликаясь на известные слова Лежнева о России: «Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности (Тургенев имеет в виду под этим словом “народ”. — *Н. Г.*) ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет» [Тургенев: 305]. По-видимому, эта декларация задела какие-то чувства Камиллы Зельден, натурализовавшейся во Франции и считавшей себя, судя по всему, «гражданкой мира».

«Именно невозможность быть самим собой, — пишет она, — создала дух космополитизма у русского человека, и Тургенев не до конца отдает отчет в этой преграде, когда показывает абсурдность этого духа космополитизма. Он забывает, что новые идеи и оригинальные мысли редко рож-

даются на почве, иссушенной дыханием деспотизма. За неимением личной независимости, а возможно также вследствие несовершенной и незрелой цивилизации, русские ничего не изобретают или, если и изобретают, как остроумно говорит автор “Димитрия Рудина”, то с претензией сделать это по наитию, то есть без обучения, и, вследствие этого, плохо, в отличие от других, которые делают это хорошо, потому что учились» [Selden 1879с: 3].

Не могли не задеть Тургенева и оценки русских женщин, у которых К. Зельден обнаружила врожденный «вкус к позе», и определение Рудина как «паразита и бездельника». В то же время автор статьи замечает, что «своим тонким и все же язвительным пером, пером, которое превосходно очерчивает не только контуры вещей, но и прорисовывает полутона, составляющие характер в целом, Тургенев умеет придавать интерес персонажам на первый взгляд незначительным. Тот, кого он делает героем своей книги, становится, вопреки правилам, интересным по мере своего падения. Автор использовал свое знание сердца человеческого, чтобы познакомить нас с одним из тех людей, к несчастью слишком многочисленных, кто погибает от своего тщеславия и слабости». Сжалившись над Рудиным, гибель которого была predetermined «недостатком опыта и отсутствием контакта с большой, полной движения активной жизнью, которая у нас освежает души и служит пробным камнем таланта», К. Зельден указывает на коренное отличие общественного устройства России и Франции: «Современная жизнь у нас — это битва; мы живем уже не в те времена, когда довольно было писать красивые письма или составить таковой же том, чтобы стать знаменитым. Никто не может знать предела своих сил, пока не ввязался в драку, а Димитрий Рудин открывает эту истину лишь тогда, когда она ему уже бесполезна» [Selden 1879с: 3]. Несмотря на резкое осуждение рудинского красноречия, Зельден заканчивает статью сочувствием к несчастной судьбе героя, оставшегося в полном одиночестве, но не изменившего себе.

В четвертой и заключительной статье, посвященной Тургеневу, К. Зельден дала общую чрезвычайно высокую оценку творчества русского писателя:

«Его романы, его повести содержат в себе целый мир, мир одновременно достоверный и сказочный, где преобладает неведомое, где правдоподоб-

ные персонажи перемешаны с персонажами фантастическими, где бесконечное разнообразие декораций и типов наконец ошеломляет и ослепляет. Здесь пустыньность степей, замеченная снегом убогая крыша, там — грубая раскраска обнаженного и мрачного интерьера; подальше — старенький домишко, испускающий аромат амбры, все это подлинная работа миниатюриста, имеющая вид *диковинки* из прошлого века, содержащей, как персонажи росписей на веере, стены по старинной моде; кроме того, вот еще — на темном и смутном фоне сияющее и светлое видение, лучезарная фигура, которая как будто распускается на ковре гарема или в цыганском таборе» [Selden 1879d: 3].

Несмотря на многочисленные огрехи, а иногда и не слишком внимательное прочтение тургеневского текста, Зельден показала довольно широкое знакомство с произведениями писателя, хотя нередко ее оценки выглядят скорее экзотическими, чем глубокими. Тем не менее она сумела оценить утонченные черты благородного образа Лаврецкого в «Дворянском гнезде», героя «Дневника лишнего человека» и увидеть «типы почти шекспировской силы» в «Степном короле Лире» [Selden 1879d: 3].

Характерен лирический зачин этой четвертой статьи, написанной, возможно, уже после получения письма от Тургенева:

«Приходилось ли вам бывать на берегах альпийского озера? Сплошное зеркало, кажется, отражает небо, прорезанное горными хребтами, сумрачными лесами, основаниями из слепящего снега, облаками, которые плывут в лазури или покрывают небо белеющими хлопьями. / Обман ли это чувств, случайное совпадение или тени? / Понемногу очертания, которые только что были такими четкими, начинают стираться, размываться; в воде появляются новые формы, смутные, неопределенные, тут же тонущие в бездне, из которой вышли, но оставляющие ощущение таинственной жизни из какого-то мира существ, исчезнувших в недостижимом для нас пространстве и лишенных благоденствий света. / Признаться, я испытываю нечто подобное описанному, когда читаю Тургенева» [Selden 1879d: 3].

В качестве примера весьма своеобразного прочтения образов тургеневских девушек и женщин приведем пассаж из цитируемой заключительной статьи Зельден о русском писателе:

«Гений нации, чьи пределы касаются, так сказать, двух полюсов, неизбежно исполнен элементов смутных, сложных, несвязных. В нем в избытке присутствуют причудливые сказания, захватывающие или ужасные аллегории. Тургенев с лихвой черпает из этой сумрачной сокровищницы. Дьявольские черты *женщины-вампира*, черты злого духа, которого на Востоке знают под именем *Пери*, являются в его сказках, одни под личиной замогильной циркачки, практикующей свои чары над уснувшим человеком, чья кровь единственно способна утолить ее жажду и напитать ее, другие — в виде маленькой турецкой еврейки, полупрозрачном призраке, провозвестнике несчастья, который ставят в качестве приманки возле мышеловки с целью заманить жертву. Эти прелестные монстры воплощены в формы: и вероломная *Евламния*, которая, изгнав отца из собственного дома и совершив инцест, использует полученный от преступления доход для основания монастырского ордена, *Ирина* в “Дыме”, беспечная и великолепная как греческая императрица; зловещая дама, которая в сказке, озаглавленной “Бригадир”, разорила своего любовника и вынудила его взять на себя ответственность за совершенное преступление, <...> а впереди всех эта опасная *Варвара Павловна*, прожигающая жизнь в парижском *High-life* и доводящая до отчаяния благородное сердце, — весь этот блестящий и вредоносный рой порочных натур, который в произведениях Тургенева кишит и жужжит вокруг желанной добычи, несомненно принадлежит к inferнальному роду, из которого выходят вампиры, источающие наряду с опьяняющими ароматами запаха, так сказать, тления» [Selden 1879d: 3].

К сожалению, мы не знаем реакции писателя на последнюю статью Зельден, однако можно легко представить, какая ироническая улыбка показалась на его лице, когда он с трудом узнавал в набросанных портретах лица своих героинь. И уже безо всякой улыбки он мог прочесть следующую характеристику женских образов в своих произведениях:

«Автор представляет нам все многообразие *Вампиров* в женском облики; он редко показывает светскую женщину доброй и умной, умеющей исходящим от нее очарованием смягчить ожесточенные споры и утихомирить мелкие мужские неприязни. Не то чтобы Тургенев не воздавал в своем творчестве должное женской добродетели. Но эта несколько холодная добродетель напоминает белизну северных снегов. Набожная Лиза из “Дворянского гнезда”, нигилистка Марианна из “Накануне”, та другая, красивая

и богатая, которая покидает своего отца, отчий дом, где так необходимо ее присутствие, своих братьев, чтобы последовать за старым нищим и грязным юродом, в котором она видит святого (“Странная история”. — Н. Г.), все эти героини заняты, но не слишком привлекательны. Непреклонность византийских девственниц отзывается в их несколько хрупких формах, в упрямстве их несколько прямолинейных умов, иногда в их молчаливом смирении, с которым они способны подчиниться, и потому удивляешься лишь наполовину, когда присутствуешь при печальной развязке любви или мистической привязанности, которая одну бросает в монастырское забвение, а других в религиозный или политический фанатизм. Очевидно, что эти женщины, девушки, матери семейств родились и выросли под присмотром и при свете икон, которые оберегают порог русских жилищ» [Selden 1879d: 3].

Вряд ли порадовало русского писателя и сопоставление его «Степного короля Лира» с «Отцом Горио» Бальзака. Разделяя мужские образы у Тургенева на две категории, К. Зельден писала:

«Эти тонкие, меланхоличные, почти женственные натуры, благородные образцы славянского характера в том, что он может предложить наиболее возвышенного и чистого, создают весьма оригинальный контраст с героями некоторых других рассказов, свирепыми фигурами казаков, крепостных, охотников из дворян, мощными очертаниями всадников, скачущих галопом на своих венгерских рысаках или разгоняющих колеса своих *тарантасов* в заснеженных степях. Мрачны пейзажи, как и персонажи, ими порожденные, как и разворачивающиеся сцены. Там, больше, чем в других местах, посреди угрюмых зимних вечеров, сурового климата, серого однообразия горизонта грустное человеческое существо ищет стимулов к физическим упражнениям или сильным ощущениям, которые доставляет пьянство. Это существо коротает дни в охоте на кабана, походя на него, а вечера в компании попа, тупого и глупого слуги, который распивает бутылку водки с *барин*ом и старается его рассмешить, ожидая, что тот протянет ему символическую свечу, освещающую путь в загробный мир. А эти типы почти шекспировской силы, фигурирующие в сказках, озаглавленных “*Король Лир*” и “*Степной дворянин*” (sic! — Н. Г.), которые представляют собой образы грубой силы, напоминают железных людей из старогерманских сказаний и могут показаться преувеличенными и чрезмерными из-за

своих колоссальных размеров. Мужская стать героев наших современных романов не приучила нас к великанам. Какая дистанция между бедным добряком отцом Горио, представляющим у Бальзака жертву отеческой любви, и этим косматым и бородастым колоссом, который в приступе безумного гнева мстит за неблагодарность дочери тем, что поджигает крышу дома, который он имел слабость ей подарить! У этих людей, наполовину диких, из которых кое-кто с трудом может написать свое имя, но от этого испытывает еще большую гордость, гнев, пьяный угар, всплеск оскорбленного самолюбия, которые дают толчок к кровавым расправам. Многие из них становятся идиотами на руках слуг, которые прячут их, когда те напиваются, и сообщают попу, когда им угрожает смерть» [Selden 1879d: 3].

А вот общий призыв Зельден к европейцам не замыкаться в себе и обратиться к литературе и истории стран, лежащих за пределами «цивилизированной» Европы, должны были хотя бы отчасти смягчить мнение русского писателя о своем неожиданном критике.

«В целом, я полагаю, что нет более притягательного и одновременно более познавательного чтения, — писала Зельден о творчестве Тургенева. — Это чтение предлагает, на мой взгляд, сюжеты для необходимого изучения в эпоху, когда огромные скорости и легкость сообщения сблизили людей. Сегодня для нас непозволительно интересоваться только самими собой и как следствие впадать в преувеличение, противоположное косым взглядам, что подталкивает русских любоваться лишь тем, что находится извне. Узкий шовинизм отжил свое и сам падает перед неизбежной необходимостью узнавать то, что существует вне нас. Нам же остается, хочется верить, излишек нравственности, высшая степень цивилизации, которую заимствуют из преимуществ обдуманной и разумной свободы. Но соотечественники Тургенева имеют в распоряжении запас врожденных знаний, которые несут люди, более близкие к природе. Одно компенсируется другим» [Selden 1879d: 3].

Как знать, может быть, обращаясь к знаменитому русскому писателю, Камилла Зельден надеялась обрести в нем собеседника, которого жаждала ее неутомимая душа, но этого, судя по всему, не случилось. Вряд ли мы обретем новые фрагменты их несостоявшейся переписки. Последняя часть жизни Камиллы прошла в уединении: она преподава-

ла немецкий язык в школе для девочек в Руане. Но одно поразительное совпадение все же есть.

Жюль Легра, воспоминание которого о гейневской «Мушке» приведены выше, наверняка читал статьи Камиллы Зельден о Тургеневе и будто бы услышал ее призыв в последней статье, где она советовала европейцам не замыкаться в себе и изучать Россию. Еще до упомянутой книги о Гейне Легра увлекся Россией и отправился в свое первое путешествие в нашу страну. Он так полюбил ее, что в 1895 г., до ухода Камиллы Зельден, выпустил книгу «В русской стране», стал изучать русскую литературу и сменил профессию — из историка немецкой литературы стал одним из первых профессоров-русистов. К этому, кажется, имела отношение не только Камилла Зельден, но и Тургенев, очаровавший знаменитую гейневскую «Мушку» своими бессмертными произведениями.

Список литературы

Источники

- Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1957. Т. 3. 356 с.
- Гейне Г. Собр. соч.: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1959. Т. 10. 739 с.
- Новости иностранной литературы // Отечественные записки. 1862. Октябрь. С. 274–275.
- Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Соч.: в 12 т. М.: Наука, 1980. Т. 5. 544 с.
- Lavigne E. Le Roman d'une nihiliste. Paris: Paul Ollendorff, éd., 1879. 350 p.
- Selden C. Les derniers jours de Henri Heine. Paris: Calmann Lévy, éd., 1884a. IV, 125 p.
- Selden C. Heinrich Heine's letzte Tage: Erinnerungen. Jena: H. Costenoble, 1884b. IV, 104 s.
- Selden C. "La Littérature française de 1850 à 1870. Les écrivains et leurs œuvres. II." *Le XIXe siècle*, no. 2681, 24 avril, 1879a, p. 3.
- Selden C. "La Littérature franco-russe. 1er article. Un roman politique." *Le XIXe siècle*, no. 2786, 8 août, 1879b, p. 3.
- Selden C. "La Littérature franco-russe. 2e article. Les œuvres de Tourguénef. Le Russe à l'étranger." *Le XIXe siècle*, no. 2811, 3 septembre, 1879c, p. 3.
- Selden C. "La Littérature franco-russe. Les œuvres de Tourguéneff. (4e article). Les Russes chez eux." *Le XIXe siècle*, no. 2867, 29 octobre, 1879d, p. 3.
- Selden C. "Le Mouvement littéraire actuel. Les sauveurs littéraires et les politiques." *Le XIXe siècle*, no. 2693, 6 mai, 1879e, p. 3.
- Selden C. "Mouvement littéraire de 1850 à 1870. Première article. Son Origine et ses Tendances." *Le XIXe siècle*, no. 2672, 14 avril, 1879f, p. 2.

Taine H. Essais de critique et d'histoire. 2e éd. P.: Hachette, 1866. 446 p.

Исследования

Bianquis G. Wright J. Camille Selden, sa vie, son œuvre (Bibliothèque de la Revue de Littérature comparée. T. 80). Paris, Honoré Champion, 1931 // Revue critique d'histoire et de littérature. 1932. № 7 (juillet). P. 317–318.

Gagnebin M. Une Muse romantique // Mercure de France. 1930. 41e année, № 777 (1 novembre), CCXXIII. P. 545.

Wright J. Camille Selden, sa vie, son œuvre. Un intermédiaire entre l'esprit germanique et l'esprit français. Paris: Honoré Champion, 1931. 259 p. (Bibliothèque de la Revue de Littérature comparée. T. 80.)

References

Bianquis, Geneviève. “Wright J. Camille Selden, sa vie, son œuvre (Bibliothèque de la Revue de Littérature comparée. Vol. 80). Paris, Honoré Champion, 1931” [“Wright J. Camille Selden, his Life, his Work (Library of the Comparative Literature Review. Vol. 80). Paris, Honoré Champion, 1931”]. *Revue critique d'histoire et de littérature*, no. 7 (juillet), 1932, pp. 317–318. (In French)

Gagnebin, M. “Une Muse romantique” [“A Romantic Muse”]. *Mercur de France*, 41e année, no. 777 (1 novembre), CCXXIII, 1930, p. 545. (In French)

Wright, J. *Camille Selden, sa vie, son œuvre. Un intermédiaire entre l'esprit germanique et l'esprit français* [*Camille Selden, her Life, her Work. An Intermediary between the Germanic Spirit and the French Spirit*]. Paris, Honoré Champion, 1931. 259 p. (In French)

© 2023. О. Л. Фетисенко

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
г. Санкт-Петербург, Россия

**Сергей Рачинский и его уроки словесности.
По страницам неизданной переписки с И. Л. Леонтьевым
(Иваном Щегловым)¹**

Аннотация: Обширная неизданная переписка С. А. Рачинского с прозаиком и драматургом Иваном Щегловым (И. Л. Леонтьевым), которая велась с 1891 до 1900 г., представляет собой яркий эпистолярный памятник, имеющий большое историко-литературное значение. Большинство обсуждаемых здесь литературных сюжетов связано с творчеством одного из участников переписки. Рачинский рассматривает произведения Щеглова прежде всего с точки зрения педагога, оценивая их пригодность или непригодность для широкого круга читателей и для его собственных учеников. В статье впервые публикуются большие фрагменты писем 1891 г., в одном из которых затрагивается тема войны.

Ключевые слова: С. А. Рачинский, И. Л. Леонтьев (Щеглов), переписка, литературное творчество, народное чтение, архивные материалы, тема войны.

Информация об авторе: Ольга Леонидовна Фетисенко, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук, наб. Макарова, д. 4, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 07.09.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 23.10.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Фетисенко О. Л. Сергей Рачинский и его уроки словесности. По страницам неизданной переписки с И. Л. Леонтьевым (Иваном Щегловым) // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 122–135. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-122-135>

---

¹ Статья написана к 190-летию со дня рождения С. А. Рачинского.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 122–135. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 122–135. ISSN 2686-7494
Research Article

© 2023. **Olga L. Fetisenko**
Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

Sergey Rachinsky and His Literature Lessons.
Based on Unpublished Correspondence with I. L. Leontiev
(Ivan Shcheglov)

Abstract: The extensive unpublished correspondence of S. A. Rachinsky with the writer Ivan Shcheglov (I. L. Leontiev), which was conducted from 1891 to 1900, is a vivid epistolary monument of great historical and literary significance. Most of the literary subjects discussed here are related to the work of one of the participants in the correspondence. Rachinsky interprets Shcheglov's works mainly from the point of view of a teacher, assessing their suitability or unsuitability for a wide range of readers and for his own schoolchildren. The article for the first time publishes large fragments of letters from 1891, one of which touches on the topic of war.

Keywords: S. A. Rachinsky, I. L. Leontiev (Shcheglov), correspondence, literary work, archival sources, topic of war.

Information about the author: Olga L. Fetisenko, DSc in Philology, Leading Research Fellow, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, 4 Makarova Emb., 199034 St. Petersburg, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5670-2656>

E-mail: betsy98@mail.ru

Received: September 07, 2023

Approved after reviewing: October 23, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Fetisenko, O. L. "Sergey Rachinsky and His Literature Lessons. Based on Unpublished Correspondence with I. L. Leontiev (Ivan Shcheglov)." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 122–135. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-122-135>

Завершается так называемый «год педагога и наставника», приуроченный к 2023 г. по связи с 200-летием К. Д. Ушинского. На его фоне менее замеченным оказалось 190-летие другого великого русского учителя, Сергея Александровича Рачинского (1833–1902)¹, основателя церковно-народной школы. По выражению В. В. Розанова, много лет переписывавшегося с «татевским отшельником» (так называли Рачинского по родовому имению Татеево, где и находилась его образцовая школа), это — «бесспорно одна из самых светлых, безупречных личностей» за весь XIX век [Розанов 1999: 53]. У Рачинского нет специальных работ о русской словесности, однако по его очеркам и статьям разбросано множество важных замечаний и наблюдений о чтении, об отечественных классиках. Особо можно выделить, например, фрагмент, где сопоставляются миры Пушкина и Гоголя [Рачинский 1891: 50–53]. Свой педагогический и жизненный опыт народный учитель передавал не только в эссе и заметках (теоретических работ он избегал), но в еще большей мере в письмах к своим корреспондентам, число которых к концу XIX в. составляло уже не одну сотню. В этот круг входили представители всех социальных слоев: от сельского учителя до министра, от причетника до архиерея, а если говорить о литературном мире — то от безвестного газетчика до Льва Толстого.

Все получаемые письма Рачинский с определенного периода стал бережно сохранять, благодаря чему нам доступна теперь уникальная коллекция из 130 переплетенных томов (она хранится в РНБ и частично в РГАЛИ), которую Сергей Александрович шуточно называл «обо-

---

¹ Личности и наследию Рачинского в последние десятилетия посвящено множество исследований. Назову лишь некоторые: [Майорова 1994; Стеклов 2002; Коншин 2013]. Неоднократно переиздавался сборник его статей «Сельская школа» (первое издание вышло в 1891 г.).

зом к потомству» [Рачинский 1895: 547]¹. Письма здесь выстроены по датам и читаются как единый многоголосый дневник русской жизни 1870-х – начала 1900-х гг. Эту эпистолярную сокровищницу Рачинский «высоко ценил, считая ее чрезвычайно важным культурно-историческим материалом» [Горбов 1903: 3]. Сохранилось и достаточно много ответных писем учителя, и все это документальное богатство начало привлекать внимание исследователей. Сейчас оно исследуется и по-немногу публикуется. Однако полностью изданы пока лишь переписка с Л. Н. Толстым (хотя «реплики» каждого адресата изданы «поврозь»²), с В. В. Розановым [Розанов 2010]³ и композитором С. В. Смоленским [Смоленский], а также полный корпус писем к Рачинскому его дальнего родственника и вместе с тем ученика К. Н. Леонтьева — И. И. Кристи [Кристи].

Если не брать в расчет письма многочисленных родственников, можно сказать, что в последние годы жизни Рачинского преобладала переписка, так или иначе связанная с его «профессиональной деятельностью», т. е. с церковно-народной педагогикой, а также с борьбой за трезвость, ревнителем которой был основатель Татевской школы. К нему всё чаще обращались как к учителю жизни. Наплыв посетителей, стремившихся разрешить «вечные вопросы», был в Татеве, пожалуй, не меньшим, чем в Ясной поляне. Одним из таких искателей истины, избравшим Рачинского своим духовным наставником, оказался петербургский прозаик и драматург, капитан артиллерии в отставке, участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., приятель А. П. Чехова, Иван Леонтьевич Леонтьев (1856–1911), выступавший в литературе под псевдонимом «Иван Щеглов».

История его знакомства с Рачинским и общая характеристика переписки уже дана мною в отдельной статье [Фетисенко 2023]⁴, поэтому здесь ограничусь лишь пунктирным изложением обстоятельств

---

¹ Выражение, перенятое у Рачинского, употребляется в письме Розанова к нему от 10 февраля 1900 г. [Розанов 2010: 604]. Так же Рачинский называл и собственные эпистолы; см. [Мироносицкий: 11].

² 18 писем (1852–1898) Рачинского к Л. Н. Толстому, изданных с предисловием А. С. Петровского: [Рачинский 1928].

³ Здесь тоже письма каждой стороны представлены отдельно, не как диалог.

⁴ О Щеглове см. также: [Битюгова]; [Катаев]; [Фетисенко 2014, 2022а, 2022б].

провиденциальной для Щеглова встречи с Татевым, чтобы перейти к основному предмету данной публикации — обсуждению «вопросов литературы» в неизданной переписке Рачинского со столичным беллетристом.

К 1891 г. Щеглов уже имел достаточно большую известность как автор произведений о войне и солдатской жизни, юмористических рассказов и водевилей, его все больше влекло к литературе серьезных тем, а привычная жизнь литературных кружков, журфиксов и увеселительных заведений стала его тяготить до отвращения. Семейная жизнь тоже не ладилась. Нужно было найти какую-то точку опоры, и довольно молодой еще писатель решил воспользоваться гоголевским «рецептом»: «проездить по России», как он говорил, в «поисках за истиной»¹. В намеченном маршруте одним из первых появилось Татеево.

Как выяснилось уже после публикации указанной выше статьи о взаимоотношениях Рачинского и Щеглова, о самом существовании Татеевской школы литератор сначала узнал из газетной публикации Ю. Н. Говорухи-Отрока². Статья, подписанная постоянным псевдонимом Говорухи «Ю. Николаев», носила название «Кто побеждает?» и была, собственно, откликом на другую работу — написанный учеником Рачинского и издателем его трудов Н. М. Горбовым очерк [Говоруха 1891а; Горбов 1891]. Через год Щеглов писал А. А. Александрову: «О, от Николаева я много чего нового узнал и на многое он меня толкнул — косвенно, я даже ему обязан добрым знакомством моим с С. А. Рачинским!»³.

На другой день после того, как Щеглов уже отправился в свое большое путешествие, в «Московских ведомостях» появилась рецензия Говорухи-Отрока на сборник «Сельская школа» [Говоруха 1891b], которая могла только укрепить писателя в его намерении посетить Татеево. К этому времени он уже успел приобрести книгу Рачинского (экземпляр с владельческим штампом Щеглова и его пометами сохранился в

---

¹ О его большом путешествии 1891 г. и его последствиях см.: [Фетисенко 2012: 667–691]. Выражение «поиски за истиной» — из дневника Щеглова [Фетисенко 2012: 671].

² За его критическими и публицистическими статьями в «Московских ведомостях» писатель всегда следил, а позднее и лично познакомился и сблизился с Говорухой и его соратниками.

³ РГАЛИ. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 668. Л. 12 (письмо от 27 апреля 1892 г.).

библиотеке Пушкинского Дома, где есть много принадлежавших ему книг, которые поступили сразу после смерти писателя в 1911 г. вместе с его архивом).

Первоначально он хотел и начать свои «поиски за истиной» с Татевской школы, деликатно предупредив Рачинского письмом, но из ответного послания узнал, что у того смертельно больна мать. Учитель, не отказывая Щеглову, просил лишь повременить с посещением. Оказавшись у Рачинского на другой день после его именин (6 июля 1891 г.), Щеглов был умилен, заворожен, очарован всей увиденной обстановкой. Прочитанное в книге «Сельская школа» подтверждалось наяву, Татевое стало местом, куда Щеглов потом стремился душой, но, запутавшийся в «мелочах жизни», смог побывать там еще лишь один раз, в 1897 г. Не имея духовного отца-священника, своим наставником он избрал именно Рачинского и на протяжении нескольких лет вел с ним регулярную переписку. Начавшаяся в год выхода первого издания сборника «Сельская школа», она велась до 1900 г. Всего переписка содержит 123 письма (64 Щеглова и 59 ответных). Письма Рачинского несколько суховаты, щегловские, напротив, эмоционально-приподняты, но восторженность чередуется в них с унылыми сетованиями на превратности жизни.

В первый же год знакомства Щеглов был намерен ввести свои татевские впечатления в задуманный им роман о духовном преображении петербургского интеллигента-неврастеника (по впечатлениям собственных «поисков за истиной»), а также написать большую статью о Рачинском, для чего просил у Горбова необходимые биографические подробности. После отказа последнего он ограничился краткой рецензией на «Сельскую школу» в «Новом времени» [Леонтьев], а позднее узнаваемо для современников изобразил учителя в пьесе «Затерянный мудрец» (1897), где прототипом главного героя стал Н. Н. Страхов, а Рачинский послужил прообразом Иеронима Иеронимыча Слатвинского. Прервалась переписка после прискорбного эпизода, когда Щеглов, несмотря на предостережения Рачинского, выступил в печати с двумя статьями, в которых характеризовал родного дядю татевского учителя, поэта Боратынского, как тайного недоброжелателя Пушкина, навевшего тому образ Сальери.

Эпистолярный диалог с Рачинским насыщен литературными сюжетами с самого начала: с кратких отзывов педагога о прочитанных

им произведениях Щеглова [Фетисенко 2023: 134]. Под внимательным взором татевца создавался очерк «У отца Иоанна Кронштадтского» [Фетисенко 2022a], одно из произведений, которым Щеглов хотел знаменовать начало нового периода в своем творчестве. В переписке 1891 г. интересен сюжет с обсуждением раннего рассказа «Первое сражение», привлекшего внимание Толстого и в отредактированном виде изданного «Посредником»¹.

9 августа 1891 г. Щеглов сообщал Рачинскому, что в конце своего путешествия, в Москве, получил ждавшие его «два рекомендательных письма к Л. Н. Толстому»: «...в одном говорилось, что он обо мне предупрежден, и даже особенно расположен после прочтения “Первого Сражения” и т. д. Но сердце не лакей, чтобы ему приказывать, и я оба рекомендательных письма спрятал... до более подходящей минуты. — Сначала надо съездить к отцу Иоанну»². Намерение Щеглова одобрял и его друг В. П. Горленко, несправедливо сейчас забытый писатель, которому, кстати, и посвящен рассказ «Первое сражение»: «Что касается Толстого — то лучше не видеть этого. Будем воображать себе его таким, как воображали. Может быть, это и ближе к истине и те противоречия и искажения, котор<ые> есть на самом деле, созданы не им, а жизнью, которой он не в силах победить, несмотря на всю смелость своей мысли»³.

Вместе с письмом от 9 августа Щеглов отправил Рачинскому три свои книги, изданные в 1887 г.: сборник, в который вошли два его самых известных рассказа («Первое сражение» и «Поручик Пospelов»)⁴, отдельное издание романа «Гордиев узел» и составленную им книгу

---

¹ Первое сражение: Рассказ Ивана Щеглова. М.: [Посредник], 1891. 72 с. Впервые рассказ был издан в «Новом обозрении» (1881. № 3), вошел в сборник: Щеглов И. Первое сражение. Поручик Пospelов. Жареный гвоздь. Идиллия. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1887. «Версия» «Посредника» переиздавалась потом еще два раза (1894, 1896). Характер предпринятой в этом издательстве правки может стать предметом отдельного исследования.

² РНБ. Ф. 631. Д. 59. Л. 140–140 об.

³ ИРЛИ. Сигн. 769 (1). Л. 6 (письмо от 9 августа 1891 г.). Здесь и далее подчеркиванием передаем отметки, сделанные Щегловым карандашом на адресованных ему письмах, курсивом — авторские подчеркивания.

⁴ См. примеч. 1 на стр. 129.

«Русский мыслитель. Избранные мысли и отрывки из сочинений Гоголя, его писем и воспоминаний о нем». При этом он пояснял:

«В заключение несколько невольных и необходимых слов о посылаемых книгах. — Хотя я знаю ограниченность Вашего досуга, но мне хотелось бы, чтобы Вы пробежали все-таки моего “Поручика Поспелова”: это мое *первое* печатное произведение, и Вы увидите, как знаменательно странно он связан с душой Татеева. — (Написано в апреле 1881 г.)¹.

Роман “Гордиев Узел”², разумеется, нездоровый, чисто петербургский роман, но он написан страстно и искренне, и, может быть, Вы найдете в нем элементы, по которым Вы дадите право обратиться преимущественно к художественной деятельности, в чем я за последнее мое петербургское время стал болезненно колебаться. —

“Русский Мыслитель” имеет совсем особое значение. Составленный неумело, с огромными промахами, он был составлен всё же с истинным увлечением, и на нем лежит, кажется, та печать, которой я главное добивался: печать общедоступности и полной моральности. Ежели Вы найдете, что это так, то я бы мог с великою радостью без всякого ущерба для себя выслать Вам его, экземпляров 20, 30 — ежели не для учеников, то для учителей... ну, конечно, для учителей! — Для учеников более *взрослых*, пожалуй бы, подошло мое “Первое Сражение” в издании “Посредника” с рисунком Ковшенко³, вполне воплощающим для меня мое настоящее пережитое сражение 13 августа 1877 г.⁴ Сокращена она для народа г<оспо>жей Чертковой А. К.⁵, и, по-моему, не совсем удачно (что, впрочем, чувствительно только автору, а не простому читателю!) и издано в 12000 экзemplаров>. У меня

---

¹ Рассказ был не написан, а впервые опубликован в «Вестнике Европы» в апреле 1881. № 4, вошел в изданный в 1887 г. сборник (см. примеч. 1 на стр. 128). С «душою Татеева» это произведение связано «народнической» темой.

² Роман, впервые опубликованный в журнале «Новь» (1886. № 6–11), в 1887 г. вышел отдельным изданием, которое Щеглов и подарил Рачинскому.

³ Имеется в виду живописец Алексей Данилович Кившенко (1851–1895). О его взаимоотношениях с В. Г. Чертковым см.: [Аксенова, Кудряшова].

⁴ В военном дневнике И. Л. Леонтьева сохранилась запись об этом дне (ИРЛИ. Сигн. 1411. Ч. 2. Л. 3 об.–4 об.).

⁵ Речь идет об Анне Константиновне Чертковой (урожд. Дитерихс; 1859–1927).

опять-таки есть 20 свободных авторских экземпляров, которые бы непременно надо было бы переслать в Татеево, ежели они подойдут. — в чем не уверен еще...»¹

Рачинский отвечал подробнейшим образом 24 августа 1891 г. Особенно актуален сейчас фрагмент, посвященный военной теме:

«На другой день после отправки моего письма дошли до меня Ваши книги. Вы знаете, что много читать мне невозможно. Прочел я только “поручика Поспелова”, “Первое сражение” и просмотрел “Русского мыслителя”. Буду читать понемногу, и по мере чтения, сообщать Вам мои впечатления.

“Поручик Поспелов” — вещь молодая и симпатичная. Глубоко верная мысль, выраженная в ней, недавно прекрасно была развита в анонимной статье *Revue des deux mondes* — “le rôle social de l’officier”². Ваш очерк произвел бы впечатление гораздо более сильное, если б эта мысль была выражена в нем пластичнее, т. е. не в рассказе Поспелова о своей деятельности, а в изображении этой деятельности. Таких Поспеловых мне случалось встречать, и я всегда удивлялся тому, что наши беллетристы еще не воспользовались этим симпатичным, чисто-русским типом.

“Первое сражение” написано прекрасно; но впечатление испорчено односторонним освещением. Ведь война есть не только бойня, не только пир зверских инстинктов человека; она есть искупительная жертва, приносимая народами и отдельными личностями, помимо их воли, по определению свыше; война есть мученичество, война есть таинство; вот почему военное ремесло всегда останется почтеннейшим из ремесел; почему война всегда была и будет одною из высочайших тем искусства. Эта мистическая сторона войны исчезает в Вашем рассказе; она сводится у Вас к нарушению пятой заповеди...

Что рассказ этот очень понравился Толстому, совершенно естественно. Вы в нем в точности воплотили толстовские *умствования* о войне — что

---

¹ РНБ. Ф. 631. Д. 59. Л. 141 об.–142 об.

² Общественная роль офицера (*фр.*). Речь идет о статье капитана кавалерии Юбера Лиоте (1854–1934), будущего маршала и военного министра Франции, «О социальной роли офицера при всеобщей военной службе». Это было первым его печатным выступлением. См.: [Lyautey, Hubert]. Du rôle social de l’officier dans le service militaire universelle // *Revue des deux Mondes*. 1891. Т. 104. 15 Mars, pp. 443–459. Об этой работе см.: [Heidsieck].

для самого Толстого невозможно, ибо его громадный талант постоянно охватывает предметы несравненно шире и глубже, чем его недюжинный, но ограниченный ум. Переделки, несомненно тенденциозной, Посредника я не читал. Само собою разумеется, что подобных вещей моим ученикам, коим предстоит быть воинами, я читать не даю. Никакой кровожадности в них нет, и в народной среде сложились на войну воззрения несравненно более серьезные и глубокие, чем сенсации прапорщиков Алешиных¹. Не понимаю, что могло Вас побудить — согласиться на переделку этого рассказа в народную книжку.

«Русский мыслитель» — книга привлекательная и полезная. Но название ее неточно. Гоголь никогда не был мыслителем. Эта несвойственная ему роль погубила его, как губит ныне Толстого. Но он был великий художник и очень умный человек. Поэтому в его писаниях разбросано много мыслей новых и ярких, и еще более мыслей, старых, как мир, но облеченных в образы поразительной силы — что также немалая заслуга. Поэтому именно и уместна антология, составленная Вами. Согласитесь, что такой антологии из творений истинного мыслителя — какого-нибудь Спинозы или Канта — не извлечешь. Со временем, такой же, и еще более, ценный сборник можно будет почерпнуть из писаний Толстого»².

Исполняя свое обещание постепенно читать и сообщать свое мнение, 30 августа Рачинский продолжал свои письма-рецензии:

«Я прочел “Гордиев узел”. Роман этот страдает тем же органическим недостатком, как и “Петербургская идиллия”³, т. е. характер героя не оправдывает патетического тона, коим Вы рассказываете его злоключения. В “Петербургской” идиллии” Вы пытались разжалобить нас судьбою писарихи, вступившего в любовную связь, весьма приятную и удобную, с швеею, на которой он и не думал жениться. Сказанная швея, встретив мужчину, более красивого и ловкого, чем Ваш герой, естественным образом последнего бросает. Остается только удивляться глупости героя, кото-

---

¹ Главный герой рассказа «Первое сражение».

² ИРЛИ. Сигн. 989а. Л. 11–13.

³ Рассказ, вошедший в сборник новых произведений Щеглова «Корделия [и др. рассказы]» (СПб.: Изд. А. С. Суворина, 1891), присланный писателем в Татевое еще перед его приездом туда.

рый подобного исхода не предвидел... В «Гордиевом узле» Вы попытались ту же тему развить в более высоком тоне. Ваш Горич решается жениться на Насте. Но все-таки им двигает похоть, а не любовь. При первом препятствии, отсрочивающем обладание этою женщиною, он покушается подкупить ее пустяжным подарком на пошлую любовную связь, за что и получает совершенно заслуженное: наплевать. Конечно, Настя его не любит — но она могла бы его полюбить, если бы он на ней женился. Но так как он сам ее не любит, то и считает возможным обойтись без брака — и поэтому самому весь трагический пафос рассказа оставляет читателя холодным. — Лакейская грязь, в коей по случаю своей задуманной женитьбы купается Горич, описана превосходно. Но согласитесь, что правыми оказываются эти грязные лакеи — не доверяя высоким чувствам Горича¹.

Вы скажете, что я слишком строг. Но вспомните, ради Бога, для кого Вы пишете. Не для немногих тысяч читателей умственно и нравственно образованных: ведь они нашей психопатической беллетристики последнего десятилетия знать не хотят. Вы пишете для сотен тысяч, едва ли не миллионов полунинтеллигентного люда, размножению коего способствую и я грешный — для читателей Света, Нивы и Нови, для мелких чиновников, сельского духовенства и учителей, фельдшеров и *tutti quanti*². И вот, этому-то народу Вы твердите на все лады, путем ваших трогательных повестей, что всякая похоть дает человеку священное право на ее удовлетворение, что всякое к сему препятствие едва ли не преступление со стороны Провидения, составляет Гордиев узел, разрешимый лишь самоубийством...

Ведь право, таков смысл девяти десятых современных наших повестей и романов³. И в какой мере всё это принимается за чистую монету читателями, об этом впору судить мне, проводящему свою жизнь в *дурном* обществе⁴. Сжальтесь над нами, учителями. Ведь нет книжки журнала, нет листка газеты, который мы могли бы без опасения дать в руки нашим взрослым ученикам...⁵

---

¹ Два предложения Щеглов отчеркнул на полях карандашом.

² Всех прочих (*ит.*).

³ Предложение отчеркнуто слева на полях карандашом.

⁴ Шутливая отсылка к названию повести В. Г. Короленко «В дурном обществе» (1885). Ср. в письме Рачинского от 6 июля 1892 г.: «У нас всё по-старому. Вчера были мои именины — и обычный наплыв в школы *дурного общества*» (ИРЛИ. Сигн. 989а. Л. 106 об.).

⁵ Предложение отчеркнуто слева на полях карандашом.

Отрадно мне думать, что Вы по крайней мере не напишете больше ничего подобного. Это вовсе не значит, чтобы всё, написанное Вами до тех пор, было трудом напрасным. Вы набили себе руку. Вы создали себе технику, Вы набрали красок на свою палитру. Но настоящее творчество — впереди. Вспомните, что дорогой нам обоим *отесинька* (С. Т. Аксаков) написал Семейную Хронику, когда ему минуло 60 лет»¹.

Серьезность и обстоятельность этого двухчастного разбора и призыв «сжалиться» над учителями и вообще читателями вдохновили Щеглова продолжать «серьезную» линию своего литературного творчества, и он с большим усердием принялся за работу над антитолстовской повестью «Около истины», которую закончил в 1892 г. Много душевных сил он вложил в роман «Миллион терзаний», но не смог завершить его. Что же касается грандиозных замыслов 1891–1892 гг., когда на страницы автобиографического романа вводились и Оптинский старец Амвросий, и К. Н. Леонтьев, и Рачинский, то они, эти замыслы, так и остались на уровне разрозненных черновых записей в рабочих тетрадах. Литератор эпохи фельетона, Щеглов вернулся к более привычному для него «малому жанру», уделяя время также мемуарным очеркам, «раскопкам» о Пушкине и Гоголе и трудам о народном театре.

Список литературы

Источники

[Говоруха-Отрок Ю. Н.] <Николаев Ю.> Кто побеждает? По поводу статьи Н. М. Горбова «Школы С. А. Рачинского». «Русское обозрение». Апрель // Московские ведомости. 1891. 20 апр. № 109. С. 4–5.

[Говоруха-Отрок Ю. Н.] <Николаев Ю.> Книга С. А. Рачинского: С. А. Рачинский. «Сельская школа». М., 1891 // Московские ведомости. 25 мая. № 142. С. 3–4.

Горбов Н. М. С. А. Рачинский. СПб.: О-во ревнителей рус. ист. просвещения в память имп. Александра III, 1903. 43 с.

Горбов Н. М. Школы С. А. Рачинского (Из воспоминаний) // Русское обозрение. 1891. Апрель. С. 587–603.

Кристи И. И. Письма к К. Н. Леонтьеву. Статьи / сост., вступ. ст., подгот. текста и коммент. О. Л. Фетисенко // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем в 12 т.

¹ ИРЛИ. Сигн. 989а. Л. 15–17 об. Ранее в переписке имя С. Т. Аксакова всплывало в письме Щеглова от 9 августа 1891 г. (РНБ. Ф. 631. Д. 59. Л. 139 об.). Возможно, разговор об авторе «Семейной хроники» велся собеседниками и в Татеве.

Приложение. Т. 2. Письма к К.Н. Леонтьеву. Статьи. СПб.: Владимир Даль, 2016. С. 301–389.

[*Леонтьев И. Л.*] <И. Щ.> Книга С. А. Рачинского // Новое время. 1891. 25 сентября. № 5594. С. 3.

Мироносицкий П. П. С. А. Рачинский и церковная школа. СПб.: Синодальная тип., 1910. 36 с.

Рачинский С. А. Сельская школа: сб. ст. / предисл. Н. М. Горбова. СПб.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1891. 217 с.

Рачинский С. А. Церковная школа // Русское обозрение. 1895. Т. 33. Июнь. С. 541–556.

[*Рачинский С. А.*] Письма С. А. Рачинского // Письма Толстого и к Толстому. Юбилейный сборник. М.; Л.: ГИЗ, 1928. С. 210–248.

Розанов В. В. Во дворе язычников. М.: Республика, 1999. 463 с.

[*Розанов В. В.*] Переписка В. В. Розанова и С. А. Рачинского // *Розанов В. В.* Литературные изгнанники. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. Кн. 2. С. 413–605.

[*Смоленский С. В.*] Эпистолярное наследие С. В. Смоленского. Переписка с С. А. Рачинским. 1883–1902 / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Кабановой, М. П. Рахмановой. М.: ЯСК, 2018. 848 с.

Исследования

Аксенова Г. В., Кудряшова А. А. Значение семьи художника А. Д. Кившенко (1851–1895) в истории Воронежской губернии // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. № 2 (23). С. 15–36. <https://doi.org/10.24412/2541-9056-2022-223-15-36>

Битюгова И. А. И. Л. Леонтьев-Щеглов и Ф. М. Достоевский // Достоевский: Материалы и исследования СПб.: Наука, 1994. Т. 11. С. 271–290.

Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М.: МГУ, 1989. 261 с.

Конишин Н. Н. Сергей Александрович Рачинский. 1833–1902 // Историко-педагогический журнал. 2013. № 1. С. 12–22.

Майорова О. Е. Московский петиметр (Из истории русского утопизма) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб.: Феникс, Athenaeum, 1994. Т. 4. С. 54–71.

Стеклов М. Е. С. А. Рачинский — народный учитель. М.: Алгоритм, 2002. 268 с.

Фетисенко О. Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб.: Пушкинский Дом, 2012. 784 с.

Фетисенко О. Л. Достоевский в «оптинском дневнике» И. Л. Леонтьева-Щеглова // Достоевский и мировая культура. Альманах. СПб.: Серебряный век, 2014. № 32. С. 133–142.

Фетисенко О. Л. К истории очерка И. Л. Леонтьева (И. Щеглова) «У отца Иоанна Кронштадтского» // Два века русской классики. 2022а. Т. 4, № 2. С. 166–193. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-166-193>

Фетисенко О. Л. «Минуты роковые» на страницах дневника И. Л. Леонтьева (Ивана Щеглова) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. СПб.: Росток, 2022б. С. 52–62. <https://doi.org/10.31860/978-5-918680-353-52-62>

Фетисенко О. Л. Сергей Рачинский и его «сверхштатный ученик» Иван Щеглов // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2023. Т. 1, № 1. С. 129–144. <https://doi.org/10.52547/iarll.21.7>

Heidsieck, P. Le premier article de Lyautey. *Revue des deux Mondes*. 1951. 15 Avril. P. 728–735.

References

Aksenova, G. V., and A. A. Kudriashova. “Znachenie sem'i khudozhnika A. D. Kivshenko (1851–1895) v istorii Voronezhskoi gubernii” [“The Significance of the Family of the Artist A. D. Kivshenko (1851–1895) in the History of the Voronezh Province”]. *Gumanitarnye issledovaniia Tsentral'noi Rossii*, no. 2 (23), 2022, pp. 15–36. <https://doi.org/10.24412/2541-9056-2022-223-15-36> (In Russ.)

Bitiugova, I. A. “I. L. Leont'ev-Shcheglov i F. M. Dostoevskii” [“I. L. Leontiev-Shcheglov and F. M. Dostoevsky”]. *Dostoevskii: Materialy i issledovaniia* [Dostoevsky: Materials and Research], vol. 11. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, pp. 271–290. (In Russ.)

Kataev, V. B. *Literaturnye sviazi Chekhova* [Literary Relations of Chekhov]. Moscow, Moscow State University Publ., 1989. 261 p. (In Russ.)

Konshin, N. N. “Sergei Aleksandrovich Rachinskii. 1833–1902” [“Sergei Aleksandrovich Rachinskii. 1833–1902”]. *Istoriko-pedagogicheskii zhurnal*, no. 1, 2013, pp. 12–22. (In Russ.)

Maierova, O. E. “Moskovskii petimetr (Iz istorii russkogo utopizma)” [“Moscow Petit Maître (From the History of Russian Utopianism)”]. *Litsa: Biograficheskii al'manakh* [Persons: Biographical Almanac], vol. 4. Moscow, St. Petersburg, Feniks, Atheneum Publ., 1994, pp. 54–71. (In Russ.)

Steklov, M. E. S. A. *Rachinskii — narodnyi uchitel'* [S. A. Rachinsky — People's Teacher]. Moscow, Algoritm Publ., 2002. 268 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Geptastilist'”: *Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki* [“Heptastylists”: Konstantin Leontiev, His Interlocutors and Disciples]. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2012. 784 p. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Dostoevskii v 'optinskom dnevnike' I. L. Leont'eva-Shcheglova” [“Dostoevsky in 'Optina' Diary by I. L. Leontiev-Shcheglov”]. *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Al'manakh* [Dostoevsky and World Culture. Almanac], no. 32. St. Petersburg, Serebrianyi vek Publ., 2014, pp. 133–142. (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “K istorii ocherka I. L. Leont'eva (I. Shcheglova) ‘U ottsa Ioanna Kronshtadtskogo.’” [“On the History of the Essay ‘Visiting Father John of Kronstadt’ by Ivan Shcheglov (I. L. Leontiev)”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 4, no. 2, 2022a, pp. 166–193. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2022-4-2-166-193> (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “‘Minuty rokovye’ na stranitsakh dnevnika I. L. Leont'eva (Ivana Shcheglova)” [“‘Fatal Minutes’ on the Pages of the Diary of I. L. Leontiev (Ivan Shcheglov)”]. *Ezhegodnik Rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma* [Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2022b, pp. 52–62. <https://doi.org/10.31860/978-5-918680-353-52-62> (In Russ.)

Fetisenko, O. L. “Sergei Rachinskii i ego ‘sverkhshatnyi uchenik’ Ivan Shcheglov” [“Sergey Rachinsky and His ‘Supernumerary Disciple’ Ivan Shcheglov”]. *Issledovatel'skii zhurnal russkogo iazyka i literatury*, vol. 1, no. 1, 2023, pp. 129–144. <https://doi.org/10.52547/iarll.21.7> (In Russ.)

Heidsieck, Patrick. “Le premier article de Lyautey.” *Revue des deux Mondes*, 15 Avril, 1951, pp. 728–735. (In French)

© 2023. И. Б. Павлова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Итоги конференции «Русская литература и национальная государственность»

Аннотация: В статье представлен анализ конференции «Русская литература и национальная государственность», подведены ее итоги, обобщены материалы докладов, отличавшихся научной обоснованностью и различными исследовательскими подходами, глубиной и значимостью. Отмечено новаторство ученых в постановке проблемы «Литература и государственность». Обрисован широкий круг вопросов, касающихся исторической, культурной, духовной жизни России, аксиологического значения феномена государственности, затронутых выступавшими. Участники конференции проявили единодушие в понимании литературы и идеи государства как базовых ценностей национальной истории. Подчеркивается, что традиция проведения этого симпозиума берет свое начало с 2020 г. и IV Всероссийская конференция находится в преемственной связи с ежегодными научными мероприятиями, которые организует Научно-исследовательский центр «Русская литература и христианская традиция».

Ключевые слова: русская литература, национальная государственность, история, культура, доклады, традиции, научная деятельность.

Информация об авторе: Ирина Борисовна Павлова, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: antologia1@yandex.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 05.11.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 16.11.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Павлова И. Б. Итоги конференции «Русская литература и национальная государственность» // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 136–145. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-136-145>

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 136–145. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 136–145. ISSN 2686-7494

Scientific Report

© 2023. Irina B. Pavlova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Results of the Conference “Russian Literature and National Statehood”

Abstract: The article provides an overview of the conference “Russian Literature and National Statehood,” sums up its results, and summarizes the materials of the reports, which were remarkable by their academic validity and various research approaches, depth and significance. The innovation of scholars in posing the problem “Literature and Statehood” was also notable. The article outlines a wide range of issues related to the historical, cultural, spiritual life of Russia, the axiological significance of the phenomenon of statehood, touched upon by the speakers. The conference participants showed unanimity in their understanding of literature and the idea of the state as the basic values of national history. The article emphasizes that the tradition of holding this symposium dates back to 2020, and the IV All-Russian Conference is in continuity with the annual scientific events organized by the Research Center “Russian Literature and Christian Tradition.”

Keywords: Russian literature, national statehood, history, culture, reports, traditions, scientific activity.

Information about the author: Irina B. Pavlova, DSc in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: antologia1@yandex.ru

Received: November 05, 2023

Approved after reviewing: November 16, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Pavlova, I. B. “Results of the Conference ‘Russian Literature and National Statehood.’” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 136–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-136-145>

17–18 октября 2023 г. в Институте мировой литературы Российской академии наук прошла IV Всероссийская научная конференция «Русская литература и национальная государственность. (К 500-летию Московского Новодевичьего монастыря)». Организатором ставшего ежегодным форума традиционно выступил Научно-исследовательский центр «Русская литература и христианская традиция» ИМЛИ РАН.

Учитывая комплексный, всеобъемлющий характер проблемы «Литература и государственность», ее фундаментальное значение для российской исторической и культурной жизни, неудивительно, что круг вопросов, вынесенный на обсуждение организаторами конференции, оказался очень обширным. Основными направлениями в ее работе (из числа предложенных участникам для обсуждения) стали «Православный государственный идеал и аксиология русской литературы», «Современное значение русской классической литературы в защите и утверждении традиционных государственно-патриотических ценностей», «Теория государственности в творениях духовных писателей России», «Образы государства и государей в русской литературе», «История государства российского в творчестве русских писателей», «Традиция и революция в русской литературе», «Геополитическая мысль русских писателей».

При всем многообразии прозвучавших докладов, естественном различии заявленных исследовательских подходов, конференцию отличало большое единодушие в понимании литературы и государственности как базовых ценностей российской истории. Центральной для многих докладов оказалась мысль о доказанном веками взаимном обогащении государства и национальной культуры, возможности и необходимости (при неизбежном историческом драматизме) их плодотворного сотрудничества. Можно сказать, что, являясь филологической, кон-

ференция в то же время одушевлялась вековыми идеалами Российского государства — в том числе так или иначе отраженными в национальной словесности.

Первая конференция «Русская литература и национальная государственность» прошла в 2020 г. Прошедшие годы ярко продемонстрировали актуальность темы конференции, живой интерес российских и зарубежных ученых к ее проблематике. Четвертая по счету конференция (она, как и три более ранние, проводилась дистанционно на базе платформы zoom) также оказалась весьма представительной как в смысле широты охвата научных школ и направлений, так и по многообразию прочитанных докладов.

На конференции выступили 29 докладчиков. Общее число участников, выступавших в дискуссиях по докладам и их обсуждении, составило 45 человек. Участники представляли, помимо Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, такие академические центры, как Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом), Институт этнологии и антропологии РАН, Институт российской истории РАН, Институт востоковедения РАН. Обширной оказалась география представленных высших учебных заведений: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Московский педагогический государственный университет, Московский государственный университет просвещения, Удмуртский государственный университет (Ижевск), а также государственные университеты городов Иваново, Кострома, Рязани, Ульяновска. На конференции выступили сотрудники Российской государственной библиотеки, Российской национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург), Московской духовной академии (г. Сергиев Посад), Дома русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Прозвучал доклад публициста, председателя Русского собрания в Сербии Ранко Гойковича (г. Белград, Сербия). В заседаниях конференции приняли участие исследователи из Абхазии, Израиля, Китая, Турции.

Конференцию открыл доклад И. А. Виноградова (д.ф.н., ИМЛИ РАН) «Становление Российской Империи в гоголевской концепции русской поэзии». Доскональный анализ литературно-критического и публицистического наследия Н. В. Гоголя позволил выступающему открыть целостную систему гоголевских воззрений на Рос-

сийскую Империю как на один из главных источников «лиризма» и русского поэтического расцвета первой половины XIX в. Темы, связанные с творчеством и мировоззрением Гоголя, были подняты также в не менее масштабных докладах В. А. Воропаева (д.ф.н., МГУ им. М. В. Ломоносова) «“На зеркало неча пенять...”» или Почему императору Николаю I понравился “Ревизор”» и В. М. Гуминского (д.ф.н., ИМЛИ РАН) «Малороссия у славянофилов и Гоголя». По глубине и полноте своего раскрытия проблема «Гоголь и российский государство» оказалась одной из наиболее значительных на конференции.

Целый ряд докладов был посвящен отражению государственнической проблематики в духовной и светской литературе XVIII – начала XIX вв. В центре доклада О. А. Крашенинниковой (к.ф.н., ИМЛИ РАН) «Триумфальная колесница Российского Государства в проповедях митрополита Стефана Яворского» находились проблемы российской государственности, впервые поставленные в XVIII в. митрополитом Стефаном Яворским в цикле его торжественных проповедей 1701–1711 гг. В докладе получило строгое обоснование утверждение о том, что именно Стефан привнес в русскую литературу петровского времени новые для нее идеи общерусской государственности и духовного единства Великой и Малой России. Особенного внимания заслуживает наблюдение исследовательницы за тем, как уподобление Яворским Российской Монархии образу сакральной колесницы из видения пророка Иезекииля позднее отзывается у Н. В. Гоголя при создании образа Руси-тройки.

Н. В. Трофимова (д.ф.н., МПГУ) в докладе «Правители Древней Руси в произведениях М. В. Ломоносова» на материале исторических образов деятелей допетровской поры раскрыла своеобразие державного мирозерцания великого ученого и поэта. В докладе Т. Н. Окуловой (к.ист.н., ИМЛИ РАН) «“Незыблемые столпы”. Религиозно-нравственные основы русской государственности в духовной и светской словесности первой четверти XIX века» на материале известных и забытых произведений была рассмотрена эпоха 1812 г., противостояние России и Запада, российского самодержавия (в его единстве с Православием и народностью) и пораженной антирелигиозной революционностью наполео-

новской Франции. Автором доклада были сделаны ценные наблюдения, связанные с формированием в литературе 1812 г. основополагающих начал будущей уваровской «триады». В свою очередь, Л. А. Сапченко (д.ф.н., Ульяновский государственный педагогический университет им. И. Н. Ульянова) обратилась к родственной проблематике, рассматривая ее в историко-философском ключе в докладе «“Не смешивать человеческого с божественным” (Война с Наполеоном в свете исторической концепции Н. М. Карамзина)».

А. В. Гулин (д.ф.н., ИМЛИ РАН) в докладе «Хвала и ропот в поэме “Медный всадник”» сосредоточил свое внимание на трактовке А. С. Пушкиным идеи государства, самодержавной власти, судьбы личности в гениальной поэме, которая содержит настоящую «полифонию» смыслов и таит в себе опасность произвольных и неоправданно прямолинейных ее интерпретаций. В поле зрения докладчика оказалась пушкинская смысловая иерархия, которая, согласно выводам А. В. Гулина, явилась совершеннейшим выражением торжествующей имперской мысли поэта во всей ее сложности, естественном драматизме и устремленности в будущее.

Большими удачами и примерами нетривиального, проникновенного изучения предмета можно считать несколько докладов, обращенных к различным аспектам темы государственности в русской поэзии. Так К. А. Поташова (к.ф.н., Московский государственный университет просвещения) в докладе «Имперская символика в батальной поэзии рубежа XVIII–XIX веков» рассмотрела использование русскими поэтами, писавшими о войне, орнитологических символов. И. А. Киселева (д.ф.н., Московский государственный университет просвещения) в докладе «Государственные интенции “кавказского текста” М. Ю. Лермонтова» также нашла неожиданный, свежий и в высшей степени убедительный взгляд на, казалось бы, всемерно изученную тему Кавказа в творчестве русского гения. Т. В. Федосеева (д.ф.н., Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина) посвятила свой доклад «Идея православной России в поэзии Я. П. Полонского» творчеству хотя и по-прежнему широко известного, но явно недооцененного прекрасного русского поэта.

Исключительным богатством материала — до сих пор почти не затронутого филологическими исследованиями, отличался доклад М. И. Щербаковой (д.ф.н., ИМЛИ РАН) «Крымская война 1853–1856 гг. в русских “летучих изданиях”». «Наивная», по преимуществу народная, в том числе солдатская поэзия эпохи была рассмотрена здесь как яркое выражение почвенных, исходящих «снизу» устремлений русского мира, его духовно-нравственных, патриотических ценностей и государственной воли.

На протяжении всех лет ее проведения для конференции стало традиционным обращение к социально-историческим и государственным воззрениям писателей-славянофилов. Столь же традиционным оказалось изучение темы славянофильства с привлечением новых архивных материалов либо малоизвестных печатных источников. Сказанное относится к докладу одного из ведущих специалистов в этой области, проникновенного знатока политических реалий середины XIX в. Д. А. Бадаляна (к.ист.н., Российская национальная библиотека, г. Санкт-Петербург) «Славяне, славянофилы и борьба элит в России второй трети XIX в.» Не менее значительным по своему фактографическому богатству и широким обобщениям оказался и доклад О. Л. Фетисенко (д.ф.н., ИРЛИ РАН) «И. С. Аксаков в год польского восстания (письма к Н. П. Игнатьеву)». Тему продолжила Е. А. Осипова (к.ф.н., ИМЛИ РАН) докладом «Тема русской государственности в речах И. С. Аксакова о славянах».

В поле зрения ряда выступавших находилось отражение исторической и государственной судьбы России в национальной драматургии. Доклад всероссийски признанного исследователя русской литературы XIX в. Ю. В. Лебедева (д.ф.н., независимый исследователь, г. Кострома) «У истоков драматургии А. Н. Островского» соединил в себе исследование неотделимых от Православия и Российского государства ранних жизненных впечатлений будущего национального драматурга и теплый лиризм. В центре доклада Н. В. Капустина (д.ф.н., Ивановский государственный университет, г. Иваново) «Самозванцы в русской драматургии в аспекте их речевого поведения: маскировка лжи» находились трагедии и хроники Сумарокова, Пушкина, Хомякова и Островского, в истолковании которых еще недостаточно

акцентируется встающая перед персонажами проблема лжи и правды. Вместе с тем оказавшиеся в поле зрения пьесы позволили докладчику обратиться к аксиологии русской литературы, выявить дополнительные нюансы в раскрытии важнейшей для отечественных писателей темы самозванства и самозванчества как мировой угрозы. Г. В. Мосалева (д.ф.н., Удмуртский государственный университет, г. Ижевск) связала проблематику конференции с творчеством Н. С. Лескова. Ее доклад «“Царская тема” в “Левше” Лескова» оказался построен на глубоком исследовании полного драматизма исторического контекста, связанного с цареубийством 1 марта 1881 г. и проецировании событий современности на лесковскую концепцию русской истории.

Несколько участников конференции представили доклады, в которых анализировались идейно-художественные взгляды Л. Н. Толстого на отечественную историю и предназначение государства. В. Г. Андреева (д.ф.н., ИМЛИ РАН) в докладе «“Задачи нового царствования”: письма Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина к Александру III» с привлечением богатого документального материала раскрыла драматические коллизии, возникавшие в отношениях «властителей дум» — русских литераторов, и деятельностью императора Александра Николаевича в связи с судом над цареубийцами и выбором путей дальнейшего развития страны. О. В. Кириченко (д.ист.н., ИЭА РАН) в докладе «Москва в романе Л. Н. Толстого “Война и мир” в свете православного учения о Третьем Риме» предпринял яркую и во многом убедительную попытку соотнести историческую картину толстовского романа-эпопеи с многовековой духовной традицией понимания судьбы и мировой роли Российского государства. Основу доклада Г. Н. Ковалевой (ИМЛИ РАН) «Записки Л. Н. Толстого о Новодевичьем монастыре, патриархе Адриане, царевне Софье и монахини Ефросинье в подготовительных материалах к роману из времен Петра I» составили заново прочитанные по автографам конспекты, которые делал писатель в процессе изучения исторических материалов для так и не написанного романа.

Начиная с первой конференции «Русская литература и национальная государственность» ее организаторы исходили из представления о глубинном единстве в новой русской словесности

литературы светской и духовной, укорененной в тысячелетней национальной традиции. На конференции 2023 г. тема взаимодействия государства и церковной литературы также оказалась представлена широко и многообразно. Она получила свое освещение в выступлениях иерея Николая Солодова (Московская духовная академия) «Имяславские споры на Афоне и участие в них иеромонаха Феодосия (Харитонов), По материалам периодических изданий», Р. Б. Бутовой (к.ист.н., ИРИ РАН) «Образ православного императора в представлениях начальника Русской духовной Миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина)», М. С. Крутовой (д.ф.н., Российская государственная библиотека) «Начальница русского женского приюта в Иерусалиме монахиня Магдалина (Эберн) в материалах ОР РГБ», Т. Е. Зинкевич (к.ф.н., Российская государственная библиотека) «Месяцеслов Успенского Колоцкого женского монастыря», М. Е. Федосеевой (к.ф.н., ИМЛИ РАН) «Старообрядчество в трудах С. В. Максимова».

Хронологические рамки конференции, согласно ее первоначальному замыслу, не предполагали выхода за пределы XVIII–XIX столетий. Однако с 2022 г. стала ощущаться настоятельная необходимость совершать хотя бы отдельные попытки «раздвинуть» изначально обозначенные временные границы. Два подобных доклада прозвучали и на форуме 2023 г. Таковым оказался очень значительный с точки зрения общей проблематики конференции основанный на ранее не известных материалах доклад Ю. Е. Павельевой (к.ф.н., Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына) «“Куликово поле” И. С. Шмелева: символы национального возрождения». Своеобразное преломление классической традиции в советское время находилось в поле зрения Е. В. Николаевой (д.ф.н., МПГУ), представившей доклад «Иван Грозный и его эпоха в забытой трилогии В. И. Костылева».

Как необходимое заключение конференции прозвучал по-своему итоговый доклад ее участника из Сербии Ранко Гойковича (публицист, председатель Русского собрания в Сербии) «Державное призвание русской литературы», где фактически оказались собраны воедино и названы с полной определенностью основные смыслы и направления в работе двухдневного научного форума.

В ходе проведенных заседаний участники и слушатели делились своими суждениями относительно затронутых по ходу мероприятия идейно-эстетических проблем. Подводя итоги, присутствующие отмечали актуальность, научную и жизненную необходимость конференции. Были высказаны надежды на ее дальнейшую плодотворную работу.

© 2023. Е. А. Осипова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
г. Москва, Россия

Новая книга о роде и семье Аксаковых¹

Аннотация: Вниманию читателей предлагается рецензия на книгу Андрея Петровича Дмитриева «Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция: из архивных разысканий». Она приурочена к 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова, выдающегося русского публициста славянофильского направления, поэта и общественного деятеля. В монографии исследованы разнообразные аспекты жизни и деятельности представителей знаменитой семьи Аксаковых, которые в своих сочинениях и переписке активно откликались на все важнейшие события культурной и общественной жизни России. Все приводимые сведения основаны на обширных архивных данных, как правило, впервые вводимых в научный оборот. Помимо охвата проблематики самого широкого круга в книге осуществлен новый подход к накоплению исследовательского потенциала по изучению истории русских родов и социальных процессов в русском обществе XIX в. Издание снабжено иллюстрациями, списком сокращений, указателем имен и ценной библиографической справкой о первых публикациях материалов, помещенных или упомянутых в книге.

Ключевые слова: Аксаковы, славянофилы, русские исторические роды, Россия, Запад, славянский мир, архивные разыскания, Крымская война, Русско-турецкая война.

Информация об авторе: Елена Аркадьевна Осипова, кандидат филологических наук, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

E-mail: osipovv@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 07.08.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 14.09.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Осипова Е. А. Новая книга о роде и семье Аксаковых // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 146–153. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-146-153>

---

¹ Рецензия на книгу: Дмитриев А. П. Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция: из архивных разысканий. СПб.: ООО «Издательство «Росток»», 2023. 544 с.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 146–153. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 146–153. ISSN 2686-7494

Book Review

© 2023. Elena A. Osipova

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

A New Book about the Aksakov Clan and Family¹

Abstract: The readers are invited to review the book by Andrey Petrovich Dmitriev “The Aksakov Family: Literary Heritage and Civic Position: From Archival Research.” It is dedicated to the 200th anniversary of the birth of Ivan Sergeevich Aksakov, an outstanding Russian publicist of Slavophile trend, poet and public figure. The monograph explores various aspects of the life and activities of the representatives of the famous Aksakov family, who in their writings and correspondence actively responded to all the most important events in the cultural and social life of Russia. The research is based on extensive archival data, partly introduced into scientific circulation for the first time. In addition to covering a wide range of subjects the book provides a new approach to the accumulation of research potential in the study of the history of Russian clans and social processes in Russian society of the 19th century. The research is provided with illustrations, a list of abbreviations, an index of names and a valuable bibliographic references to the first publications of the materials placed or mentioned in the book.

Keywords: the Aksakovs, Slavophiles, Russian historical families, Russia, West, Slavonic world, archival research, Crimean War, Russo-Turkish War.

Information about the author: Elena A. Osipova, PhD in Philology, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: osipovv@rambler.ru

Received: August 07, 2023

Approved after reviewing: September 14, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Osipova, E. A. “A New Book about the Aksakov Clan and Family.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 146–153. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-146-153>

---

¹ Book review: Dmitriev, A. P. *The Aksakov Family: Literary Heritage and Civic Position: from Archival Research*. St. Petersburg, Rostock Publishing House LLC, 2023. 544 p. (In Russ.)

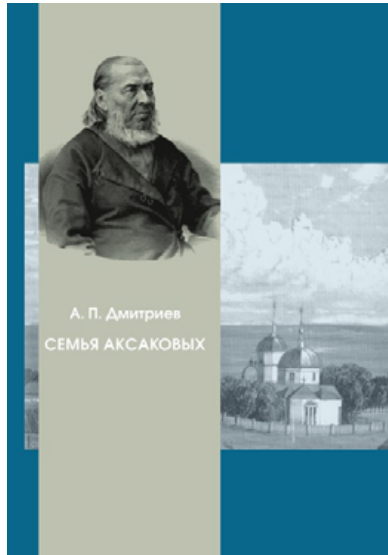
В 2023 г. вышла в свет обширная монография крупного ученого-литературоведа и библиографа Андрея Петровича Дмитриева о творческом наследии дворянской семьи Аксаковых. Книга приурочена к 200-летию со дня рождения Ивана Сергеевича Аксакова (1823–1886) — выдающегося русского мыслителя, общественного деятеля, председателя Общества любителей российской словесности (1872–1874) и Московского славянского благотворительного комитета¹ (1875–1878).

Собранный и проанализированный в книге материал представлен в четырех частях, объединенных хронологическим порядком — с 1830-х до 1880-х гг. В дополнении «О. Г. Аксакова в борьбе за издание сочинений К. С. Аксакова (вместо послесловия)» рассказывается о самоотверженном труде племянницы К. С. Аксакова по ознакомлению публики с произведениями своего дяди. Издание снабжено списком сокращений, указателем имен и ценной библиографической справкой о первых публикациях материалов, помещенных или упомянутых в книге. Все сведения основаны на обширных архивных данных, как правило, впервые вводимых в научный оборот. Материалы проливают дополнительный свет на богатое творческое наследие семьи Аксаковых, а также позволяют лучше представить культурную среду, сформировавшую особый тип русского человека служилого сословия, преданного России и ее «всемирно-исторической миссии», по выражению самого И. С. Аксакова.

На примере взаимоотношений в большой семье Аксаковых, а также ближнего и дальнего круга их единомышленников, хорошо видно значение семейной преемственности и родственных связей, построенных на любви, ответственности и живом чувстве духовного единства, которое естественным образом распространялось и на широкий

---

¹ С апреля 1877 г. — Московское славянское благотворительное общество.

круг соотечественников. Например, предлагая сотрудничество молодому казанскому слависту Мемнону Петровскому, И. С. Аксаков, еще не зная Петровского лично, писал ему: «...бросьте Вы Вашу гимназию и переезжайте в Москву. Я предлагаю Вам 600 р<ублей> сер<ебром> жалованья в год от “Беседы” и от “Паруса” да квартиру с отоплением <...>. Я человек уживчивый, только чтобы Вы были человек невялый и с сердцем. А Вас хвалят» [Дмитриев: 307].

Семейная тема в наследии Аксаковых раскрывается в книге с разных сторон, обретая новые, интересные грани. Это, например, рассуждения С. Т. Аксакова о религиозном смысле супружеской любви, из его писем к сыну Григорию, незадолго до этого обвенчавшемуся с Софьей Александровной Шишковой; это ранее неизвестный очерк-манифест Софьи Аксаковой «О воспитании русских детей» [Дмитриев: 269], а также литературный альбом «Семейные стихотворения Аксаковых, писанные на разные случаи с 1841 года» [Дмитриев: 286].

Именно такие семьи, имеющие духовно здоровое устройство, способны, по мысли философа И. А. Ильина, «создать и выносить культуру национального чувства и патриотической верности» [Ильин: 152]. В свете этих рассуждений глубоко прискорбно, что после революции 1917 г. русские исторические роды были обречены на уничтожение;

самые первые декреты новой власти были направлены на разрушение традиционной семьи и, в первую очередь, — христианского брака [Лавров: 50–57].

Затронутые в книге вопросы очень разнообразны, и, что не менее важно, исследованы с учетом новооткрытых архивных данных. К таким темам, среди прочего, относятся: содержание славянофильской концепции войны, описание заграничных путешествий, перипетии славянского вопроса, в том числе отношения России и Польши, судебная реформа 1864 г., вопросы богословия [Дмитриев: 141–177, 212–229, 416–425, 436–486] и многое другое. А. П. Дмитриев рассматривает их в широком историко-культурном контексте, делая акцент на цивилизационном противостоянии России и Запада, что делает книгу насыщенной и актуальной, — как справедливо указывает сам автор, «в полной мере созвучной нашему времени» [Дмитриев: 8].

Ученый подчеркивает, что в высказываниях братьев Аксаковых часто звучит тема непримиримого антагонизма православной России и действовавших на тот момент международных сил, которые служили источником антирусских настроений. Как правило, они принимали форму невероятного страха перед мощью Российской Империи, ее надежной армии, а также иррациональной боязни тех качеств, которые на протяжении многих столетий укрепляли стержень русской национальной жизни. Константин Сергеевич Аксаков, говоря о религиозно-нравственном характере Крымской войны, писал: «Понятна ненависть Запада к России, как понятна ненависть гордого разврата к смиренной чистоте, пред которою он бессилен. <...> Долго скрываемая ненависть проникла наконец наружу в настоящую минуту. Это уже не Наполеон, не гениальный завоеватель, насильственно ведущий на нас материальные силы народов. Нет, это ненависть самих народов Запада, это союз всей Европы против нас; — за что? — понятно: это вражда начал (принципов), глубоко лежавших в основании Западно-европейского и Славянского мира» [Дмитриев: 11]. Как мы видим, многие проблемы, затрагиваемые славянофилами, остались прежними и даже обострились.

Поэтому особенно ценно, с нашей точки зрения, что при упоминании ряда имен или сюжетов автор регулярно делает отсылки к некоторым событиям новейшей истории, актуализируя исследуемую историческую проблематику. Знаменательно, что именно в последние

годы, как указано в книге, были опубликованы некоторые работы Аксаковых, ранее не издававшиеся по цензурным соображениям, однако вновь востребованные по своей тематике и содержанию. К таковым, например, относятся статьи К. С. Аксакова «Россия и Запад» (впервые опубликована в 2016 г.) [Дмитриев: 11], «Враги в Русской земле» [Дмитриев: 11], а также упомянутый очерк С. А. Аксаковой «О воспитании русских детей» [Дмитриев: 269].

Особого внимания заслуживает переписка Веры Аксаковой с ее двоюродной сестрой Марией Карташевской, дочерью Надежды Тимофеевны, урожденной Аксаковой. В этой переписке сестры, иногда в форме полемики, горячо обсуждаются такие неженские, на первый взгляд, темы, как общественно-политическая жизнь, оправданность русских жертв в Крымской войне, предательская роль министра иностранных дел графа К. В. Нессельроде, лукавство католиков-иезуитов, стремящихся прельстить православных славян на Балканах, христианский долг великого русского народа по защите единоплеменных и единоверных братьев, положительная роль военных потрясений для пробуждения в русских людях исторического самосознания и др. Вера Сергеевна Аксакова, высказывая свои переживания по случаю разразившейся Крымской войны, писала: «Теперь все внимание поглощено войной, мне страшно вообразить себе все ужасы, неизбежные при такой войне; какой позор для тех христианских держав, которые теперь соединились с магометанами против христиан; что ожидает бедных христиан, живущих в Турции, страшно подумать» [Дмитриев: 184–185].

Все члены семьи Аксаковых живо откликнулись на современные значимые им события в истории России XIX столетия, так или иначе принимая в них непосредственное участие, будь то наполеоновское нашествие, Крымская война или Русско-турецкая война. Большое внимание они уделяли славянскому вопросу как неотъемлемой части русского мировоззрения, отводя России как хранительнице истинной веры особую, обязывающую роль по отношению к другим народам, и особенно — к единоверным славянам. Характерно высказывание К. С. Аксакова, считавшего термин «славянофильство» не совсем удачным: «Можно назвать славянофилом немца или француза, но — странно было бы называть француза галлофилом или немца германфилом, так точно как славянина по рождению, — славянофилом» [Кошелев: 6]. Иными словами, тяготение к славянству было для рус-

ских, с точки зрения мыслителей-славянофилов, делом естественным и органичным.

Свидетельством тому может служить, в частности, приводимое в книге А. П. Дмитриева ранее не привлекавшее внимание исследователей черновое письмо К. С. Аксакова к А. С. Хомякову, хранящееся в Рукописном отделе Пушкинского Дома [Дмитриев: 280–286]. В письме в связи с вопросом о чаемом культурном объединении славян Аксаков обращается к идее всеславянства и возможных путей ее осуществления. Важную роль в этом деле он отводит единому для всех славян литературному языку, каковым, по его убеждению, призван стать, в согласии с чаяниями всего славянства, русский язык.

Интересно, с нашей точки зрения, что в этом письме содержатся указания на то, что уже в середине XIX в. в связи с созданием «параллельного» литературного малороссийского языка наметились попытки осуществления искусственных манипуляций, нацеленных на признание русского наследия исконно малороссийским. Так, говоря о предъявлении прав малороссов на отдельную литературу на своем языке, К. С. Аксаков замечает: «Да и теперь некоторые из малороссийских патриотов, Шевченко, Кулиш, приходят к курьезному решению задачи. Они начинают книгу не на своем малороссийском языке писать, по-русски пишут и уверяют в то же время, что это-то и есть настоящий малороссийский язык...» [Дмитриев: 285]. Таким образом, перед нами, зачатки идей, развиваемых впоследствии в украинской научной историографии М. С. Грушевским (1866–1934) с его последовательным пафосом отказать русским в русскости, разделить две ветви единого народа, изобразив древнерусский период как обособленную от остальной России форму украинской государственности.

Появление обстоятельной работы А. П. Дмитриева о семье Аксаковых — книги, снабженной также интересными иллюстрациями и необходимыми указателями — ценно вдвойне. Помимо охвата проблематики самого широкого круга — по русской литературе, культуре и даже богословию, — в ней осуществлен новый подход к накоплению исследовательского потенциала по изучению истории русских родов и социальных процессов в русском обществе XIX в. Это делает книгу незаменимой для специалистов по русской истории, культуре, а также для всех, интересующихся славянофильским движением во всем его неповторимом многообразии.

**Список литературы
Исследования**

Дмитриев А. П. Семья Аксаковых: литературное наследие и гражданская позиция: из архивных разысканий. СПб.: Росток, 2023. 544 с.

Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. М.: Русская книга, 1993. 398 с.

Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840–1850-е гг.). Л.: ИРЛИ РАН, 1984. 195 с.

Лавров В. М. Православный взгляд на ленинский эксперимент над Россией. М.: Отчий дом, 2018. 94 с.

References

Dmitriev, A. P. *Sem'ia Aksakovykh: literaturnoe nasledie i grazhdanskaia pozitsiia: iz arkhivnykh razyskaniĭ* [The Aksakov Family: Literary Heritage and Civic Position: From Archival Research]. St. Petersburg, Rostok Publ., 2023. 544 p. (In Russ.)

Ilin, I. A. *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected Works: in 10 vols.], vol. 1. Moscow, Russkaia kniga Publ., 1993. 398 p. (In Russ.)

Koshelev, V. A. *Esteticheskie i literaturnye vozzreniia russkikh slavianofilov (1840–1850-e gg.)* [Aesthetic and Literary Views of Russian Slavophiles (1840–1850s)]. Leningrad, Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 1984. 195 p. (In Russ.)

Lavrov, V. M. *Pravoslavnyi vzgliad na leninskii eksperiment nad Rossiei* [Orthodox View of Lenin's Experiment on Russia]. Moscow, Otchii dom Publ., 2018. 94 p. (In Russ.)

© 2023. В. Г. Андреева

Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук
г. Москва, Россия

Специальный филологический выпуск журнала к юбилею А. Н. Островского¹

Аннотация: В статье представлена рецензия на вышедший в свет осенью 2023 г. специальный выпуск журнала «Вестник Костромского государственного университета», посвященный юбилею А. Н. Островского. Автор рецензии пишет о замысле и подготовке выпуска, о сложностях редколлекции, о реализации идеи с изданием юбилейного номера. Отмечается высокий научный уровень статей журнала, особенное место специального выпуска с точки зрения научного содержания при общем высоком уровне журнала и непременно сохранении стиля издания. В работе дана краткая характеристика большинства статей номера с точки зрения их обобщенного обзора. Подчеркивается роль инвесторов, обеспечивших возможность издания номера, самоотверженный труд ответственного секретаря журнала, Т. В. Осипенко, по сбору и организационному обеспечению выхода специального выпуска.

Ключевые слова: А. Н. Островский, юбилей, специальный выпуск, драматургия, национальный театр, Замоскворечье, театральная критика, современники, мемуарные материалы, литературный язык, повседневная жизнь.

Информация об авторе: Валерия Геннадьевна Андреева, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 20.10.2023

Дата одобрения статьи рецензентами: 12.11.2023

Дата публикации статьи: 25.12.2023

Для цитирования: Андреева В. Г. Специальный филологический выпуск журнала к юбилею А. Н. Островского // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 4. С. 154–167. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-154-167>

---

¹ Рецензия на журнал «Вестник Костромского государственного университета». 2023. Т. 29. № S (Специальный выпуск).

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 154–167. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 5, no. 4, 2023, pp. 154–167. ISSN 2686-7494

Journal Review

© 2023. Valeria G. Andreeva

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia

Special Philological Issue of the Journal for A. N. Ostrovskiy's Anniversary¹

Abstract: The article presents a review of a special issue of the journal “Vestnik of Kostroma State University,” published in the fall of 2023 and dedicated to A. N. Ostrovsky's anniversary. The review covers the concept and preparation of the issue, the difficulties of the editorial board and the implementation of the idea of publishing the anniversary issue. The high scholarly level of the published articles ensures the academic significance of the issue, taking into account the overall high level of the journal and the elaborated style of the publication. The work provides a brief description of most of the articles. The reviewer emphasizes the role of investors who made it possible to publish the issue and the dedicated work of the journal's executive secretary, T. V. Osipenko, in collecting and organizing the publication of the special issue.

Keywords: A. N. Ostrovsky, anniversary, special issue, drama, national theater, Zamoskvorechye, theater criticism, contemporaries, memoir materials, literary language, everyday life.

Information about the author: Valeria G. Andreeva, DSc in Philology, Leading Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4558-3153>

E-mail: lanfra87@mail.ru

Received: October 20, 2023

Approved after reviewing: November 12, 2023

Published: December 25, 2023

For citation: Andreeva, V. G. “Special Philological Issue of the Journal for A. N. Ostrovskiy's Anniversary.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 5, no. 4, 2023, pp. 154–167. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-4-154-167>

---

¹ Review of the Journal “Vestnik of Kostroma State University”, vol. 29, no. S (Special Issue), 2023.

Гуманитарная и филологическая наука в 2023 г. широко откликнулась на юбилей великого русского драматурга А. Н. Островского. Прежде всего, дата, конечно, значимая: в 2023 г. мы отпраздновали 200-летие со дня рождения писателя, однако даже более и сверх юбилейных торжеств в этом году хотелось перечитать пьесы драматурга, в год педагога и наставника услышать советы Островского, с особенной щедростью данные современникам и потомкам, ныне активно используемые опытными и знающими педагогами в процессе воспитания подрастающего поколения.

Юбилейные торжества были отмечены рядом международных конференций и чтений, по итогам которых вышли и издаются сборники статей. Особенное внимание значимой дате было уделено редакцией журнала «Вестник Костромского государственного университета», по инициативе которой в 2023 г. помимо четырех основных ежеквартальных номеров издания был выпущен в свет дополнительный — специальный выпуск, посвященный юбилею А. Н. Островского.

Этот специальный выпуск «Вестника КГУ» сделан под стандартной синей обложкой, которая соответствует бренд-буку университета и является типовой для журнала в течение последних нескольких лет. Однако содержание и наполнение этого выпуска, конечно, является особенным: в журнале опубликованы важнейшие исследования и наработки литературоведов и лингвистов, историков, библиографов, критиков, театроведов, специалистов по музейному делу, педагогов. Весь номер не претендует на обзор и представление полной картины современного исследования творчества Островского, однако в журнале дан ряд важных и фундаментальных статей. Они позволяют не только оценить актуальные моменты в осмыслении наследия драматурга, связанные с использованием новой методологии, поиском новаторского смысла в текстах его пьес, но и способствуют уяснению современным читателем русской жизни и литературного процесса второй половины

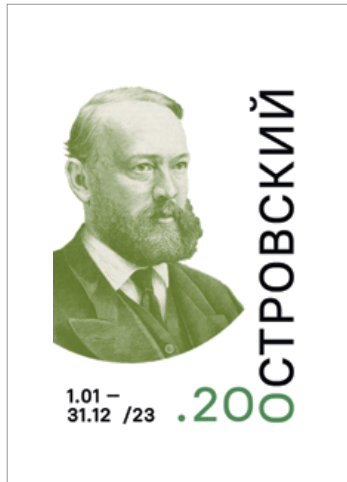
XIX в., способности Островского воздействовать на действительность своего времени, формировать читательские вкусы, влиять на изменение ценностей и убеждений обывателей. Не случайно в редакционной статье, открывающей номер, делается акцент на этическом значении художественного творчества Островского, которое помимо наслаждения, испытываемого читателями и зрителями, вовлекает их в сложную аналитическую работу, способствующую преобразению жизни. Абсолютно справедливо редакция журнала пишет о том, что Островский стал национальным писателем и драматургом, во многом основателем русского театра не только потому, что смог с позиций как мелочности, так и генерализации показать русскую жизнь своего времени — он сумел продемонстрировать вневременные ценности, которыми обладают русские люди, а в то же время пронизательно обозначил основные национальные проблемы. В более чем 50 оригинальных пьесах Островского дано не просто многообразие общечеловеческих типов, но показана динамика характеров, важные и обоснованные прогнозы.

За прошедшую почти уже четверть XXI в. в науке о литературе оказались осмысленными новые подходы к творчеству Островского. Вслед за советской эпохой, когда широко популярными были социальные и классовые проблемы, вопросы свободы личности, в частности,

женщины, возможности человека поступать вразрез с мнением родителей, старших, в XXI в. на первый план вышли духовно-нравственная проблематика творчества Островского, его понимание психологии людей, осмысление составляющих достойной жизни и искренних взаимоотношений. Умы многих людей, как и во времена драматурга, продолжает волновать вопрос настоящего богатства, истинного счастья и праведной жизни. Актуальность постановок пьес Островского в разных театрах нашей большой страны (как в столичных, так и в уездных), полные залы зрителей позволяют говорить о живой силе слова и образов драматурга.

Так, собственно, было и в XIX в. П. Д. Боборыкин вспоминал, что, несмотря на суровое обхождение цензуры с произведениями Островского, пьесы драматурга производили фурор, а роли в произведениях Островского делали знаменитыми многих актеров. П. Д. Боборыкин, внимательно следивший за театральной жизнью 1860-гг. писал, что Ф. А. Снетковой особенно удавались роли героинь в пьесах Островского, которые, в то же время, делали и славу актрисе: «Снеткову я уже видал и восхитился ею с первого же раза. ... А к 1861 году Фанни Александровна сделалась уже “первым сюжетом”, особенно после создания роли Катерины в «Грозе» Островского» [Боборыкин 1: 213]. Писатель отмечал, что в Мариинском театре (где играла и драматическая труппа) в «Грозе» «Снеткова привлекла и петербургский “монд”, это было своего рода событием» [Боборыкин 1: 224].

Значимым видится нам тот факт, что редакция журнала «Вестник КГУ» смогла собрать не просто тематическую рубрику журнала, но полный филологический выпуск с 22-мя оригинальными авторскими статьями. Редакционная коллегия журнала убеждена в том, что Костромская область, Костромской государственный университет не могли остаться в стороне, не откликнуться на юбилей Островского, жизнь и творчество которого тесно связаны с Костромой, костромскими землями, на которых находилось имение драматурга Щельково. Вместе с тем сложная финансовая ситуация в университете, смена руководства побудили редакцию искать средства на издание журнала. Большая организационная работа по поиску инвесторов и изданию журнала легла на ответственного секретаря — Татьяну Владимировну Осипенко, которая упорно отстаивала необходимость специального выпуска. Физическое, бумажное существование данного номера жур-

нала оказалось возможным при поддержке ПАО «Совкомбанк» и Почетного гражданина Костромской области, профессора, в прошлом — ректора Костромского государственного университета — Николая Михайловича Рассадина.

Формально и по стилю выпуск журнала, посвященный Островскому, мало отличается от ежеквартальных выпусков научного журнала «Вестник КГУ», но он открывается портретом драматурга и рядом благодарственных надписей спонсорам. После содержания номера размещено краткое предисловие, а уже далее — научные статьи. Привлекает продуманная и четкая архитектура выпуска, которая состоит из пяти примерно равноценных по объему и количеству статей рубрик: «Творчество А. Н. Островского как феномен литературы и культуры»; «Язык произведений А. Н. Островского»; «Произведения А. Н. Островского: литературная критика и издание»; «А. Н. Островский в воспоминаниях современников»; «А. Н. Островский и Костромская земля». Собственно, есть в журнале и шестая рубрика «Юбилей», в которую редакцией помещена статья к 90-летию В. Я. Лакшина — известного специалиста по творчеству Островского, автора ряда книг и множества статей о жизни и наследии драматурга.

Первая рубрика журнала является в большей степени литературной, но и слово «культура» появляется тут не случайно: авторы статей обращаются к действительной жизни XIX в., документам и собы-

тиям, свидетельствам эпохи, восстанавливают не только важнейшие моменты и детали литературного процесса, но представляют ценные аспекты взаимоотношений современников, их реакции на те или иные события. Журнал открывает статья И. А. Едошиной (докт. культ., КГУ, г. Кострома), в которой представлен новый и очень интересный взгляд на драматурга и его жизненный и творческий путь. Исследовательница отмечает не только положительные, но и отрицательные стороны натуры Островского, которые вкупе делали его удивительным и оригинальным драматургом. Отдельное внимание в статье уделяется проблеме христианских основ творчества Островского, показывается, что драматурга порою увлекали сюжеты, идущие вразрез с христианскими догмами. И. А. Едошина отмечает аспекты уникальности Островского, связанные с его движением не от идеологии, а от жизни; пониманием народности. В статье показано освоение Островским законов драматического искусства, с опорой на значительный пласт критической и научной литературы описан его «многомерный и многоликий» феномен [Едошина: 16].

В статье Н. В. Капустина (д.ф.н., ИвГУ, г. Иваново) предлагается новое, интересное прочтение пьесы Островского «Правда — хорошо, а счастье лучше», анализируются существующие трактовки смысла пьесы и ее финала и новаторское понимание не случайной, а глубоко промыслительной развязки.

Две последующие статьи рубрики, работы Ю. В. Лебедева (д.ф.н., независимый исследователь, г. Кострома) и В. Г. Андреевой (д.ф.н., ИМЛИ РАН, г. Москва) посвящены взаимоотношениям Островского с известными писателями-современниками — И. С. Тургеневым и Л. Н. Толстым, вместе с которыми драматург был участником «обязательного соглашения» в журнале «Современник». В глубокой и гармонически точной статье Ю. В. Лебедева показываются личные и творческие взаимоотношения писателя и драматурга, обозначаются споры Тургенева и Островского в период создания национального театрального репертуара. Ю. В. Лебедев отмечает, что «Тургенев-драматург, при всех своих амбициях, не выдержал конкуренции. Он сознательно оставил работу над пьесами и, признав приоритет Островского, замолчал» [Лебедев: 27]. Ученый объясняет причины «отступления» Тургенева, который увидел подлинную силу демократического искусства Островского, имеющего в своем основании прекрасное знание народного

мира. В статье поэтапно раскрывается диалог Тургенева и Островского, репликами в котором были как реальные ответы современников, так и художественные произведения, показано значение Тургенева в деле знакомства с творчеством Островского западноевропейских читателей. В. Г. Андреева выстраивает историю взаимоотношений Островского и Толстого, осмысляет письма Толстого к Островскому, сохранившиеся и зафиксированные в дневниках и посланиях другим лицам мнения писателя о драматурге. В статье показано изменение отношений Толстого и Островского на разных этапах, их сближения и отдаления — самобытность и характер обоих художников не способствовали постоянному дружескому общению. Отмечается, что еще в конце 1850-х гг. Толстой не раз констатировал завышенное самолюбие драматурга, при этом высоко оценивая его художественное творчество: «Заносчивость Островского Толстого отталкивала, он считал, что в данном случае сознание гениальности играет не на руку гению, мешая его реализации и росту, однако толстовские оценки “Доходного места” оставались неизменно высокими» [Андреева: 38]. В статье показывается, что многие современники ставили рядом имена Толстого и Островского, что, несмотря на прекращение взаимоотношений в 1860-е гг., писатель и драматург следили за творчеством друг друга, их диалог переместился на страницы пьес, повестей и романов.

В статье Н. Г. Михновец (д.ф.н., РГПУ им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург) впервые в процессе изучения драмы «Гроза» используется статья Ф. И. Буслаева «Изображение Страшного суда по русскому подлиннику XVII века» (1857), которая, по словам автора, побудила Островского «к напряженным историософским раздумьям над самим феноменом переходных эпох в истории» [Михновец: 49]. Отдельное внимание в работе уделяется теме Страшного суда, которая осмыслялась Островским в процессе написания пьесы и продумывания конфликта.

Проблеме переводов в творчестве Островского посвящена работа Н. К. Ильиной (к.ф.н., КГУ, г. Кострома), в которой сравниваются прозаические переводы комедии Шекспира, выполненные Н. Х. Кетчером и Островским. Н. К. Ильина в процессе внимательного сопоставления переводов и осмысления словоупотребления приходит к выводу, что Островский изучал перевод Кетчера. Ценность статьи заключается не только в аналитических замечаниях, но и в богатом иллюстративном языковом материале. Интересно исследование Н. С. Майоровой (к.и.н.,

КГУ, г. Кострома) и А. Э. Павловой (к.ф.н., КГУ, г. Кострома), позволяющее оценить реальный жизненный фон в пьесах Островского. В работе показаны элементы повседневности в ряде пьес драматурга, которые позволяют читателю сопрягать различные художественные миры Островского.

Вторая рубрика специального выпуска журнала посвящена языку пьес Островского — тема эта, несмотря на немалое количество написанных научных работ, до сих пор содержит нерешенные вопросы и проблемы, относящиеся не только к области лексикологии, но и грамматики, морфологии, синтаксису. При чтении повестей и романов Тургенева, к примеру, можно забыть про то, как говорят герои, при чтении пьес Островского о самобытном языке персонажей забыть невозможно.

Статья Н. С. Ганцовой (д.ф.н., КГУ, г. Кострома), написанная в соавторстве с аспирантом Цинь Лидуном, посвящена некоторым вопросам грамматической стилистики Островского и Писемского. Авторы приходят к выводу, что распределение условных союзов с делением по шкале «книжное/разговорное» связано с социальным статусом участников общения. Интересна лаконичная и яркая статья М. А. Фокиной (д.ф.н., КГУ, г. Кострома), содержащая анализ метафорической картины Замоскворечья в прозе Островского — исследовательница обобщает и приводит в систему метафоры с разным значением: некоторые из них внимательные читатели Островского помнят, а на другие не обращают внимания при чтении. Лексике драматурга, а именно «Словарю русского народного языка», над которым он работал долгое время, посвящена статья И. П. Вербы (к.ф.н, независимый исследователь, г. Ярославль). Автор статьи кратко описывает материалы, собранные Островским (рукописи которых хранятся сейчас в Государственном центральном театральном музее им. А. А. Бахрушина), оценивает основные принципы его работы, на нескольких наглядных примерах демонстрирует, что у Островского «в одной словарной статье представлена целая картина народной жизни» [Верба: 77]. Финальный пример в статье И. П. Вербы, посвященный бурлачеству, логично подготавливает следующую статью С. В. Окуловской (к.ф.н., ВА РХБЗ им. С. К. Тимошенко, г. Кострома), в которой речь идет о реконструкции лингвокультурных особенностей барочного судоходства на Волге на основании материалов, собранных Островским.

Третья рубрика журнала о критике на произведения Островского и их издании открывается статьей Н. Л. Ермолаевой (д.ф.н., независимый исследователь, г. Иваново) — значимой и фундаментальной работой о своеобразии драматургии Островского, эпическом мышлении художника, которое долгое время не видели и правильно не понимали и рядовые критики, и многие литературоведы. Н. Л. Ермолаева анализирует ряд критических статей о пьесах Островского именно с точки зрения понимания эпического характера его драматургии, отмечает, что важные признаки эпического мирозерцания были критиками обозначены, но не осмыслены. В советское время, по мнению Н. Л. Ермолаевой, наибольший вклад в понимание эпического у Островского был внесен Н. Н. Скатовым, Ю. В. Лебедевым и А. И. Журавлевой.

К проблеме глубины понимания категорий нравственного и этического русской критикой в текстах Островского обращается в своей статье Е. Н. Белякова (к.ф.н., КГУ, г. Кострома). Автор статьи отмечает конкретные пьесы и определенные примеры рецензий, показывая упреки критиков в адрес драматурга, часто необоснованные: «Хотя такие критики, как А. Григорьев, А. Плещеев, В. Стоюнин, Вс. Крестовский, дали вполне развернутое обоснование допустимости и необходимости художественной “смелости” Островского в изображении реальных сторон действительности, на протяжении 1860–70-х годов упреки в нарушении границ приличия, в “аномальности” представленных событий и характеров звучали в адрес драматурга регулярно» [Белякова: 100]. Скорее А. А. Григорьеву, а не Островскому посвящена статья И. В. Азеевой (канд. культ., ЯГТИ им. Ф. Шишигина, г. Ярославль) — на материале театрално-критического текста, в котором предметом внимания Григорьева стала пьеса «Бедность не порок», анализируется техника реконструкции критика. От разговора о современной Островскому критике следующая статья обращает читателей журнала в сторону академического литературоведения. В. В. Тихомиров (д.ф.н., независимый исследователь, г. Кострома) рассказывает, как работа с научным комментарием при подготовке Полного собрания сочинений Островского помогает лучше понять многие образы, в том числе сложные характеры героев в совокупности с обстоятельствами, на них воздействующими.

Окружение Островского, атмосферу его жизни и творчества, разные взгляды на писателя его современников позволяет оценить чет-

вертый раздел журнала. Круг статей и, соответственно, фигур людей, оказывающихся в центре внимания, не так широк. Но три различных взгляда на Островского и его творчество позволяют представить объемную картину. М. И. Щербакова (д.ф.н., ИМЛИ РАН, г. Москва) представляет взгляд на Островского С. В. Максимова, мемуары которого являются одними из наиболее обстоятельных среди подобной литературы об Островском. Исследовательница показывает, что к решению написать мемуары о драматурге Максимова побудила работа с бумагами Островского: «Работа с архивом покойного драматурга и подготовка к изданию его сочинений не только подарила колоссальный по объему материал для задуманного мемуарного очерка; это была и ретроспектива прожитых лет, неизбежно навевавшая самые разные чувства и ощущения» [Щербакова: 117]. В двух последующих статьях Г. И. Орловой (канд. культ., музей-заповедник «Щельково») в соавторстве с И. А. Едошиной и Е. О. Яцкив рассматриваются важные факты и подробности об Островском, присутствующие в воспоминаниях актрисы Малого театра В. П. Музиль-Бороздиной и талантливой писательницы, музы Панаева и Некрасова, А. Я. Панаевой.

Очень логично и закономерно далее следует рубрика журнала, раскрывающая связь Островского с костромской землей: речь идет даже не столько об исторических фактах, касающихся самого драматурга (хотя и о них также), но прежде всего о разных видах связи наследия Островского с костромским краем. Специалисты-лингвисты Н. С. Ганцовская (д.ф.н., КГУ, г. Кострома), Г. Д. Неганова (канд. культур., КГУ, г. Кострома) и Е. В. Цветкова (к.ф.н., КГУ, г. Кострома) дают содержательный отчет о работе учебно-научной лаборатории «Лексикология и лексикография», деятельность которой связана и с изучением произведений Островского, представляют подготовленный ими библиографический указатель работ об Островском костромских языковедов. В статье подчеркивается значение и роль Н. С. Ганцовской в лингвистическом изучении наследия Островского, Нина Семеновна возглавляет научную школу, в которой идет работа по исследованию языка текстов Островского. Кроме того, самой Н. С. Ганцовской написано немало ценных работ, в то числе «Частотный словарь языка А. Н. Островского», вышедший в 2012 г. [Ганцовская: 131]. Кострома глазами Островского и его современников показана в статье Е. Ю. Волковой (д.и.н., КГУ, г. Кострома) и Г. Ю. Волкова (к.и.н., КГСХА, г. Кострома). В ра-

боте подробно и основательно описывается связь Островского с Костромской губернией, представляется облик города к тому моменту, когда драматург увидел его в первый раз: «Это было первое знакомство великого драматурга с городом. Отныне он часто приезжал сюда как в губернский город для решения экономических и правовых дел по усадьбе Щельково и по вопросам земства Кинешемского уезда. Живя в Костроме неделями, Александр Николаевич интересовался прошлым города, встречался с друзьями и местными жителями» [Волкова: 144]. Исследователи как бы следуют вместе с Островским, предлагая нам экскурсию по древней Костроме и поясняя многое о зданиях, сооружениях. Авторы статьи сопровождают свою работу фотографиями и видами старой Костромы — публикация иллюстраций способствует формирований целостного впечатления о городе второй половины XIX в. Вслед за «экскурсией» по древней Костроме авторы двух последующих статей предлагают нам совершить обзор современного города с его артефактами, показывают экскурсионные маршруты и значение наследия писателя и его бессмертных образов.

Выход специального юбилейного выпуска журнала «Вестник КГУ» видится нам важным событием в бытовании современного научного периодического издания. Сложно недооценивать это событие и для ректората, сотрудников Костромского государственного университета: иллюстрация научных достижений авторов научных статей, являющихся авторитетными учеными в гуманитарной сфере, показывает активную работу костромских научных школ, а также известность журнала и его привлекательность для иногородних авторов.

Список литературы

Источники

Боборыкин П. Д. Воспоминания: в 2 т. / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Э. Виленкской и Л. Ройтберг. М.: Худож. лит., 1965. Т. 1. 590 с.

Исследования

Андреева В. Г. Всего четыре письма: о переписке Л. Н. Толстого и А. Н. Островского в истории взаимоотношений двух писателей // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № S. С. 36–42. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-36-42>

Белякова Е. Н. «Что за люди! что за язык!..» Русская критика 2-й половины XIX в. о границах «этического» и «приличного» в текстах А. Н. Островского //

Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 97–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-97-103>

Верба И. П. Словарь русского народного языка А. Н. Островского: этнолингвистический подход, основные принципы составления // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 75–78. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-75-78>

Волкова Е. Ю., Волков Г. Ю. «Что-то волшебное открылось нам»: Кострома в судьбе А. Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 139–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-139-147>

Ганцовская Н. С. Неганова Г. Д., Цветкова Е. В. «Родной язык он любил до обожания...» (Новое прочтение А. Н. Островского на костромской земле: обзор библиографии) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 129–138. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-129-138>

Едошина И. А. Феномен Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 10–19. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-10-19>

Лебедев Ю. В. И. С. Тургенев и А. Н. Островский // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 26–35. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-26-35>

Михновец Н. Г. Статья Ф. И. Буслаева «Изображение Страшного суда по русскому подлиннику XVII в.» в контексте двух «Гроз» А. Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 43–50. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-43-50>

Щербакова М. И. Воспоминания об А. Н. Островском С. В. Максимова: к предыстории мемуарных очерков // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29, № 5. С. 115–120. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-115-120>

References

Andreeva, V. G. “Vsego chetyre pis'ma: o perepiske L. N. Tolstogo i A. N. Ostrovskogo v istorii vzaimootnoshenii dvukh pisatelei” [“Just Four Letters: About the Correspondence of L. N. Tolstoy and A. N. Ostrovsky in the History of the Relationship Between Two Writers”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. 5, 2023, pp. 36–42. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-36-42> (In Russ.)

Beliakova, E. N. “‘Chto za liudi! chto za iazyk!..’ Russkaia kritika vtoroi poloviny XIX veka o granitsakh ‘eticheskogo’ i ‘prilichnogo’ v tekstakh A. N. Ostrovskogo” [“‘What Kind of People! What a Language!..’ Russian Criticism of the Second Half of the 19th Century on the Boundaries of ‘Ethical’ and ‘Decent’ in the Texts of A. N. Ostrovsky”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. 5, 2023, pp. 97–103. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-97-103> (In Russ.)

Verba, I. P. “Slovar’ russkogo narodnogo iazyka A. N. Ostrovskogo: etnolingvisticheskiy podkhod, osnovnye printsipy sostavleniia” [“Dictionary of the Russian Folk Language by A. N. Ostrovsky: Ethnolinguistic Approach, Basic Principles of Compilation”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. S, 2023, pp. 75–78. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-75-78> (In Russ.)

Volkova, E. Iu., and G. Iu. Volkov. “‘Chto-to Volshebnoe Otkrylos’ Nam’: Kostroma v Sud’be A. N. Ostrovskogo” [“‘Something Magical Was Revealed to Us’: Kostroma in the Fate of A. N. Ostrovsky”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. S, 2023, pp. 139–147. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-139-147> (In Russ.)

Gantsovskaia, N. S., G. D. Neganova, and E. V. Tsvetkova. “‘Rodnoi iazyk on liubil do obozhaniia...’ (Novoe prochtenie A. N. Ostrovskogo na kostromskoi zemle: obzor bibliografii)” [“‘He Loved His Native Language to the Point of Adoration...’ (New Reading of A. N. Ostrovsky on Kostroma Soil: Bibliography Review)”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, vol. 29, no. S, pp. 129–138. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-129-138> (In Russ.)

Edoshina, I. A. “Fenomen Ostrovskogo” [“Ostrovsky Phenomenon”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. S, 2023, pp. 10–19. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-10-19> (In Russ.)

Lebedev, Iu. V. “I. S. Turgenev i A. N. Ostrovskii” [“I. S. Turgenev and A. N. Ostrovsky”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. S, 2023, pp. 26–35. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-26-35> (In Russ.)

Mikhnovets, N. G. “Stat’ia F. I. Buslaeva ‘Izobrazhenie Strashnogo suda po russkomu podlinniku XVII veka’ v kontekste dvukh ‘Groz’ A. N. Ostrovskogo” [“Article by F. I. Buslaev ‘Image of the Last Judgment According to the Russian Original of the 17th Century’ in the Context of Two ‘Thunderstorms’ by A. N. Ostrovsky”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. S, 2023, pp. 43–50. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-43-50> (In Russ.)

Shcherbakova, M. I. “Vospominaniia ob A. N. Ostrovskom S. V. Maksimova: k predystorii memuariykh ocherkov” [“Memories of A. N. Ostrovsky S. V. Maksimova: On the Background of Memoir Essays”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, vol. 29, no. S, 2023, pp. 115–120. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2023-29-S-115-120> (In Russ.)

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

Научный журнал
Два века русской классики / Two centuries of the Russian classics

2023 — Т. 5 — № 4

Учредитель и издатель
Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук

Главный редактор

Щербакова Марина Ивановна
доктор филологических наук, профессор,
заведующая научно-исследовательским центром
«Русская литература и христианская традиция» ИМЛИ РАН

Дизайн обложки и макет журнала   **Компьютерная верстка**
Д. К. Бернштейн   А. З. Бернштейн

Корректор

В. Г. Андреева

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № Эл 77-76366 от 02.08.2019 г.

Адрес учредителя, редакции и издателя:

121069, Москва, ул. Поварская, 25а

Тел.: (495)690-50-30

E-mail: journal_ork@mail.ru

Сайт журнала: www.rusklassika.ru

Дата размещения сетевого издания в сети Интернет
на официальном сайте <http://rusklassika.ru> 25.12.2023 г.

При перепечатке ссылка обязательна

16+

Участником
мировой мете-
рографической
ком.

А. М. Топьского
РАН
Москва